

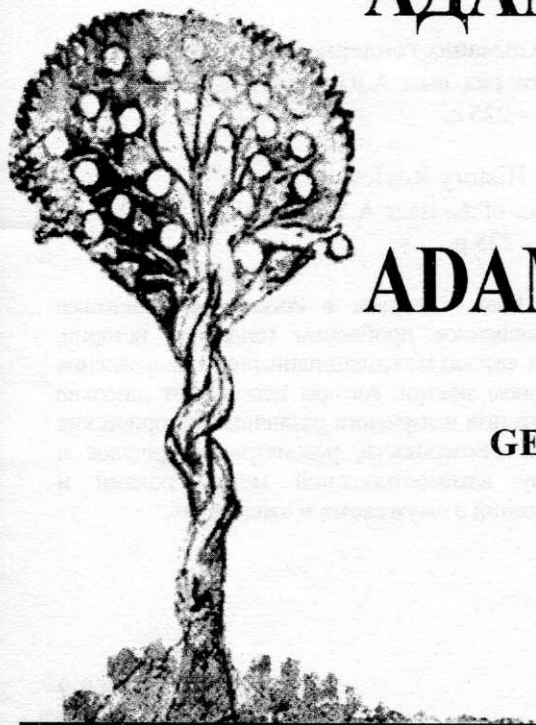
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ
ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

АДАМ & ЕВА

ADAM & EVE

GENDER HISTORY
YEARBOOK

2012

Москва

№20

ББК 63.3

А 281

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «Триумф»*

Главный редактор

Л.П.РЕПИНА

Ответственный редактор выпуска

А.Ю.СЕРЕГИНА

А 281 АДАМ И ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. Л.П.Репиной. Отв. ред. вып. А.Ю. Серегина. · № 20.

Москва: ИВИ РАН, 2012. – 225 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Editor: Lorina Repina. Editor of the issue A.Yu. Seregina. – № 20.

Moscow: IGH RAS, 2012. – 225 p.

Альманах «Адам и Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ISBN 978-5-94067-369-9

© Коллектив авторов, 2012

© Институт всеобщей истории РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

- Поздравительное слово к юбилею Л.П.Репиной* 7 *To Lorina Repina on her 65th anniversary*
- Гендерные репрезентации**
- О.И.Тогоева* 11 *O.I.Togoeva*
Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI-XVII вв.
A Shepherdess turned an Amazon: the image of Jeanne d'Arc in the French lives of illustrious people of the 16-17th centuries
- А.В.Стогова* 37 *A.V.Stogova*
Эпистолярные практики в XVII в.: между частным и публичным
Epistolary practices of the 17th century: between the private and the public spheres
- М.С.Неклюдова* 52 *M.S.Nekluidova*
Женский передел истории: галантная повесть и политическое воображение рубежа XVII – XVIII веков.
Women re-writing history: Gallant stories and the political imagination of the late 17th early 18th cc.
- Гендерный ракурс социальной истории**
- М.С.Петрова* 65 *M.S.Petrova*
Государство и власть: частная жизнь Карла Великого и членов его семьи
State and power: Private life of Charlemagne and his family members
- А.Ю.Серегина* 83 *A.Yu.Seregina*
Женщины-католички в Англии XVI-XVII вв.:
Catholic women in England in the 16-17th cc.:

публичная роль в част-
ной сфере?

Л.Л.Селиванова
«Белые голуби» и «ма-
тереохваченные» галлы

О.В.Чуракова
Принцессы и нищенки.
императорское женское
патриотическое обще-
ство 1812 года

Переводы и публикации

Н.Ю.Бикеева
Образ королевы-
монахини в агиографи-
ческом сочинении Ве-
нанция Фортуната

Венанций Фортунат
Житие святой Радегун-
ды/ Пер. и коммент.
Н. Ю. Бикеевой

Обзоры и рецензии

Библиография опубли-
кованных в «Адаме и
Еве» материалов. №№
11-20. (2006 – 2012)

Summaries

public role in private
sphere?

116 L.L.Selivanova
The «white doves» of
Russia and the Galloi,
eunuch priests of Cybele

166 O.V.Churakova
Princesses and beggar
girls: the Imperial Wom-
en's Patriotic Society of
1812

Texts and translations

183 N.Yu.Bikeeva
The image of the
Queen-nun in the hagi-
ographical text by
Venantius Fortunatus

188 Venantius Fortunatus
The Life of St Radegund
/ Transl. and comm. by
N.Yu. Bikeeva

Reviews

205 Bibliography of articles
published in the 'Adam
and Eve'. Issues 11-20
(2006 –2012)

222 Summaries

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛОРИНУ ПЕТРОВНУ РЕПИНУ

Двадцатый выпуск альманаха «Адам и Ева» совпадает с юбилеем его основательницы и главного редактора, д.и.н, профессора Репиной Лорины Петровны, поэтому редакции, авторам альманаха и всем, кто занимается гендерной и женской историей хотелось бы поздравить ее с этой знаменательной датой.

Лорина Петровна является безусловным лидером многих направлений исторической науки, создательницей новых научных школ. Как нам кажется, ее новаторский подход к изучению истории во многом определяется ее научной карьерой, условиями, в которых происходило ее становление как историка. Научные интересы Лорины Петровны изначально формировались в сфере средневековой истории Европы. Даже в советские времена медиевистика была своеобразной «территорией свободы» в исторической науке: менее ангажированная политически, чем история новейшего времени, она опиралась во многом на теоретические подходы западных исторических школ, в частности французской школы «Анналов». Вероятно, именно поэтому представители этого направления с началом Перестройки активно включились в дискуссии о поиске новых подходов в исторической науке. Лорина Петровна быстро стала лидером среди тех историков, кто направил свои усилия на преодоление методологического кризиса, в котором в начале 90х гг. оказалась отечественная историческая наука. Как отмечал другой выдающийся историк-медиевист, А.Я. Гуревич, «Внимательно и критически рассмотреть и оценить тот арсенал исследовательских принципов и методов, который унаследован от предшествующей стадии развития исторической науки, вдуматься в его гносеологические предпосылки и основы, которые историки далеко не всегда

ясно осознают, – жизненно необходимая, настоятельная потребность современного исторического знания. С этим неразрывно связана другая не менее неотложная задача: выявить ведущие тенденции историографии нашего времени, те новые проблемы, которые перед ней возникли, присмотреться к новым, нетривиальным приемам обращения с источниками, – короче говоря, ориентироваться в перестраивающемся исследовательском поле истории»¹.

Решению этих сложных задач Лорина Петровна во многом способствовала своей исследовательской деятельностью. Она давно и успешно работает в области методологии и теории исторической науки, и ее труды стали серьезным вкладом в преодоление методологического кризиса и в дальнейшее развитие отечественной историографии. Я сама открывала для себя новые горизонты исторического знания и определяла для себя новые теоретические подходы, читая работу Репиной «Новая историческая наука» и социальная история», которая впоследствии выдержала второе издание. Она стала настольной книгой и для моих аспирантов, поскольку в ней комплексно рассматриваются методы и концепции, результаты и перспективы исследований в истории социальных движений и революций, компаративной истории, истории женщины и гендерной истории, новой культурной и интеллектуальной истории, истории частной жизни и исторической биографии – все те сюжеты, которые необходимы для формирования профессионально пишущего историка.

В прошлом году Лорина Петровна опубликовала еще одну фундаментальную работу «Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика», получившую высокую оценку научного сообщества «как событие отечественной гуманитаристики»². Наряду с целым рядом сборников научных трудов, посвященных проблемам исторической памяти, межкультурного взаимодействия в мировой истории, исторической биографике, идейным вдохновителем и редактором которых является Репина, эти работы сделали ее лидером сообщества спе-

¹ Гуревич А. Историк конца XX века в поисках метода//Одиссей. Человек в истории. 1996.М.,1996

² Васильев А.Г. Современная историческая наука – культурологи. Рецензия на книгу Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»//Культурологический журнал, 2012 №1(7), http://cr-journal.ru/rus/journals/105.html&j_id=9

циалистов в области интеллектуальной истории, оформившегося в 2001 г. в Российское общество интеллектуальной истории. Его периодическое издание – альманах «Диалог со временем», редактором которого является также Лорина Петровна, аккумулирует результаты интеллектуальной деятельности ученых, посвятивших себя разработке этого направления исторической науки. В 2009 г. за серию трудов по теоретико-методологическим проблемам всеобщей истории Президиум Российской академии наук награждает Лорину Петровну престижной премией Н.И. Кареева.

Лорина Петровна является также одним из ведущих лидеров еще одного нового направления в отечественной исторической науке – гендерной истории. Под ее руководством в Институте Всеобщей истории РАН на протяжении ряда лет проводились исследования в рамках проекта «Гендерные исследования и проблема исторического синтеза» и издается альманах гендерной истории «Адам и Ева». Гендерная история переживает сейчас сложный процесс становления. Возрастание популярности гендерных исследований в университетской среде, появление новых научных центров, работающих в данной области, рост числа преподавателей, разрабатывающих и читающих курсы по женской и гендерной проблематике, включая курсы по женской/гендерной истории, делает актуальной задачу повышения качества исследований в этой области, в первую очередь, усиления ее методологической составляющей. Научная школа, возглавляемая Репиной, играет важную роль в развитии гендерной истории как научного направления, использующего современные методологические подходы и производящего научный продукт, сопоставимый по качеству и конкурентно способный по отношению к работам западных авторов, где гендерная история стала развиваться раньше и в более благоприятных условиях.

Как участник обоих направлений: интеллектуальной (в меньшей степени) и гендерной (в большей) истории, хочу отметить, что научные сообщества, возглавляемые Лориной Петровной, обладают рядом качеств, которые, на наш взгляд являются существенными факторами их успеха. Руководимые ею научные школы не замыкаются на объединении московских и петербургских ученых, но включают в себя большое количество талантливых исследователей из регионов. Это научные сообщества, где на равных сотрудничают начинающие и признанные ученые, поскольку главными критериями являются качество исследований, свежее видение проблемы, широта кругозора. Личность руководителя также играет большую роль. Как

О.И.ТОГОЕВА

ПАСТУШКА, СТАВШАЯ АМАЗОНКОЙ. ОБРАЗ ЖАННЫ Д'АРК ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ XVI-XVII ВВ.¹

В историографии эпопеи Жанны д'Арк с давних пор господствует мнение о том, что небывалый интерес, который вызвало появление этой героини на политической сцене у авторов XV в., с наступлением Нового времени сменился практически полным ее забвением². Некоторые из современных исследователей, как, например, Филипп Контамин, связывают данное обстоятельство с изменениями в политическом климате страны и, в частности, с восшествием на престол Людовика XI (1461-1483), не желавшего иметь ничего общего с людьми, окружавшими его отца, Карла VII³. Другие, как Джордж Хапперт, указывают на возникновение в этот период под влиянием итальянского гуманизма совершенно новых принципов французского историописания, требовавших от авторов концентрации внимания на фигуре правителя, на его выдающихся решениях и деяниях. Как следствие, в исторических сочинениях XVI-начала XVII в. проявилась тенденция к *замалчиванию* заслуг Орлеанской Девы перед ее страной: скромная пастушка, пришедшая на помощь королю от имени и по поручению самого Господа, не могла отныне заслонять собой фигуру главного героя – Карла VII Победителя⁴.

И все же Жанна д'Арк не исчезла *полностью* из исторических сочинений этого времени. Хотя авторы обширных «Историй» и «Ан-

¹ Статья подготовлена при поддержке Дома наук о человеке (Maison des Sciences de l'Homme, Paris).

² Winock M. Jeanne d'Arc // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P.Nora. III: Les France. T. 3: De l'archive à l'emblème. P., 1992. P. 675–733.

³ Contamine Ph. Naissance d'une historiographie. Le souvenir de Jeanne d'Arc, en France et hors de France, depuis le "procès de son innocence" (1455–1456) jusqu'au début du XVIe siècle // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans–Caen, 1994. P. 139–162.

⁴ Huppert G. The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Chicago–L., 1970. P. 199–201.

налов» писали о ней действительно мало⁵, ее эпопея стала одним из любимых сюжетов разнообразных жизнеописаний знаменитых людей, под влиянием итальянского Возрождения во множестве появившихся в XVI-XVII вв. во Франции. Здесь Дева по-прежнему предстала перед читателями как самостоятельный персонаж истории. Здесь она оставалась героем, хотя ее образ и претерпел существенные изменения по сравнению с сочинениями XV в.

Традиция жизнеописаний выдающихся людей прошлого брала свое начало в одном из первых исторических сочинений европейского гуманизма – компендиуме «О знаменитых мужах» Франческо Петрарки (1337 г.), идеи которого были затем развиты в «Знаменитых женщинах» Джованни Боккаччо (1360-е гг.) – произведении, оказавшем огромное влияние на последующее развитие данного жанра не только в Италии, но и во Франции: уже в 1401 г. оно было впервые переведено на французский язык⁶. Истории, рассказанные Боккаччо, широко использовала в своей «Книге о граде женском» (1404-1405 гг.) Кристина Пизанская⁷, пользовались они большой популярностью и у представителей первого поколения французских гуманистов, в частности, у Жана Жерсона⁸. Второе

⁵ Типичным примером замалчивания заслуг Жанны д'Арк в исторических сочинениях рубежа XV–XVI вв. являлось описание ее истории в «Десяти книгах о деяниях франков» Павла Эмилия, итальянского гуманиста, приглашенного на должность официального историографа лично Людовиком XII (1498–1515). В его интерпретации Карл VII всего лишь *позволял* девушке – как и другим своим военачальникам – помочь ему в борьбе с англичанами: *Emili P. De rebus gestis Francorum libri decem. P., 1539. Fol. 225.*

⁶ *Zaccaria V. La fortuna del "De mulieribus claris" del Boccaccio nel secolo XV: Giovanni Sabadino degli Arienti, Iacopo Filippo Foresti e le loro biografie femminili (1490–1497) // Il Boccaccio nelle culture e letterature nazionali / A cura di F. Mazzoni. Firenze, 1978. P. 519–545; Franklin M. Boccaccio's Heroines. Power and Virtue in Renaissance Society. Burlington, 2006. P. 126–129.*

⁷ *Phillippy P. Establishing Authority: Boccaccio's "De claris mulieribus" and Christine de Pizan "Le livre de la cité des dames" // Romanic Review. 1986. T. 77. P. 167–193; Blumenfeld-Kosinski R. Reading Myth: Classical Mythology and Its Interpretations in Medieval French Literature. Stanford, 1997. P. 204–210; Koltsky S. The Genealogy of Women: Studies in Boccaccio's "De mulieribus claris". N.–Y., 2003. P. 7–15.*

⁸ *Simone F. Giovanni Boccaccio "fabbro" della sua prima fortuna francese // Il Boccaccio nella cultura francese / A cura di C. Pellegrini. Firenze, 1971. P. 49–80; Ouy G. La dialectique des rapports intellectuels franco-italiens et l'Humanisme en France aux*

издание «Знаменитых женщин» вышло в Париже в 1521 г.⁹, однако читатели могли знакомиться с этим сочинением и опосредованно: сборник жизнеописаний Джакомо Филиппо Форести да Бергамо (1497 г.), широко использовавшего текст Боккаччо, был в 1504 г. переведен в сокращенном виде Антуаном Дюфуром¹⁰.

Боккаччо – как в свое время и Петрарка – придерживался мнения, что понять современность возможно, лишь обратившись к событиям далекого прошлого¹¹. Как следствие, описание человеческой личности мыслилось им прежде всего как компиляция из образов героев, отобранных в произведениях древних авторов, а потому подготовленные им 106 жизнеописаний представляли собой не что иное, как сборник рассказов о выдающихся женщинах греческой и римской античности, реальных или вымышленных. При этом следует, на мой взгляд, особо отметить, что большинство героинь Боккаччо являлись *воинями*: именно их боевые, т.е. *мужские*, заслуги автор всячески превозносил, настаивая, таким образом, на превосходстве слабого пола над сильным и расценивая поведение мужчин как порой излишне женственное. Идеалом итальянского гуманиста, таким образом, становилась настоящая *Virago* – женщина-воин, в которой он видел образец для подражания для своих современниц¹².

«Я хотел бы, – писал Боккаччо в истории Камиллы, – чтобы современные молодые девушки обратили внимание на эту женщину. Я хотел бы, чтобы на ее примере, наблюдая, как эта взрослая и самостоятельная дева преодолевает бескрайние поля и леса с колчаном стрел за спиной, проникая в логово диких хищников, как она отвергает необузданные чувственные удовольствия, бежит от радостей изысканных напитков и кушаний и решительно отказывается не

XIVe et XVe siècles // *Rapporti culturali et economici fra Italia e Francia nei secoli dal XIV al XV / Atti del Colloquio Italo-francese*. Roma, 1979. P. 131–155.

⁹ Текст Боккаччо был включен в компендиум Жана Тексье де Рависи: *Textor R. De memorabilibus et claris mulieribus aliquot diversorum scriptorum opus*. P., 1521. В том же виде он был переиздан еще раз в 1529 г.

¹⁰ *Sands P.F. Antoine Dufour, Jacques Philippes and “le racheter des hommes” // Bibliothèque d’Humanisme et Renaissance*. 1977. N 39. P. 81–87.

¹¹ *Иванова Ю.В. Жизнеописания в гуманистической литературе // История литературы Италии / Гл. ред. М.Л.Андреев. 2 т. М., 2000–2010. Т. 2. Кн. 1. С. 139–186, здесь С. 141–144.*

¹² Подробнее об этом понятии см.: *Тогоева О.И. Женщина у власти в средние века и Новое время (о понятии “virago”) // Диалог со временем*. 2010. N 31. С. 16–35.

только от объятий, но даже от разговоров с молодыми людьми, они поняли, как им следует вести себя»¹³.

Иными словами, Камилла представлялась Боккаччо тем самым нравственным образцом, к воссозданию которого он стремился в своем сочинении – женщиной, превзошедшей других благодаря строгой самодисциплине, что позволило ей победить присущую ее полу слабость и успешно противостоять попыткам лишить ее девственности и силы. Не случайно, как мне кажется, именно этот образ использовал уже в 1429 г. при оценке Жанны д'Арк Жан Жерсон.

Трактат “De mirabili victoria” был создан бывшим канцлером Парижского университета не только для того, чтобы подтвердить божественный характер миссии французской героини¹⁴, но и для того, чтобы оправдать ношение девушкой «мужского военного костюма» (*vestis virilis et militaris*)¹⁵. Этой проблеме Жерсон посвятил всю вторую часть своего сочинения, в которой настаивал, что обстоятельства времени, места и цели должны быть обязательно рассмотрены, прежде чем решать, действительно ли ношение мужского костюма в том или ином конкретном случае является нарушением библейского запрета¹⁶. Оправдание поступка Жанны д'Арк прославленный теолог видел в ее превращении в «мужчину и воина», ведущего справедливую войну против врагов королевства¹⁷. Однако, именно это превращение – из простой деревенской пастушки в военачальника – представляло, как мне кажется, для ав-

¹³ “Hanc intueantur velim puellule hodiernae; et dum sui iuris virginem adultam et pro libito nunc latos agros, nunc silvas et lustra ferarum accinctam faretra discurrentem, labore assiduo lascivias illecebris appetitus prementem, delicias atque molliciem accuratas offas et elaborata pocula fugientem et constantissimo animo coevorum juvenum, non dicam amplexus, sed verba etiam respicientem viderint, monite discant quid eas...deceat” (*Boccaccio G. De mulieribus claris / A cura di V. Zaccaria. Milano, 1967. Ch. XXXIX. P. 156–160, здесь P. 160*).

¹⁴ *Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 160–162; *Fraioi D.* Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000. P. 126–149.

¹⁵ Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. 5 vol. P., 1977–1988. T. 2. P. 39.

¹⁶ “Quod observare debet circumstantias omnes debitas, ut, quando oportet et ubi oportet, qualiter oportet, et ita de reliquis, ut sapiens judicabit” (*Ibidem. P. 38–39*).

¹⁷ “In Puella nostra, virili et militari, quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (*Ibidem. P. 39*).

тора определенную проблему. Не случайно, дабы развеять возможные сомнения будущих читателей в истинности своих слов, он прибег к сравнению Девы с героинями прошлого. Однако, среди этих последних он выбрал отнюдь не библейские образцы, а амазонок и Камиллу, что было весьма неожиданно, на первый взгляд, для средневекового теолога¹⁸. Истории именно этих героинь, с его точки зрения, должны были укрепить тезис о том, что в случае необходимости ношение женщиной мужского костюма не возбраняется¹⁹. Вместе с тем легенда о Камилле, дочери царя вольсков Метаба, после изгнания последнего из родного города воспитанной в лесах, ставшей прекрасной охотницей, как истинная амазонка посвятившей свою девственность богине Диане, а затем погибшей в битве с Энеем, помогала самому Жерсону понять, каким образом обычная девушка могла превратиться в воина и участвовать в сражениях.

Та же проблема, как мне представляется, волновала и других авторов XV в., в той или иной степени касавшихся эпопеи Жанны д'Арк. Так, история Камиллы (под влиянием не только Боккаччо²⁰, но, очевидно, и Жана Жерсона, в заслугу которому ставился «тонкий» разбор вопроса о допустимости ношения Девой мужского костюма²¹) оказалась включена в IV книгу «Защитника дам» Мартина Ле Франка, прославляющую женщин, особо отличившихся в делах управления и воинских искусствах, и завершавшуюся рассказом о современницах

¹⁸ Как справедливо отмечает Мишель Гере-Лаферте, в данном случае мы имеем дело с явным влиянием на Жерсона идей гуманизма: *Guéret-Laferté M. Camille et Jeanne. L'influence du courant humaniste sur l'image de Jeanne d'Arc // Images de Jeanne d'Arc / Sous la dir. de J.Maurice et D.Couty. P., 2000. P. 99–108, здесь P. 100–101.*

¹⁹ “Denique possent particularitates addi multe et exempla de historiis sacris et gentiliis; sicut de Camilla et Amazonibus; sicut preterea in casibus vel necessitatibus, vel evidentis utilitatis, vel approbate consuetudinibus, vel ex auctoritate seu dispensatione superiorum” (Procès en nullité. T. 2. P. 39).

²⁰ О знакомстве Мартина Ле Франка с творчеством Боккаччо см., к примеру: *Taylor S.M. Down to Earth and Up to Heaven: the Nine Muses in Martin Le Franc “Le Champion des dames” // Fifteenth Century Studies. 2007. N 32. P. 164–175 (там же — литература по теме).*

²¹ “Scez tu point que Jarson en dit? / Je te dy maistre Jan Jarson / Qui d'elle ung petit traictié fit, / Plus subtil que nous ne penson /.../ La longue coste, tu n'en doubttes, / Es fais de guerre n'est pas boyne” (*Le Franc M. Le Champion des Dames / Ed. par R.Deschaux. P., 1999. V. 16949–16982).*

автора, в том числе и о французской героине²². То же сравнение фигурировало и у Энеа Сильвио Пикколомини (Пия II) в «Комментариях», законченных в 1462-1463 гг.²³, однако, наиболее полно сравнение Жанны д'Арк с Камиллой использовал другой итальянский автор, Джованни Сабадино делья Арьенти.

В сборнике Сабадино «Джиневра знаменитых дам» (1483 г.) были представлены 33 биографии представительниц самых могущественных семейств Италии (феррарских Эсте, миланских Висконти и Сфорца, мантуанских Гонзага и некоторых других). Все они, согласно замыслу автора, являлись ветвями одного душистого куста можжевельника, над которыми царила главная героиня Сабадино - Джиневра Сфорца ди Бентивольо, которой и было посвящено данное произведение²⁴. Внимание итальянского гуманиста исключительно к его современницам объяснялось прежде всего новыми принципами историописания, сформировавшимися во второй половине XV в.: отныне не только события прошлого, но события современности рассматривались как вполне достойные памяти потомков²⁵. Тем не менее, Сабадино считал необходимым в каждую свою историю включить хотя бы краткос упоминание об определенной героине древности, служившей, с его точки зрения, прототипом для той или иной из его собственных дам²⁶, были при этом заимствованы из «Знаменитых женщин» Боккаччо, который в за-

²² Ibidem. V. 16685-16704, 16817-17032. Подробнее об образе Жанны д'Арк у Мартина Ле Франка см.: Тогоева О.И. Жанна д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Девственница на защите города // Именослов. История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б.Успенский. М., 2010. С. 110-139.

²³ "Dux femina belli facta est, allata sunt arma, adducti equi. Puella ferociorem ascendit, et ardens in armis, hastam vibrans saltare, currere atque in gyrum se vertere haud aliter coegit equum, quam de Camilla fabulae tradunt" (*Pii Secundi Pontificis Maximi Commentarii* / Ed. by I.Bellus, I.Borokai. Budapest, 1993. T. 1. P. 302).

²⁴ В названии своего сочинения Сабадино обыграл имя Джиневры и итальянское название можжевельника - "ginepro" (*Guéret-Laferté M. Op. cit. P. 103*).

²⁵ Иванова Ю.В. Указ. соч. С. 141.

²⁶ *Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 36* (маркграфиня Матильда Тосканская и Знобия); P. 202 (Урсуна Висконти и Семирамида); P. 261 (Изабелла Арагонская и римская богиня Виктория); P. 324 (Элиза Сфорца ди Сансеверино и правительница Иудеи Аталия); P. 332 (Диана Саличето ди Бентивольо и богиня Диана).

ключении к своему сочинению сам приглашал будущих читателей продолжить его труд²⁷.

Важно, как мне представляется, отметить, что из 33 жизнеописаний, составленных Сабадино, только одно являлось рассказом об *иностранке* – собственно, история Жанны д'Арк. Возможно, для того, чтобы как-то сгладить данное противоречие, автор в прологе очень подробно останавливался на особенностях жизни и воспитания Камиллы – прототипа французской героини – желая продемонстрировать, что «и в нашу эпоху слава и мужество ...доблестной Девы являлись отнюдь не меньшими»²⁸. Однако его главной целью, безусловно, следует признать стремление понять, каким образом скромная пастушка, проживавшая в деревенской глуши, превратилась в военачальника королевского войска. При этом Сабадино – в отличие от своих предшественников, также интересовавшихся этим вопросом – давал совершенно новую трактовку данного превращения. Он полагал, что такие качества как смелость и отвага (*fiera e gagliarda*) были присущи Жанне *уже в самом детстве*. Точно так же, как и Камилла, которую изгнанный из родного города отец воспитал в лесу²⁹, французская героиня выросла вдали от людей, среди полей³⁰. Как и Камилла, которая отлично управлялась с луком и стрелами, охотясь на диких зверей³¹, она научилась обращаться с оружием, используя вместо копья тяжелую палку, а вместо боевого коня – кобылу пастуха соседского стада³². Безус-

²⁷ *Guéret Laferté M. Op. cit. P. 105.*

²⁸ “Volendo dimostrare a moderni tempi la nostra Janna polcella gaya essere stata non de minor gloria et valore che fusse l'antiqua Camilla” (*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 102*).

²⁹ “Pose la figliuola in una cortice de arbore de suvero et cum teneri salici lunghi ligò la cortice cum uno capo et cum l'altro ad una lanza, ovvero dardo...et cum forte brazo getò la lanza di là dal fiume conficandola sopra la ripa” (*Ibidem. P. 101*).

³⁰ “Dobbiamo duncha sapere, che questa Janna polcella gaya nacque in Franza nel paese de Barois, la quale da la etate de octo anni fin a li sedexe fu guardatrice de pecore” (*Ibidem. P. 102*).

³¹ “Lei divenendo fiera et gagliarda drieto le fiere cum l'arco et cum el dardo” (*Ibidem. P. 101–102*).

³² “Et sempre se exercitò corere in quella parte, et in questa altra insieme cum altre fanciule guardatrice de pecore, et cum una grossa verga come astra, la quale sotto il brazo se poneva stringendola come li cavalieri d'arme le lanze; et colpiva ne li piedi de la arbori et talvolta montava a cavallo de qualche cavalla de altri pastori correndo similmente” (*Ibidem. P. 102–103*).

ловно, отмечал далее Сабадино, Жанна получила примерное христианское воспитание, но оно было далеко не таким, какое получают обычно простые пастушки³³. Прежде всего это касалось обета безбрачия, который она – по примеру Камиллы, посвятившей свою девственность богине Диане³⁴ – дала еще в ранней юности (*fu vergene*)³⁵. Однако главным отличием французской героини от ее односельчан автор полагал ее *изначальное* стремление к военной карьере. В его интерпретации занятия пастушеством были лишь незначительным эпизодом в жизни Жанны: несмотря на то, что она была «бедной девушкой», она с самого детства знала, что ее ждет совершенно особая судьба – военная карьера³⁶. Роль Господа в этом превращении была сведена Сабадино к минимуму. В отличие от своих предшественников, он вообще не упоминал об откровениях своей героини или о визитах, которые наносили ей посланцы Свыше, он лишь указывал, что ее новый статус «капитана и начальника [королевского] войска» был, с ее точки зрения, «приятен Богу», поскольку должен был принести победу французам³⁷.

Новый образ Жанны д'Арк, с самого детства готовившейся к военным свершениям и превратившейся в *Virago* еще до своего официального появления на исторической сцене, получил широкое распространение в сочинениях XVI-XVII вв. Мы встречаем его, в частности, в «Знаменитых женщинах» Форести да Бергамо, также полагавшего, что воинскому искусству девушка обучилась еще в родной деревне, что ее занятия пастушеством следует воспринимать как формальные, ибо все свое время она посвящала подготовке к исполнению главной миссии – будущим сражениям с врагом³⁸. Пусть Господь и избрал ее

³³ “Hebbe dolce lingua et bono sentimento, che haverebbe bastato fusse stata nutrita in la scuola de prudentia et optimi costumi, non che a la custodia de le pecore” (Ibidem. P. 103).

³⁴ “Cum la quale entrò ne li boschi dove la gubernò vergene et devota de Diana in observantia del promesso voto” (Ibidem. P. 101).

³⁵ Ibidem. P. 103.

³⁶ Giunta duncha avanti a la sua regia majestà...et disse a la presentia di baroni et de li principi: “Signor re io partita da la guardia de le pecore...fate che io sia creata capitanea et gubernatrice del vostro exercito” (Ibidem. P. 105–106).

³⁷ “Et non ve maravigliate che io sia povere polcella et ardisca pigliare tale impresa, che così piace a Dio; et credenti, credenti a le mie parole, che ne vedereti effecto de grande gloria” (Ibidem. P. 106).

³⁸ “Quum a principio magnam aetatis suae partem inter pecora egisset, ibi cum suis sodalibus, cum quibus pascendo pecora observabatur, saepius cursum

для подобной задачи, однако сделал он это, по мнению Форести, не потому, что она являлась «простецом», открытым для откровений Свыше, но потому, что она *всегда* была *Virago*, т.е. могла стать военачальником, иметь боевое оружие и коня, а также собственный герб³⁹. Мысль об обретении Жанной д'Арк воинского «ремесла» еще в детстве последовательно развивал и Антуан Дюфур, писавший, что девушка обучилась «быть воином» в деревенских полях⁴⁰. «Сельской Амазонкой» именовал Жанну Франсуа де Бельфоре в своей «Истории девяти Карлов, королей Франции», опубликованной в 1564 г.⁴¹ Ради спасения страны «эта добродетельная и доблестная Дева», по мнению Антуана Дюбретона, в 1631 г. издавшего «Историю осады Орлеана и Жанны Девы», «оставила свое одеяние пастушки»⁴², и король при первой встрече увидел в ее лице, «несмотря на ее деревенское происхождение, не только мужскую отвагу, но и совершенно нечеловеческое целомудрие и мужество»⁴³.

Таким образом, характерная для сочинений XV в. трактовка образа Жанны д'Арк как скромной пастушки, лишь силой Господа оказавшейся во главе королевского войска⁴⁴, как мне представляется

exercebat; et modo huc atque illuc illi frequens cursus erat; et aliquando currendo hastam, ut fortis eques, manu capiebat, et arborum truncos validissimis vulneribus percutiebat. Plerumque etiam aliquam ex equabus...viriliter ascendebat, et, hasta brachio supposita, currendo ictus validos inferebat...Per hujusmodi autem exercitationes mulier evasit fortissima" (*Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841-1849. T. 4. P. 523*).

³⁹ "Postquam Janna haec virago totius regii exercitus declarata imperatrix, mandavit rex coruscantia arma necessaria eidem statim dari equumque fortissimum admoveri, phaleris aliisque ornamentis mirifice coopertum" (*Ibidem. P. 526*).

⁴⁰ "Et croy son fait estre plus divin que humain, car au fait de sa vacation champestre, oysiveté chastoioit et à tous honnestes faitz se exercitoit" (*Dufour A. Les vies des femmes célèbres / Texte établi, annoté et commenté par G. Jeanneau. Genève-P., 1970. P. 162*).

⁴¹ "Sous la conduite de la main de Dieu et presence de ceste Amazone champestre" (*Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys Charles de France. P., 1578. P. 306*).

⁴² "Cette vertueuse et vaillante Fille quitta sa robe de Bergere" (*Dubreton A. Histoire dv siège d'Orléans, et de la Pvcelle leane. P., 1631, б.п.*).

⁴³ "Bien qu'elle...eust este toute sa vie nourrie et eleuee dans le village, il voyoit neantmoins paroistre en son visage de certains caracteres...non seulement d'un courage viril, mais aussi d'une vertu et d'une vaillance plus qu'humaine" (*Ibidem. P. 112*).

⁴⁴ О возникновении этого образа см. прежде всего: *Райцес В.И.* «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и

ся, практически не прослеживалась в жизнеописаниях знаменитых людей, созданных во Франции в XVI-XVII вв. На смену «простецу» в этих сочинениях приходила *Virago* – женщина-воин, которой девушка, по мнению авторов этого времени, становилась с самых юных лет, готовясь к делу всей своей жизни – борьбе с врагами королевства. Соответственно, изменялась и оценка *личных качеств* французской героини: к доброте, мудрости, набожности и целомудрию (характеристикам, которыми охотно наделяли Жанну авторы XV в.) теперь добавлялись отвага и благородство – качества, которые историки-гуманисты прежде всего отмечали у своих главных персонажей⁴⁵. Наиболее показательным, с этой точки зрения, являлся текст Антуана Дюфура: девушка, по его мнению, обладала «мягким сердцем, небольшим ростом, была немногословной, рассудительной, легкой, подвижной, мудрой, набожной и целомудренной, *отважной и благородной*»⁴⁶. У Франсуа де Биллона рассказ о Жанне оказывался помещен в раздел, где были собраны истории о «силе и благородстве женщин»⁴⁷. Точно так же в главе, посвященной спасительнице Франции, Андре Теве замечал, что женщины, «превосходящие в силе и благородстве» достойных мужчин, вдвойне заслуживают славы⁴⁸. О «доблести» и «благородстве» Орлеанской Девы упоминалось также у Франсуа Бéroальда де Вервиля, причем уже в названии его сочинения⁴⁹.

Главным достоинством Жанны д'Арк авторы XVI-XVII вв. единодушно признавали способность всегда, в любых ситуациях побеждать противника, пусть даже для утверждения данного тезиса

уникальное в истории – 1996 / Под ред. Ю.Л.Бессмертного и М.А.Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 251–264.

⁴⁵ Иванова Ю.В. Гуманистическая историография // История литературы Италии. Т. 2. Кн. 1. М., 2007. С. 100–138, здесь С.129–130.

⁴⁶ “Jehanne...de son estat bergière, de cuer gentil, petite de stature, brefve en langage, substantieuse en sentence, légière, agile, sage, devote et chaste, *hardye, magnanime*” (Dufour A. . P. 162, курсив мой - О.Т.).

⁴⁷ “Premier bastion de ce fort sur la force et magnanimité des femmes” (Billon F. de. Le fort inexpugnable de l'honneur du sexe féminin. P., 1555. P. 44v).

⁴⁸ “Car combien que ce sexe infirme ne soit digne en soy auoir place au rang des hommes vertueux, neantmoins ce qui surpasse en force et magnanimité merite double loüange” (Thevet A. Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. P., 1584. P. 279).

⁴⁹ Béroalde de Verville F. La pucelle d'Orléans: sous le sujet de cette magnanime pucelle est représentée une fille vaillante, chaste, sçavante et belle. P., 1599.

им и приходилось порой идти против истины, опуская, к примеру, подробности неудавшегося штурма Парижа в сентябре 1429 г.⁵⁰ «Везде, куда бы она ни направлялась, – писал в «Знаменитых мужах» Пий II, – ей сопутствовала победа, а враги пребывали в страхе»⁵¹. «Победоносной девой», «постоянно одерживавшей верх» называл ее Джованни Сабадино⁵². Того же мнения придерживались Антуан Дюфур⁵³, Пьер де Ленодри⁵⁴ и Пьер ле Муан⁵⁵. Не менее важной особенностью Девы являлось ее безусловное превосходство не только над всеми прочими представительницами слабого пола, но и над мужчинами: не случайно ей, по мнению Джованни Сабадино⁵⁶, Форести да Бергамо⁵⁷, Франсуа де Бельфоре⁵⁸, Андре Теве⁵⁹ и Вюльсона де ла Коломбера⁶⁰, подчинялись все прочие капитаны французского войска и даже сам король.

⁵⁰ Наиболее показательным, с этой точки зрения, являлось сообщение Симфорьена Шампье, уверявшего своих читателей в том, что Жанна освободила многочисленные французские города, в том числе Париж и Орлеан: “Car elle se porta si vaillamment contre lesdiz anglois et que elle les chossa vertueusement de plusieurs villes de france comme de paris de devant orleans et plusieurs autres lieux” (*Champier S. La nef des dames vertueuses*. P., 1503, б.н.).

⁵¹ “Nam quocumque iret, uictoria sequebatur eratque territori omnibus hostibus” (*Enee Silvii Piccolomini postea Pii PP. II. De viris illustribus* / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 73).

⁵² “La victoriosa poicella...l’infinita victorie habuite” (*Sabadino de li Arienti J.* Op. cit. P. 110–111).

⁵³ “Car en toutes les adresses scauoit trouver le moyen de chasser les ennemys” (*Dufour A.* Op. cit. P. 164).

⁵⁴ “Et quant ilz rencontroient ladicte pucelle et sa compaignie qui n’estoient que quarante lances il leur sembloit qu’il y en auoit bien dix mille parquoy la craignoient comme le feu” (*Lesnauderie P. de. A louenge de mariage et recueil des hystoires des bonnes, vertueuses et illustres femmes*. P., 1523. Fol. 51v).

⁵⁵ “Elle abbat et détruit comme la foudre; et on dit encore que comme la foudre, elle a esté tirée du sein de la Terre” (*Le Moyne P. La gallerie des femmes fortes*. P., 1647. P. 306).

⁵⁶ “O cosa incredibile, o forsi mai più non audita, che tutti le eccellenti signori baroni et duci d’arme, et il proprio re subito se submettesseno senza contradictione al militare imperio de lo exercito de tanto re de una vile poicella de peccore guardatrice” (*Sabadino de li Arienti J.* Op. cit. P. 107).

⁵⁷ “Janna haec virago totius regii exercitus declarata imperatrix” (*Quicherat J.* Op. cit. T. 4. P. 526).

⁵⁸ “Laquelle...a faict et mis en oeuvre ce que les plus illustres et generaux Princes et Capitaines n’avoient osé entreprendre” (*Belleforest F. de.* Op. cit. P. 304).

⁵⁹ “Laquelle...fut enuoyée pour donner courage au Roy et Princes François, pour preceder les armes” (*Thevet A.* Op. cit. P. 279).

Тема превосходства женщин над мужчинами, возникшая в сочинениях итальянских писателей-гуманистов благодаря Боккаччо, во Франции XV в. имела свою традицию, связанную прежде всего с так называемым спором вокруг «Романа о Розе», в котором в разное время принимали участие Кристина Пизанская, Жан Жерсон и Мартин Ле Франк. Открытая критика произведения Жана де Мёна, принижающего, с точки зрения его оппонентов, достоинство женщин, содержалась уже в «Письме Богу Любви» Кристины Пизанской (1399 г.). В нем поэтесса возражала против доминирующей роли мужчин во всех сферах публичной деятельности и, обращаясь к Купидону, молила его внять многочисленным просьбам «обесчещенных дам и дамузелей» защитить их от постоянных нападков представителей сильного пола⁶¹. Однако наиболее четко позиция Кристины Пизанской по вопросу о статусе женщины в современном ей обществе проявилась в ее публичной переписке с первыми французскими гуманистами – королевским секретарем и прево Лилля Жаном де Монтрейем и его другом Гонтье Колем, бывшими апологетами второго «Романа о Розе»⁶².

Полемика началась с написанного де Монтрейем трактата, посвященного защите позиции Жана де Мёна и датированного маем 1401 г. Кристина, получившая список этого сочинения, приняла вызов и в ответном письме опровергла пункт за пунктом аргументацию королевского секретаря. Последний, не ответив на обвине-

⁶⁰ «Une jeune et simple Bergere, qui avec l'admiration de toute la terre sert de Capitaine aux plus grands Capitaines de France» (*Fulson, sieur de la Colombière. Les portraits des hommes illustres françois, qui sont peints dans la Galerie du Palais Cardinal Richelieu.* P., 1648. P. 84).

⁶¹ «A nostre Court sont venues complaints / Par devant nous et moult piteuses plaintes / De par toutes dames et damoiselles / Nostre secours requerans humblement, / Ou se ce non, de tout desheritées / De leur honneur seront et ahontés» (*Christine de Pizan. Epistre au Dieu d'Amours // Christine de Pizan. Oeuvres poétiques / Ed. par M.Roy. 3 vol. P., 1886–1896. T. 2. P. 1–27, здесь P. 1–2. V. 8–16).*

⁶² Материалы переписки, собранные самой Кристиной Пизанской и переданные затем королеве Изабелле Баварской, опубликованы в: *Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col. Le débat sur le Roman de la Rose / Ed. par E.Hicks. P., 1977.* Исследователи рассматривают эту переписку как первую литературную полемику в истории Франции: *Badel P. Y. Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre.* Genève, 1980. P. 411; *Blach R.II. Medieval Misogyny // Representations. 1987. N 20. P. 1–24.*

ния поэтессы прямо, привлек к спору Гонтье Коля, с которым Кристина обменялась несколькими посланиями, демонстрирующими, что ни одна из сторон не собиралась идти на уступки и смягчать собственные позиции⁶³. В 1402 г. писательница вновь выступила в защиту женщин в знаменитом “Dit de la Rose”, спровоцировав тем самым оппонентов на ответные шаги. Жан де Монтрей попытался заручиться поддержкой влиятельных сторонников, обратившись, в частности, к Жану Жерсону. Однако тот встал на сторону поэтессы, заклеив в серии публичных проповедей дурные примеры, которым учит «Роман о Розе» и – уже в частном порядке – посоветовав Пьеру Колю, поддержавшего своего брата Гонтье в нападках на Кристину, предаться более разумным занятиям. Именно вмешательство канцлера Парижского университета, как полагают исследователи, положило конец спорам «о Розе»⁶⁴.

Тем не менее, его участники еще не раз обращались в своем творчестве к теме возможного превосходства женщин над мужчинами. Так, в 1404-1405 гг. была написана «Книга о граде женском» Кристины Пизанской – произведение, являвшееся настоящей апологией достоинств слабого пола⁶⁵. Сам Жерсон также не упускал возможности лишней раз вспомнить об «опасном, лживом, наносящем вред «Романе о Розе» и предостеречь своих читателей и слушателей от знакомства с этим пагубным сочинением, несмотря на его «красивый язык и многие интересные и полезные идеи»⁶⁶. Наконец, в 1440-1442 гг. был создан «Защитник дам» Мартина Ле Франка, представлявший собой не что иное, как бесконечный диалог главного героя, отстаивавшего честь и выдающиеся личные

⁶³ Так, Кристина писала Пьеру Колю, брату Гонтье: “Tu l’entens et le prens d’une maniere, et moy tout au rebours; tu recites, je replique. Et quant nous avons fait et fait, tout ne vault riens” (*Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col*. Op. cit. P. 126).

⁶⁴ Наиболее подробно фактическая сторона спора вокруг «Романа о Розе» рассмотрена в: *Badel P.* - Y. Op. cit. P. 411-489.

⁶⁵ *Smith G.L.* Jean de Meun in the “Cité des Dames”: Author versus Authority // *Fifteenth Century Studies*. 2010. N 35. P. 132-142 (там же - список новейшей литературы по теме).

⁶⁶ “Et de ceste malice avons nous autrefois parlé en reprouvant le très perilleux, fauls et dommageux Roumant de la Rose, qui de tant est plus prejudiciable comme il est de plus doux langage et que il met plusieurs belles et profitables doctrines” (*Gerson J.* Considerations sur saint Joseth // *Gerson J. Oeuvres complètes* / Ed. par P.Glorieux. 10 vol. P., 1960-1975. T. 7/1. P. 76).

качества женщин, и его многочисленных противников, пытающихся всячески унижить представительниц слабого пола⁶⁷.

Данная полемика, получившая новый импульс благодаря творчеству итальянских гуманистов, продолжила развиваться и во французской литературе XVI-XVII вв., получив название «Спор о женщинах» (*Querelle des femmes*)⁶⁸. С учетом изменившихся условий, дебаты отныне разворачивались по нескольким основным направлениям, среди которых следует прежде всего назвать обсуждение вопросов о свободе волеизъявления женщин, об их моральной реабилитации, о возможности получения ими образования, о возможности общения женщин между собой и, наконец, о реальном положении женщины в современном ей обществе, ее отношениях с мужчиной, ее равноправии с ним⁶⁹.

Именно этот, последний вопрос, насколько можно судить, особенно волновал авторов жизнеописаний знаменитых людей. Так, например, Симфорьен Шампье, в двойном рондо, предварявшем основной текст его «Корабля добропорядочных дам» (1503 г.), воспевал путешествующих на борту героинь, чьи достоинства «ослабят злость» тех, кто обвиняет дам во всевозможных грехах, кто оскорбляет их словом или делом⁷⁰. Та же мысль присутствовала и в

⁶⁷ Merkle G.H. Martin Le Franc's Commentary on Jean Gerson's Treatise on Joan of Arc // *Fresh Verdicts on Joan of Arc* / Ed. by B.Wheeler and C.T.Wood. N.-Y.-L., 1999. P. 177-188.

⁶⁸ Как полагает Ян Маклин, «Спор о женщинах» завершился лишь в 30-е гг. XVII в.: *Maclean I. Women Triumphant: Feminism in French Literature, 1610-1652*. Oxford, 1977. P. 31-35; *Eadem. Marie de Gournay et la préhistoire du discours féminin // Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime* / Sous la dir. de D.Haase-Dubosc, E.Viennot. P., 1991. P. 120-134. Именно с ним, по мнению Эвелин Беррио-Сальвадоре, был связан настоящий расцвет жанра жизнеописаний знаменитых женщин: *Berriot-Salvadore E. Les femmes dans la société française de la Renaissance*. Genève, 1990. P. 345-361.

⁶⁹ Краткое изложение истории «Спора о женщинах» см. в: *Winn C.H. Féminisme // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle* / Sous la dir. de M.Simonin. P., 2001. P. 510-514. См. также: *Lazard M. Femmes, littérature, culture au XVIe siècle en France // Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime*. P. 101-119; *Maclean I. Marie de Gournay; Timmermans L. L'Accès des femmes à la culture (1598-1715). Un débat d'idées de Saint Francois de Sales à la Marquise de Lambert*. P., 1993. P. 20-28.

⁷⁰ «Des dames cy abbat la raige / De cil qui les dames accuse. / Et affin que nul ne mesdye / Des dames par aulcune ruse / des mesdisans mord le langaige / La nef pour vous garder qu'on ne vous buse» (*Champier S. Op. cit., б.п.*).

«Удивительных победах женщин нового мира» Гийома Постеля (1553 г.), вспоминая давние мизогинные споры, в которые оказались замешаны французские гуманисты начала XV в.⁷¹, и с сожалением отмечавшего, что о тех или иных поступках женщин вспоминают лишь в том случае, если они портят жизнь мужчинам (как, например, Адаму, Аврааму или Давиду)⁷². Сам автор был абсолютно уверен в превосходстве женщин над мужчинами как в делах войны, так и в религиозных вопросах⁷³, и полагал, что в будущем (в «новом мире») именно им следует передать бразды правления⁷⁴. Точно так же и сочинение Франсуа де Биллона «Неприступная крепость женского достоинства», созданное в 1555 г., не только содержанием, но уже самим названием прямо отсылало к «Книге о граде женском» Кристины Пизанской и к полемике, которую вела поэтесса со своими коллегами-мужчинами вокруг «Романа о Розе»⁷⁵. О чести женщин вспоминал и Франсуа Бероальд де Вервиль, посвя-

⁷¹ "C'est une commune querelle qu'on ha contre ledit sexe de dire et escrire que les femmes ont perdu et gasté le monde" (*Postel G. Les très-merveilleuses victoires des femmes du nouveau monde*. P., 1553. P. 4).

⁷² "Et fault necessairement conclure que lesdictz hommes, mai ou nullement victorieux de leurs desordonnez appatitz, se sont laissés et se laissent comme pauvres bestes surmonter du moindre sexe, auquel roole Adam sera mis pour le premier, alors qu'il estoit encores en souveraine perfection. Abraham par porter trop d'amour ou credence a sa femme Sarah... David souverain Prophete et Roy estoit en foy vaincu et corrompu par l'amour fol qu'il portoit à Betseba" (*ibidem*. P. 5).

⁷³ "Car ainsi failloit que Dieu non-seulement soubzl l'espece masculine se monstreat avec les siens omnipotent, et Dieu des guerres et batailles; ce qu'il monstre trop plus clairement soubz le plus debile et feminin, que soubz le masculin personnage; mais aussi failloit que la parfaite religion feust en sa perfection consummée et conduite par le mesme sexe Feminin" (*ibidem*. P. 26).

⁷⁴ "Car du commencement fut ainsi ordonnée, que l'Orientale Police et Religion vraye Judaique seroit des hommes, et partie plus noble et masculine...., et l'Occidentale seroit consummée par la nature Feminine, comme il s'est veu par la susdicte Pucelle Jehanne" (*ibidem*). Подробнее о развитии темы женского превосходства в делах управления у Гийома Постеля см.: *Dubois C.-G. Les métamorphoses de la sexualité dans la pensée de Guillaume Postel // Dubois C.-G. La mythologie des origines chez Guillaume Postel*. Orléans, 1994. P. 11–47; *Idem. L'avenir au féminin: les formes du "futurible" selon Guillaume Postel // Prophètes et prophéties au XVIe siècle / Cahiers V.L.Saunier*. P., 1998. P. 135–147; *Idem. Rôle historique et fonction prophétique de Jeanne d'Arc dans "Les merveilleuses Victoires des femmes" de Guillaume Postel (1553) // Images de Jeanne d'Arc*. P. 151–158.

⁷⁵ *Kelly J. Early Feminist Theory and the Querelle des Femmes, 1400–1789 // Signs*. 1982. N 1. P. 4–28, здесь P. 11–12.

тивший свою «Орлеанскую Деву» (1599 г.) жительницам Орлеана, которым, по мнению автора, «будет приятно прочесть о достоинстве той, кто составляет вашу славу»⁷⁶. Наконец, в 1665 г. Жакетт Гийом, обращаясь в прологе к своей «Истории знаменитых дам, в которой приводятся разумные и убедительные причины, почему женский пол превосходит мужской» к ее королевскому высочеству, мадемуазель д'Алансон, высказывала уверенность в том, что «героические поступки» описываемых ею достойных женщин прошлого и настоящего заставят окружающих обратить на них внимание⁷⁷, а благосклонное внимание покровительницы позволит автору продемонстрировать «славу нашего пола» во всей его красе⁷⁸.

В сочинениях XVI-XVII вв. Жанна д'Арк выступала, таким образом, как одна из главных героинь прошлого и настоящего, чья история лишней раз должна была подтвердить выдающиеся способности представительниц женского пола, их силу, их равенство и даже превосходство над мужчинами. Не случайно, как мне кажется, именно в этот период Орлеанская Дева уподоблялась преимущественно *амазонкам* – древнегреческим девам-воительницам, самым независимым от мира мужчин существам, рассказы о которых были хорошо известны не только в античности, но и в средние века. Сведения, которые сообщали об этом удивительном племени Павел Орозий, Гай Юлий Солин, Блаженный Августин, Исидор Севильский и прочие, легли затем в основу сочинений Фомы Кантимпрейского, Винсента из Бове, Жака де Витри, Брунетто Латини и многих других⁷⁹.

⁷⁶ “Vous prendrez plaisir à rélire l’honneur de celle qui est vostre honneur” (*Béroalde de Verville F. Op. cit., б.п.*).

⁷⁷ “Car pourrois-je presenter à V.A.R. l’Histoire de ces Dames, dont les actions heroïques les font distinguer du peuple par luy meme, pour estre l’objet de son admiration” (*Guillaume J. Les Dames illustres, où par bonnes et fortes raisons il se trouve que le sexe feminin surpasse en toutes sortes de genres le sexe masculin. P., 1665, б.п.*).

⁷⁸ “Car je ne sçerois mieux faire voire la gloire de nostre sexe, qu’en mettant sous vostre protection” (*Ibidem*).

⁷⁹ О бытовании темы Амазонии и ее жительниц в сочинениях античных и средневековых авторов см., к примеру: *Salvat M. Amazonia: le royaume de Femminie // La représentation de l’Antiquité au Moyen Age / Publ. par D.Buschinger et A.Crepin. Wien, 1982. P. 229–241; Blok J.II. The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth. Leiden–N.–Y., 1995;*

Все эти авторы единодушно отмечали *реальность* существования королевства *Femenie*, расположенного на далеком острове или где-то в Азии. Все они настаивали на уникальном жизненном укладе, царившем там: ни один мужчина не мог находиться постоянно среди амазонок, которые вступали лишь в кратковременные связи, чтобы иметь потомство. В остальном, как отмечали все без исключения средневековые авторы, они прекрасно обходились без представителей сильного пола: женщины-воины, они обучали своих дочерей не прядению и ткачеству, но обращению с оружием⁸⁰, они жили войной, участие в которой их временных сожителей даже не предусматривалось – они ожидали возвращения своих подруг из очередного похода дома, где и воздавали им затем почести⁸¹. Иными словами, амазонки всегда оказывались сильнее, опытнее и искуснее мужчин, и только некоторым, особо выдающимся героям (как, например, Гераклу, завладевшему волшебным поясом Ипполиты, Ахиллу, убившему Пентесилею, или Александру Македонскому, покорившему королевство *Femenie*) удавалось одолеть их. Во всех прочих случаях девы-воительницы оставались непобедимыми.

Важно, как мне представляется, отметить, что с началом Нового времени и эпохи Великих географических открытий вера в реальность существования амазонок не исчезла⁸². Напротив, в 1493 г. Христофор Колумб передавал в своем бортовом журнале разговор с капитаном собственного корабля, искренне надеявшимся встретить на пути следования экспедиции остров Матинино (Мартинику), населенный амазонками, несколько «экземпляров» которых он собирался доставить в Испанию ко двору их католиче-

James–Raoul D. Les Amazones au Moyen Age // En quête d'utopies / Textes réunis par C.Thomasset et D.James–Raoul. P., 2005. P. 195–230.

⁸⁰ См., к примеру рассуждения Винсента из Бове: “*Virgines reservant quas non lanificio sed armis et equis et venationibus assuae faciunt*” (*Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi... Tomus Quartus, qui Speculum Historiale inscribitur. S.l., 1624. Lib. 1. Cap. 96. P. 36*).

⁸¹ Так, Жак де Витри писал в своей “*Historia Hierosolimitana*”: “*Omnes autem tenentes gladium et ad bella doctissime; quando victrices cum Regina sua revertantur a praeliis, a viris suis, qui extra insulam per se commorantur, adorantur*” (цит. по: *Salvat M. Op. cit. P. 233*).

⁸² См. прежде всего: *Sanchez J. P. Mythes et légendes de la conquête de l'Amérique. Renne, 1996. T. 2. P. 629–660; Rawson C. Amazon: The Women, the Name and the River. Some reflections // Réalité et représentations des amazones / Sous la dir. de G.Leduc. P., 2010. P. 27–40.*

ских величеств⁸³. На протяжении всего XVI в. путешественники, устремившиеся в Америку, привозили оттуда рассказы о многочисленных племенах амазонок, якобы обнаруженных в Новом Свете. Та же история повторилась и с началом изучения Африканского континента: о существовании амазонок сообщалось в донесениях из Эфиопии и Зимбабве⁸⁴.

Именно популярностью данной темы как в географической, так и в художественной литературе раннего Нового времени объяснялось, с моей точки зрения, отсутствие у авторов, писавших о Жанне д'Арк, каких бы то ни было *подробных* рассуждений о том, почему сравнение французской героини с той или иной представительницей этого воинственного племени казалось им не просто допустимым, но и единственно верным. Уподобление Орлеанской Девы амазонке было понятно читателям XVI-XVII вв. *вне всякого контекста*. С этой особенностью описаний эпонеи Жанны д'Арк мы сталкиваемся, в частности, у Франсуа де Биллона⁸⁵, Леона Триппо⁸⁶, а чуть позднее – у Рене де Серизье⁸⁷, Бенинь Григетта⁸⁸ и Жакетт Гийом⁸⁹. Не менее распространенным было данное сравнение и в поэзии эпохи: оно

⁸³ Sanchez J.-P. Op. cit. P. 629.

⁸⁴ Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000. P. 208–209.

⁸⁵ “La trescourageuse Pucelle lane, dite d’Orléans en forme d’une guerroyante Amazone, une espée semée de Fleurs de Lys au poing...combatit autant vaillamment” (*Billon F. de*. Op. cit. Fol. 47v).

⁸⁶ “Toutesfois Dieu permit que ceste guerriere Amazone tomba entre les pattes de ses ennemies et par eux feust condamnee à mort” (*Trippault L. Ioannae Darciae Obsidionis Aurelianae liberatricis res gestae, imago, et iudicium. Les faits, Pourtraict et iugement de leanne d’Arc, dicte la pucelle d’Orleans. Orléans, 1583. P. 33–35*).

⁸⁷ По мнению Рене де Серизье, с появлением Жанны Франция превратилась в настоящую страну амазонок: “Cela dit, elle poussa son cheval saluant sa Majesté et toute sa Cour, qui fut extremement aise de voir que la France estoit le vray pays des Amazones” (*Ceriziers R. de. Les trois estats de l’innocence. P., 1669 (1 éd.: P., 1639). P. 73*. См. также: *Ibidem. P. 77, 86, 107, 112, 135, 145, 166*).

⁸⁸ “Que la simplicité produise une Amazone, / Qu’on voye dans un Camp briller la Chasteté” (*Griguette B. Eloges des hommes illvstres peints en la gallerie dv Palais Roial. Dijon, 1646. P. 30*).

⁸⁹ Жакетт Гийом, вслед за Рене де Серизье, писала о том, что пришествие Девы для спасения королевства ознаменовало превращение Франции в настоящую «страну амазонок»: “Enfin, la Pucelle prit congé du Roy, qui estoit ravy de voir que la France alloit estre le vray pays des Amazones” (*Guillaume J. Op. cit. P. 156*).

использовалось Людовиком Орлеанским, стихи которого входили в сборник Шарля дю Лиса⁹⁰, и Франсуа Малербом⁹¹, которого цитировал Антуан Дюбретон, в свою очередь также обращавшийся к сравнению Жанны с амазонкой⁹². И хотя в произведениях этих авторов уподобление Жанны д'Арк девам-воительницам прошлого не находило детального развития, мне, тем не менее, представляется возможным выделить несколько крупных тем, при рассмотрении которых оно выглядело наиболее актуальным.

Прежде всего, следует отметить весьма значительные изменения, произошедшие в сочинениях XVI-XVII вв. в трактовке вопроса о личном участии Жанны д'Арк в военных действиях. Данный сюжет в источниках XV в. практически не рассматривался: основное внимание в них уделялось знамени девушки, ее привязанности к данному атрибуту военной власти, ее желанию иметь его постоянно при себе, что подразумевало неспособность девушки лично сражаться с противником⁹³. Иными словами, ее функция *знаменосца*, вдохновлявшего соратников на дальнейшие победы, не предусматривала, с точки зрения авторов XV в., непосредственного участия в битвах. Этот образ, однако, претерпел наиболее, как мне представляется, радикальные изменения в сочинениях раннего Нового времени. Описывая свою героиню как *Virago*, как новую амазонку, авторы стремились подчеркнуть то обстоятельство, что Жанна не просто руководила французским войском и давала советы самому королю, но и лично принимала участие в истреблении его противников. Пролитие вражеской крови отныне воспринималось как выдающаяся заслуга, как важная личная характеристика

⁹⁰ "Haec est bellatrix, quam Francia turget Amazon, / Cincta armis, et flexa genu, sparsisque decora / Crinibus, atque animis ardens ad praelia Virgo" (*Lis Ch. du. Recueil de plusieurs inscriptions pour les statues du roy Charles VII et de la Pucelle d'Orleans. P., 1613. P. 15*).

⁹¹ «L'Ennemy tout droits violant, / Belle Amazone, en vous brûlant, / Témoigna son ame perfide" (*Malherbe. Sur la Pucelle d'Orleans brûlée par les Anglois // Dubreton A. Op. cit., б.п.*).

⁹² «La nouvelle de ce secours extraordinaire y ayant esté apportee donna aux soldats et principalement aux habitans vne extreme ioye, et les fit resoudre à se deffendre mieux que iamais, et à ioindre vnaniment leurs forces à celles de nostre Amazone" (*Dubreton A. Op. cit. P. 161*).

⁹³ Подробнее см.: Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней / Под ред. О.И.Тогоевой, И.Н.Данилевского. М., 2010. С. 67–90.

Орлеанской Девы, указывающая на ее близкое родство с греческими амазонками, также, согласно легендам, весьма активно ведших разнообразные военные кампании.

Изменение отношения авторов XVI-XVII в. к вопросу о личном участии Жанны д'Арк в битвах Столетней войны влекло за собой и совершенно новую трактовку ее основных атрибутов. На место знамени приходил меч – средство, благодаря которому можно было рассчитывать на безусловную победу над врагом. «Потоки крови», которые, по образному выражению Франсуа де Биллона, оставляла за собой Жанна на полях сражений⁹⁴, могли возникнуть, только если вместо знамени она сжимала в руке оружие. Воинственный образ Орлеанской Девы появлялся уже у Джованни Сабадино, с восторгом повествовавшего о «земле, омытой кровью» ее врагов⁹⁵. О ненависти, которую испытывала Жанна к англичанам, и о мести, которую она планировала в ответ на их бесконечные оскорбления, писал и Антуан Дюбретон⁹⁶. Антуан Дюфур напрямую связывал обретение меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа с военным характером миссии Жанны д'Арк: по его мнению, только после этой чудесной находки король и его окружение поверили в предназначение девушки и согласились сделать ее капитаном войска⁹⁷. Эта же мысль последовательно развивалась и у Пьера Ле Муана, которому меч в руке Жанны напоминал о «смерти и уничтожении», которые он мог принести врагам «избранного народа»⁹⁸. Старинное оружие, оказавшись в руках Девы, «забыло о времени и ржавчине»,

⁹⁴ “Elle restitua quasi tout le Royaume perdu aux François en déracinant d’icelluy par merueilleuses effusions de sang lesditz Anglois” (*Billon F. de. Op. cit. Fol. 47v–48*).

⁹⁵ “La terra fu di sangue bagnata” (*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 109*).

⁹⁶ “Ces iniures qui la blessoient en la plus delicate et plus sensible partie de son ame, luy faisoient conceuoir contre eux vne haine particuliere, et mediter vne vengeance extraordinaire” (*Dubreton A. Op. cit. P. 165*).

⁹⁷ “Le roy et son conseil, ce considérant, luy baillèrent chevaux et armes, esquelz aussi hardiment et puissamment se traictoit somme si jamais n’eust fait aultre mestier” (*Dufour A. Op. cit. P. 164*).

⁹⁸ “L’épée que vous luy voyez à la main, me fait souuenir de ce Meteore à deux faces, de ce feu celebre et mysterieux, qu’un Ange conducteur portoit deuant le Peuple de Dieu. Comme luy elle est lumineuse et teinte de sang, comme luy elle appelle d’une part au salut et à liberté, et de l’autre elle menace de morte et d’extermination” (*Le Moyne P. Op. cit. P. 306*).

«обрело огонь и новую жизнь», ибо получило выдающегося владельца, способного вновь обогреть его кровью «чужестранцев»⁹⁹.

Активное использование в сражениях меча, безусловно, сблизало, по мнению авторов XVI-XVII вв., Жанну с амазонками, никогда не расстававшихся со своими луками и копьями, при помощи которых они одерживали многочисленные победы над врагами. Не случайно во многих из интересующих нас сочинений девушка именовалась «дочерью Марса» – римского бога, отождествляемого с греческим Аресом, считавшегося покровителем амазонок и отцом их цариц Ипполиты и Пентесилеи. Это сравнение мы встречаем у Джованни Сабатино¹⁰⁰ и в стихотворных прологах к сочинению Жана Ордаля¹⁰¹. Стремясь, вероятно, усилить связь, существовавшую в их представлении между девами-воительницами и Орлеанской Девой, некоторые авторы также именовали последнюю «Беллоной», богиней войны, в римской мифологии являвшейся матерью (или сестрой) Марса¹⁰².

Как я упоминала выше, сочинения авторов Средневековья и раннего Нового времени свидетельствовали, что амазонки часто превосходили мужчин в умении обращаться с оружием, в стратегии и тактике битвы, в военном искусстве. Будучи женщинами, они воспринимались, таким образом, как равные представителям сильного пола. Собственно, в определенном смысле они и не были обычными женщинами, они были воинами, а значит – *мужчина-*

⁹⁹ “A peine a-t’elle senty la vertu de cette glorieuse main, que sa vieillesse est tombée avec sa rouille: elle a receu vn nouveau lustre, qui luy est comme vn nouveau feu et vne seconde vie: et la voila déia teinte du sang des Etrangers; et toute échauffée de cette premiere prosperité” (Ibidem).

¹⁰⁰ “Parea la deità de Marte et de la Dea Bellona” (*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 110*).

¹⁰¹ “Ce maintien Martial, et ce visage beau: / Pouvoient ils rencontrer plus fidel pinceau: / L’esprit en est au ciel, son honneur et sa gloire, / Ne periront iamais au temple de memoire” (*Hordal J. Op. cit., б.п.*); “C’estoit à la grandeur de tes masles exploits / O Pucelle, de Mars la fille incomparable, / C’estoit à la valeur de ton bras indomnable / O Amazone, l’heur, et l’honneur des François” (Ibidem).

¹⁰² “Vous pensez voir quelque fille mignonne / Aux blanches mains, au poil blond et frizé: / Vous vous trompez, C’est un Mars déguisé, / Ou le pourtrait d’une fiere Bellonne” (*Lis Ch. du. Op. cit. P. 25*); “Non, ce n’est point l’image naturelle / Ou de Bellonne, ou de son frere Mars, / Ces Gantelets, ce Casque et ces Brassars, / Sont le portrait de leanne la Pucelle” (Ibidem. P. 30).

ми¹⁰³. Ту же самую метаморфозу мы наблюдаем и с описаниями Жанны д'Арк в сочинениях XVI-XVII в.: с течением времени в рамках ее сопоставления с амазонками французская героиня превращалась - пусть только на словах - в настоящего мужчину, рассказ о жизни которого включался наравне с историями других исторических персонажей в жизнеописания знаменитых мужей, что произошло, к примеру, с «Портретами знаменитых французов» Вюльсона де ла Коломбьера или с «Похвалой знаменитых мужей» Бенинь Григетта¹⁰⁴. Уже в анонимном «Зерцале добропорядочных женщин» 1547 г. сообщалось, что Дева ездил верхом в полном доспехе точно так же, как воин¹⁰⁵. Леон Триппо замечал, что благодаря выдающимся свершениям Жанна «превосходила представительниц своего пола»¹⁰⁶. Никола Вернуль именовал ее «полководцем», «руководителем» и «рыцарем» французского войска¹⁰⁷, а Антуан Дюбретон - не только «выдающейся дамой», но и «великим героем»¹⁰⁸. Не менее популярным у авторов XVI-XVII вв. было и сравнение Жанны д'Арк с прославленными историческими или литературными персонажами прошлого. Так, Франсуа де Бельфоре писал в своей «Истории девяти Карлов»:

¹⁰³ О восприятии амазонок как мужчин и даже как «монстров», не похожих на обычных людей см. подробнее в: *Salvai M. Op. cit.*

¹⁰⁴ В сочинении де ла Коломбьера из 25 биографий «знаменитых французов» только три принадлежали женщинам: помимо Жанны д'Арк здесь рассказывалось о Марии Медичи и Анне Австрийской, которые заслуживали, с точки зрения автора, права именоваться мужчинами потому, что были регентами при своих малолетних сыновьях (*Vulson, sieur de la Colombiere. Op. cit. P. 277, 355*). Того же принципа придерживался и Б.Григетт: в его сборнике те же три женщины оказывались в составе 24 героев.

¹⁰⁵ "Elle montoit sur un cheval et le chevauchoit armee de toutes pieces aussi vertueusement que eust sceu faire homme d'armes" (*Mirouer de femme vertueuses, б.п.*).

¹⁰⁶ "Les auts faicts de ceste pucelle comme surpassans so sexe" (*Trippault L. Op. cit. P. 7*).

¹⁰⁷ "Sum Dux tui / Et imperatrix militis" (*Nicolai Vermulaei Ioanne Darcia vulgo Puella Aurelianensis tragoedia // Nicolai Vermulaei... Tragoediae decem. Louvain, 1631 (1 éd.: 1629), P. 294-378, здесь P. 319*). "Ecce ecce noster miles" (*Ibidem. P. 338*).

¹⁰⁸ "Et ses faicts heroïques l'ont elevée non seulement iusques au rang des plus grandes Dames, mais aussi iusqu'à la gloire de plus grands Heros" (*Dubreton A. Op. cit., б.п.*).

Почему бы нам не поверить, в то, что Господь послал Жанну Деву для освобождения короля и его королевства от порабощения, если мы верим в историю, рассказанные Титом Ливием о Касторе и Полидевке¹⁰⁹.

Франсуа Малерб уподоблял Жанну Гераклу (Алкиду)¹¹⁰, Андре Теве и Ангуан Дюбретон – Сципиону Африканскому, а также Ганнибалу и Юлию Цезарю¹¹¹, а Ж.-Л. Катром, участник поэтического сборника Шарля дю Лиса, полагал, что она превзошла Александра Македонского и Юлия Цезаря¹¹².

Уподобление Жанны д'Арк мужчине логично дополнялось в сочинениях раннего Нового времени ее сравнением с *правителем* страны, чье успешное политическое и военное руководство способно обеспечить подданным процветание и превосходство над противником. Данная аналогия, появившаяся еще в конце XV в.¹¹³, в описаниях эпопеи французской героини XVI-XVII вв. также преимущественно использовалась в рамках ее сопоставления с амазонками и их царицами¹¹⁴. Уже у Джованни Сабадино, использовавшем сравнение Жанны с Камиллой, упоминалось, что последняя

¹⁰⁹ "Pourquoy ne croirons nous que Dieu à envoyé la pucelle Ieanne pour delivrer le Roy et le Royaume de France de captivité, plustost que d'adiouster foy à tant de fables d'un Tite Live sur l'apparition de Castor et Pollux" (*Belleforest F. de. Op. cit. P. 304*).

¹¹⁰ "Celle qui vivoit comme Alcide, / Devoit mourir, comme il est mort" (*Malerbe. Op. cit.*).

¹¹¹ "A qui la virginité qu'elle garda inviolablement, et la ville d'Orleans qu'elle delivra par sa valeur, ont acquis le surnom de Pucelle d'Orleans, comme la conquete de l'Afrique fit autresfois honorer Scipion de celui d'Africain" (*Dubreton A. Op. cit., б.п.*); "Elle a faict sentir aux François son coeur genereux, ressemblant a tous ses actes plustost un Anniba, un Scipion Africain, ou un Iules Cesar que une femme" (*Thevet A. Op. cit. Fol. 280v*).

¹¹² "Le grand Cesar voyant d'Alexandre l'image, / Jaloux de son bon-heur se mit à sospirer: / Mais ce grave pourtrait avoit cet avantage / Sur tous deux, sçavoir est, de les faire plorer" (*Lis Ch. du. Op. cit. P. 33*).

¹¹³ Ги Пал, известный юрист родом из Дофине, президент парламента в Гренобле, писал в 70-х гг. XV в. о «правлении» Жанны д'Арк: "Quae Puella regnavit tribus vel quator annis" (*Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 534*).

¹¹⁴ Об использовании истории амазонок в спорах XVI-XVII вв. о способностях женщин в делах управления см.: *Steinberg S. Le mythe des Amazones et son utilisation politique de la Renaissance à la Fronde // Royaume de Fémynie. Pouvoirs, contraintes, espaces de liberté des femmes, de la Renaissance à la Fronde / Ed. par K. Wilson-Chevalier, E. Viennot. P., 1999. P. 261-273; Viennot E. Les amazones dans le débat sur la participation des femmes au pouvoir à la Renaissance // Réalité et représentations des amazones. P. 113-129.*

стала правительницей своего народа (вольсков) и пришла на помощь Турну в его войне с Энеем¹¹⁵. Однако наиболее распространенным в раннее Новое время оставалось сопоставление Орлеанской Девы с другой предводительницей амазонок – Пентесилеей, пришедшей на помощь осажденной Трое. Это сравнение использовали, в частности, Симфорьен Шампье¹¹⁶ и Франсуа де Биллон¹¹⁷.

Исключительное внимание, которое уделяли авторы XVI–XVII вв. уподоблению Жанны д’Арк амазонкам и их правительницам, с моей точки зрения, было связано прежде всего с новым образом французской героини, последовательно разрабатывавшемся в этих сочинениях – образом *Virago* – сильной женщины-воина, наделенной такими неотъемлемыми чертами, как доблесть, мужество, лидерские способности, воинственность и непримиримость к врагам собственной страны. Всеми этими личными качествами обладали, с точки зрения французов раннего Нового времени, и древнегреческие амазонки, а потому сравнение с ними Орлеанской Девы получило в произведениях данного периода такое развитие.

Вместе с тем, как мне представляется, огромное значение для развития аналогии между Жанной д’Арк и девами-воительницами древности имела и актуализация в конце XV – начале XVI в. мифа о *троянском происхождении* французской нации. История о Франсионе, покинувшем с соратниками горящую Троику, нашедшем приют в Сикамбрии и в Германии, оттуда вместе с Маркомиром прибывшем на территорию Галлии и основавшем здесь новое государство, впервые была рассказана в “*Historia Francorum*” Фредегарда (VII в.) и в анонимной “*Gesta regum Francorum*” (нач. VIII в.). В XII в. она была включена в официальные «Большие хроники» Французского королевства, а затем вошла в «Историческое зерка-

¹¹⁵ “Et essendo morto il padre fu da li Volsci populi revocata per sua virtù de loro regina. Di che poi cum molta gente de Volsci andò in campo in favore de Turno re de’ Rutoli contra el Troyano Enea” (*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 102*).

¹¹⁶ “Pourquoy l’on la compare proprement a Penthasilee. Car ainsi qu’elle vint a l’aide des troyans contre les gregoyz se et porta vaillamment et a la fin elle mourut” (*Champier S. Op. cit., б.п.*).

¹¹⁷ “Qu’a faict Panthasilée Roynе des Amazones, qui pour soutenir le party des Troyens se trouva furieusement équipée au Siege de Troyc avec ses puissance? Ce nom, tant seulement, deust il pas faire trembler tout Ennemy des Femmes, puis que les Grecs l’ont exposé ainsi, Panthasilée, quasi tout subiugant?” (*Billon F. de. Op. cit. Fol. 46*).

ло» Винсента из Бове, получив таким образом широкое распространение и оставаясь актуальной вплоть до середины XVI в.¹¹⁸ Как следствие, история амазонок, во главе с их царицей Пентесилеей пришедших на помощь правителю Трои Приаму, была прекрасно известна французам, начиная с раннего Средневековья. Защитницы осажденного города-государства являлись, таким образом, идеальным прообразом для Жанны д'Арк, первым выдающимся военным свершением которой стало снятие осады с Орлеана. Уже в самом раннем французском сборнике жизнеописаний выдающихся женщин прошлого XVI в. – «Корабле добродетельных дам» Симфорьена Шампье – Орлеанская Дева уподоблялась Пентесилее именно на том основании, что – как и эта последняя – пришла на помощь осажденным. И хотя в середине XVI в. миф о троянском происхождении французов был поколеблен¹¹⁹, сравнение Жанны д'Арк с амазонками, защищавшими осажденную Троию, продолжало присутствовать в самых различных сочинениях. К нему обращались, к примеру, Николя Гине (в стихотворном прологе к «Истории Жанны д'Арк» Жана Ордаля)¹²⁰ и анонимный автор панегирика мадам де Шеврез 1649 г., уподоблявший свою героиню Пентесилее и Жанне д'Арк¹²¹. Сюда

¹¹⁸ Подробнее см.: *Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985. P. 19–25.*

¹¹⁹ В появлении идеи происхождения французской нации и ее королей от галлов исследователи видят обычно демонстративный отказ французских авторов от веяний итальянского гуманизма, их стремление к созданию «национальной» истории, освобождение от увлечения античностью, столь свойственного эпохе Возрождения. См. об этом, прежде всего: *Dubois C. G. Celtes et Gaulois au XVIe siècle. Le développement littéraire d'un mythe nationaliste. P., 1972, особенно P. 125–129; Idem. “Nos ancêtres les Gaulois”. Le développement d'un mythe des origines nationales au XVIe siècle // Dubois C.-G. La mythologie des origines chez Guillaume Postel. P. 93–101.* Не менее важным представляется и влияние Религиозных войн, потребовавших от авторо-католиков особого внимания к проблеме сильной королевской власти: *Grell C. Annus de Viterbe et le roman des origines en France et en Espagne // Le sentiment national dans l'Europe méridional aux XVIe et XVIIe siècles / Sous la dir. de A.Tallon. Madrid, 2007. P. 227–250.*

¹²⁰ “Qualis in Argivas vel Pentesilea phalanges, / Vel ruit in medios Volsca puella Phryges: / Talis per densas acies lana instat, et acta / Fertur in aduersos cuspide Brutigenas” (*Hordal J. Op. cit., 6.n.*).

¹²¹ “Comme une autre Penthésilée, se faire iour parmy les escardons...ou comme une autre Jeanne Darq chaser les Etrangers de la France” (*L'illustre conquerante ou la genereuse Constance de Madame de Chevreuse // Recueil de plusieurs pieces curieuses, tant en vers, qu'en prose. Imprimées depuis l'enlevement fait de la*

А. В. СТОГОВА

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПРАКТИКИ В XVII В.: МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ*

XVII век — это время, когда переписка превращается из формы высказывания интеллектуалов в повседневную практику многих людей. Связано это с усвоением гуманистических идеалов общения, с тем, что письма начинают писаться на национальном языке, а не на латыни, и с развитием почтовой системы, позволившей сделать обмен письмами достаточно регулярным и, следовательно, «нормальным» явлением повседневной жизни образованных людей. Если в письмовниках XVI в. приводились примеры писем, написание которых вызвано каким-либо поводом, то в аналогичных пособиях первой трети XVII столетия появилась масса примеров писем, писавшихся ради поддержания самой переписки. В данном случае я буду вести речь о так называемых «частных письмах», т.е. переписке частных лиц.

В течение столетия очень сильно видоизменяется само письмо: от гуманистического послания, посвященного возвышенным темам — философии, науке, этике и т.п. — и написанного в строгом соответствии с литературными канонами жанра, до непринужденного письменного варианта дружеской беседы. Во французской историографии принято считать, что основополагающую роль в этой трансформации сыграли женщины. Они не учились риторике, не штудировали Цицерона в качестве теоретика эпистолярного жанра, и в переписке для них главным образом была важна возможность общения на расстоянии. Еще одно мнение, распространенное и в англо-американской историографии, заключается в том, что для женщин переписка как повседневная практика способствовала расширению частного пространства, для мужчин же — прежде всего публичного.

Размышляя в этой логике, исследователи, в частности, Роже Дюшен в своей последней книге о французской эпистолярной культуре XVII века, вышедшей в год его смерти¹, приходят к выво-

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта «Гендерные и кросс-гендерные модели общения в Античности, Средние века и Новое время».

¹ Duchêne R. Comme une lettre à la poste. P. : Fayard, 2006.

ду о том, что переписка под влиянием женщин становится все более и более частным пространством.

Мне хотелось бы если не опровергнуть эту точку зрения, то несколько ее усложнить. Во-первых, дело в том, что само по себе письмо нельзя отнести к частному или публичному пространству. Письмо – это средство коммуникации, медиум, его существование и восприятие зависит от контекста. Само по себе наше определение «частной переписки» еще не означает, что она всецело принадлежит сфере частного. Для XVII столетия, на мой взгляд, более заметна скорее публичность эпистолярных практик, нежели их «частность», причем публичность разного рода. Автор всегда знал, что письмо может быть прочитано третьему лицу хотя бы потому, что полным собственником письма считался его получатель (он и оплачивал почтовые расходы).

Во Франции одно из самых важных изменений, которые происходят с эпистолярной культурой в XVII столетии, состоит в том, что она начинает ассоциироваться не только с интеллектуальным общением, но и с придворной и салонной жизнью. Это изменение тоже очень четко отразилось в письмовниках, хотя они и не предназначались для людей высокого положения. Кроме того, в первой трети столетия письмовники переориентируются с малообразованной аудитории, приобщающейся к культуре письма, на тех, кто желает наладить связи при дворе. Придворная культура, основанная на публично-личных контактах, «связях», вбирает в себя переписку как один из возможных способов их завязывания и поддержания. В такого рода письмах на первый план выходит не следование литературным канонам и не риторические изыски, а необходимость произвести благоприятное впечатление.

Одновременно переписка становится и элементом салонной культуры, чему немало способствовала репутация частной переписки как беседы на расстоянии. Как известно, именно вокруг беседы строилась вся культура салонного общения. Я не буду здесь рассматривать особенности салонной культуры как пространства одновременно и частного, и публичного². Отмечу лишь, что переписка вбирает в себя те правила, по которым функционировала эта

² См. об этом: *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008.

культура. Также общеизвестной является и роль женщин в формировании этого нового пространства, поэтому в отношении французской культуры вполне обоснованно рассуждать и о том, как сказались влияние женщин на эпистолярных практиках.

К концу XVII века вслед за убеждением в превосходстве женщин в искусстве беседы, утверждается и мнение, что они непревзойденны в искусстве эпистолярном. При этом как минимум до начала века эпистолярный жанр, как и большинство других, считались мужской прерогативой. Уже во второй половине столетия об этом писал «феминист» Пуллен де Ла Барр:

Возможно ли что-то более сильное и красноречивое, чем письма большинства дам, касающиеся любого сюжета. обычного для переписки, и особенно страстей, чья сила составляет всю красоту и весь секрет ораторского искусства. Они затрагивают их в столь деликатной манере и выражают так естественно, что следует признаться, что их и не воспринимаете иначе, и что все риторики мира не могут дать мужчинам того, что ничего не стоит женщинам³.

Подобные высказывания можно встретить и у менее радикально настроенных авторов. Несколько позже де Ла Барра на эту тему выскажется Лабрюйер, из описания которого легко можно увидеть, за какие достоинства начинают превозноситься женские письма:

Я не представляю себе, что письма можно писать остроумнее, приятнее, изящнее и легче по слогу, чем их писали Бальзак и Вуатюр. Правда, письма эти еще не проникнуты чувствами, которые распространялись позднее и своим появлением обязаны женщинам. В произведениях этого рода прекрасный пол одареннее нас: под их пером непринужденно рождаются выражения и обороты, которые нам даются лишь ценой долгих поисков и тяжких усилий. Женщины на редкость счастливо выбирают слова и с такой точностью представляют их, что самые обыденные приобретают прелесть новизны и кажутся нарочно созданными для данного случая. Только женщинам дано одним словом выразить полноту чувства и точно передать тончайшую мысль. Они с неподражаемой естественностью напиывают одну тему на другую, связывая их единством смысла. Смело утверждать, что если бы они к тому же еще блюли правильность языка, во всей французской словесности не было бы лучше написанных произведений.⁴

³ Poullain de la Barre Fr. De l'égalité de deux sexes, discours historique et moral, où l'on voit l'importance de se défaire des préjugés. P., 1679. P. 50.

⁴ Лабрюйер Ж. де. Характеры или нравы нынешнего века // Теофраст. Характеристики; Ж. де Лабрюйер. Характеры или нравы нынешнего века. Симферополь: Реноме, 1998. С. 59-60.

В этой цитате много любопытного. Во-первых, то, что «образцовыми» Лабрюйер по-прежнему считает письма Бальзака и Вуатюра - мужчин, хотя и противопоставляет им более естественные женские письма. Как подметил Дюшен, даже в конце столетия публичными образцами эпистолярного жанра продолжали считаться только мужские письма⁵. Женские письма не публиковались за редчайшим исключением⁶. В 1635 году Жан Дюбоск (еще один автор, писавший в защиту женщин) выпустил «Новый сборник писем дам нашего времени». Новый не потому, что до этого уже был опубликован один, а потому как раз, что публикация женских писем была делом совершенно новым. Это издание можно было бы считать революционным, если бы эти анонимные письма не были написаны самим автором от лица женщин. Из всех женских писем впервые стали публиковать любовные послания, причем также было не очень важно, подлинны ли эти письма или нет. В сборнике писем 1689 года приводится лишь одно женское письмо – госпожи Вилльдье. И это уже время, когда превосходство женщин в эпистолярном жанре было публично признано. В публичном пространстве печатной книги женщинам все еще не было места. Здесь можно вспомнить знаменитые женские романы того времени: мадемуазель де Скюдери публиковала их под именем брата, госпожа де Лафайет всю жизнь открывалась от авторства.

Итак, домен письма как литературного жанра, каковой и репрезентируют сборники писем, остается сугубо мужским. «Женской» считается, как видно из названия одного из исследований, сама эпистолярная практика⁷.

Второй момент, который важно отметить – это те изменения в эпистолярной культуре, которые связывались современниками с вхождением в нее женщин. Прежде всего, это естественность. Это

⁵ Duchêne R. Comme une lettre à la poste. P.121-128.

⁶ См. об этом: Nies E. Un genre féminin? // Revue d'histoire littéraire de la France. Vol. 78. 1978. P. 994-1005; L'Épistolaire, un genre féminin? / Ed. de C. Planté. P. : Honoré Champion, 1998; Haroche-Bouzinac G. La lettre féminine dans les secrétaires // XVIIe siècle. 2003. N. 3. С интернет-ресурса «Le XVIIe siècle de Roger Duchêne». [Режим доступа: <http://web17.free.fr/RD03/2200.htm> Дата входа 18.08.2012].

⁷ Duchêne R. The Letter: Men's Genre/Women's Practice // Women Writers in Pre-Revolutionary France: Strategies of Emancipation / Ed. By C.H. Winn and D. Kuizenga. Oxford: Routledge, 1997. P. 315-334.

понятие логично вписывается в происходящую трансформацию, когда на смену представлениям о строгих жанровых нормах, прежде всего, композиции, приходит более легкое понятие «стиля». Стиль этот тоже менялся со временем от еще довольно напыщенных писем Геза де Балзака к приятным посланиям Вуатюра и дальше ко все более и более непосредственным образчикам писем конца столетия.

В логике салонной культуры эта непринужденность определялась тем, что общение подчеркнуто связывает не публичных, а частных персон. Из писем изгоняется тот вид публичности, который столь очевиден в посланиях первой половины столетия, и которые можно связать с развитием придворной культуры – переписке как форме общения публичных персон. Примером такого общения может служить издание, о котором мне уже приходилось писать. В 1645 году Робер Арно д'Андий публикует свою переписку и известными и влиятельными лицами. Публичное обнародование добрых отношений, которые и подтверждали письма, должно было служить восстановлению его репутации, поставленной под сомнение автором одного столь же публичного издания. В конечном счете, эта публикация сыграла роль и в развитии конфликта янсенистов с властью.

Уход от такого рода публичности в письмах, как и в беседах, это позволяет до минимума свести формальности, служившие выражением разного рода социальных иерархий. Уже в письмовниках де Ла Серра есть противопоставление этих двух видов писем:

«деловые письма» – «те, которые излагают вещи, имеющие значимость и бывают различных видов, как то письмо-извещение, письмо-совет, письмо-замечание, письмо-приказание, письмо-просьба, письмо-рекомендация, письмо-предложение помощи, письмо-жалоба, письмо-упрек, письмо-извинение и тому подобные»⁸. Любезные письма «служат завязыванию дружбы с кем либо или ее поддержанию: они также бывают различных типов, как письма-примирения, письма-визиты, поздравления, соболезнования, благодарности, шуточные и тому подобные»⁹.

Но естественность подразумевала не только легкость и непринужденность слога, но также и ненадуманность тем, затронутых в письме, и приращение «естественной» эмоциональности. Именно в

⁸ Puget de La Serre J. Secretaire de la mode par le sieur de la Serre augmenté d'une instruction d'escrire des Lettres. Amsterdam : Chez Jaques Marteau, 1664. P. 2.

⁹ Ibid. P. 12.

женских письмах впервые в 80-е годы XVII столетия появляется обращение *ma chère* заменившее сухое и официальное *madame*. В рамках этого же контекста и логики существования эпистолярной культуры можно оценить переворот, приписываемый господам де Сабле и де Мор – появление записок. Это тип послания, в котором формализованность сведена до минимума и можно пренебречь почти всеми жанровыми нормами, и даже не блистать стилем, отказаться от формальных изъявлений почтения и вежливости, т.е. максимально отрешиться от своих публичных персон. Не случайно это «изобретение» сделано женщиной, основной сферой деятельности которой традиционно считается частное пространство. Мужчинам было гораздо сложнее отказаться от своих публичных персон. Отличие, которое фиксирует Лабройер – большая надуманность и обдуманность выражений – может быть связана с тем, что им было сложнее отрешиться от публичного пространства. Даже сама салонная жизнь в конечном итоге становится дверью в публичную сферу: туда начинают пристраивать молодых дворян, даже очень знатных, чтобы они набрались лоска и завязали нужные отношения. Переписка же, прежде всего это форма поддержания нужных отношений.

Впрочем, здесь надо оговориться. Манера письма, развивавшаяся в салонах не в меньшей степени, нежели та, что была в ходу при дворе, имела своей главной целью произвести на адресата благоприятное впечатление своим письмом. Разным было само впечатление, которое было необходимо создать: в первом случае полезного и преданного человека, во втором – приятного и остроумного собеседника. Именно желание понравиться заставляло работать над литературной составляющей – стилем. Например, Шаглен копировал и переписывал свои письма. Говорил о том, что в письме не должно быть видно усилий по его написанию. Позднее, в 60-80е годы эта тяга к естественности слога приведет к тому, что письмо превратится в (псевдо)экспромт, составляемый на публике – дабы убедить всех в том, что это действительно экспромт. Изменяется и тематика письма – в ней все больше автора и жизненных реалий. И это различие главным образом было связано с тем, в какой мере письмо обращено к человеку как к публичной персоне. Именно поэтому нельзя провести четкую границу между этими двумя видами посланий. В этом я согласна с мнением Бернара Брея, который писал:

Итак, я полагаю, что между частным письмом, которое никогда не предполагали публиковать и тем, которое писалось с мыслью о публикации, ... существует целый спектр промежуточных видов¹⁰.

Даже сутью максимально де-формализованных записок было поддержание светского общения. В большинстве случаев они писались как неформальные приглашения или сопровождали пустяковый подарок. Ни в коем случае записка не должна была опускаться до быта.

Нужно отметить и то, что «естественность» в тексте Лабрюйера вовсе не означает искренности и подлинности. Как он же замечает в другом своем афоризме:

Если женщина пишет вам страстное письмо, это означает, что она страстно увлечена вами; но любит ли она вас – это еще неясно. Горячая и нежная любовь несообщительна и погружена в себя; женщина, чье сердце глубоко задето, жаждет узнать, любят ли ее, но все не стремится поведать о своей любви¹¹.

В данном контексте письмо – это такая форма общения частных лиц, которая в любой момент может быть явлена публике для продолжения общения. Даже если переписка выглядит как диалог, в ней всегда незримо присутствует публика, которая способна оценить каждое послание. Письма адресованы ей почти в той же мере, что и самому адресату. Письмо всегда может быть прочитано вслух и на публике. Для примера можно взять послания госпожи де Севинье в силу того, что ее письма к дочери – признанный шедевр эпистолярного жанра, и именно они являются для исследователей наиболее живым примером новой манеры письма, интимности, эмоциональности и задушевности. При всем этом, в них постоянно присутствуют свидетельства того, что письма пишутся в присутствии других людей, а вовсе не в частной обстановке уединения, обеспечивающей диалог тет-а-тет:

...в среду, возвратившись от госпожи де Куланж, где мы занимались корреспонденцией...¹²; так, моя дорогая, у вас была президент-

¹⁰ Bray B. *Épistoliers de l'âge classique. L'art de la correspondance chez Madame de Sévigné et quelques prédécesseurs, contemporains et héritiers.* Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2007. P. 64

¹¹ Лабрюйер Ж. де. Характеры или нравы нынешнего века. С. 99.

¹² Севинье М. де. Письмо госпоже де Гриньян от 20.02.1671 // Севинье М. де. Письма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 56.

*ша де Шарм, когда вы писали ко мне*¹³; *я вам писала, дочь моя, отовсюду, откуда могла*¹⁴; *прощайте господин посол, если господин епископ Мюнстерский увидит это письмо, то я была бы очень рада, если бы он узнал, что я люблю вас всем сердцем*¹⁵.

Эта культура в некоторых случаях позволяла писать совместные письма, как это делали, например, госпожа де Севинье и госпожа де Лафайет. В Письме Симону де Помпонну, сыну Арно д'Андии от 1 мая 1666 года первая часть письма написана госпожой де Лафайет, а вторая – госпожой де Севинье¹⁶.

В письмах кроме голоса самого автора постоянно присутствуют голоса других людей, которые желают что-то сообщить адресату, передать свидетельства своей привязанности:

*г-жа де Вовинё кланяется вам... г-жа д'Арпажсон тоже*¹⁷; *г-н Ларошфуко целует вас безо всякой церемонии... Г-жа де Лафайет ценит и любит вас*¹⁸; *пишу свою корреспонденцию у г-жи де Лафайет; я передала ей ваше письмо. Мы вместе его читали с удовольствием и находим, что никто не пишет лучше вас; вы очень хорошо умеете льстить ей, и я тоже нахожу в вашем письме слова, идущие прямо к моему сердцу, которым вы владеете вполне*¹⁹.

Слова, речи, беседы знакомых госпожи де Гриньян вообще являются одной из основных тем этих писем и нередко передаются как прямая речь.

Из того, что в эпистолярной беседе то и дело присутствуют другие люди, совершенно логично следует, что и ответы, полученные от дочери, равно как и другие послания, также демонстрируются публике:

¹³ *Она же*. Письмо госпоже де Гриньян от 23.08.1671 // Там же. С. 98.

¹⁴ De mesdames de La Fayette et de Sévigné à M. De Pomponne du 01.05.1666 // *Coulanges P.-E. Mémoires suivis de lettres inédites de Mme de Sévigné, de son fils, de l'abbé de Coulanges, d'Arnauld d'Andilly, d'Arnauld de Pomponne, de Jean de La Fontaine, et d'autres personnages du même siècle. Paris : J.-J. Blaise, 1820. P. 496-497.*

¹⁵ *Севинье М. де*. Письмо госпоже де Гриньян от 29.09.1675 // *Севинье М. де*. Письма. С. 264.

¹⁶ De mesdames de La Fayette et de Sévigné à M. De Pomponne du 01.05.1666 // *Coulanges P.-E. Mémoires. P. 495-497.*

¹⁷ *Севинье М. де*. Письмо госпоже де Гриньян от 13.03.1671 // *Севинье М. де*. Письма. С. 63.

¹⁸ *Она же*. Письмо госпоже де Гриньян от 17.04.1671 // Там же. С. 71.

¹⁹ *Она же*. Письмо госпоже де Гриньян от 17.04.1671 // Там же. С. 70.

вот письмо от г-на де Кондома, которое он переслал мне с очень милой запиской²⁰; вы написали прекрасную записку г-ну де Бранкасу²¹; вы писали письмо Ламусу, за которое мы оба обязаны благодарить вас: оно проникнуто дружбой ко мне²²; вчера один негодяй, увидев мое неоконченное письмо, спросил: неужели я думаю, что у кого-либо на свете хватит терпения прочесть его?²³; г-жа де Куланж пришла в восторг от некоторых мест письма, которыми я не могла не поделиться с ней²⁴; г-н Помпон читал ваше первое письмо, и я собираюсь ему большую часть второго²⁵; я показала ваше письмо мадемуазель де Мери²⁶; я посылаю вам это сообщение в пять часов вечера; я отправляю его сам, а то г-н де Куланж захочет его списать²⁷; мы до слез сеялись над вашим описанием г-жи де Ларшас и ее старшей дочери Филлиды.²⁸

В первом теоретическом рассуждении женщины об особенностях эпистолярного жанра – в романе «Клелия» мадемуазель де Скюдери (неслучайно и само рассуждение ведется от лица женщины) – напрямую говорится о том, что галантные письма, которые и считаются свойственными салонной культуры, пишутся, «чтобы продемонстрировать их всему свету».²⁹

Итак, мы можем говорить о том, что салонные эпистолярные практики отнюдь не были приватными. В этом смысле они гораздо более публичны, нежели письма, циркулирующие при дворе. Последние адресованы одной-единственной персоне и не предполагают взгляда со стороны. Их публичное обнародование возможно лишь при существенной редакции и даже согласии авторов (при том, что полученное письмо было собственностью адресата, на почте он и платил за письмо). Но в то же время надо четко понимать, что эта публичность особого рода. Так же как салонная культура предполагает критерии допуска в это пространство, которые нельзя назвать ни в полной мере частными, ни в полной мере пуб-

²⁰ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 13.03.1671 // Там же. С. 63.

²¹ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 29.04.1671 // Там же. С. 75.

²² Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 19.07.1671 // Там же. С. 90.

²³ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 20.01.1672 // Там же. С. 125.

²⁴ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 09.03.1672 // Там же. С. 138.

²⁵ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 27.04.1672 // Там же. С. 150.

²⁶ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 27.11.1673 // Там же. С. 195.

²⁷ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 12.08.1675 // Там же. С. 243.

²⁸ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 09.09.1675 // Там же. С. 261.

²⁹ Scudéry M. de. Clélie, histoire romaine. P. : Honoré Champion, 2002. Pt. 2 (1655). P. 400

личными, так и эти послания могут быть явлены не всем, но лишь ограниченному числу людей. Эта ограниченность и придает своеобразие публичному существованию этих посланий. Они публичны лишь для избранных. Но при этом открытость небольшому числу людей нельзя в полной мере назвать и характеристикой частного, ибо выбор этого круга людей определяется самыми разными критериями: это и близкие знакомые, и ценители литературного стиля, и те, кто определяют салонную моду... Ценность частного конструируется через его приспособление к ценностям публичного, т.е. через определенную степень опубличивания. Тематика частного («меня интересуют ваше здоровье, ваша семья, ваши малейшие дела, ваши чувства»³⁰) признается и принимается через ее приспособление к традиционным литературным ценностям письма (при том, что сами критерии литературного совершенства трансформируются).

В силу этого, например, такую значимость сохраняют жанровые особенности письма и правила его составления, сформулированные еще в Античности. Только теперь на смену четким составным частям приходит более легкое понятие стиля, о котором рассуждали гуманисты. Этот вид писем должен был быть легким и непринужденным. В рамках этой логики возможен отказ от некоторых правил вежливого общения, подчеркивающий частность отношений. Как и в устной беседе, здесь ценился изящный экспромт, а не скрупулезное следование правилам. О том, какие качества ценились в письме, госпожа де Севинье упоминает достаточно часто:

Я получила всего три письма от вас. Они трогают мое сердце. Одно письмо не дошло до меня. Я люблю все ваши письма и не хочу терять то, что исходит от вас... Но мне кажется, что нельзя требовать ничего лучшего, чем те письма, что я получила. Во-первых, они очень хорошо написаны, во-вторых, они так искренни и нежны, что им нельзя не верить. Самая недоверчивая подозрительность должна быть ими успокоена. На них лежит отпечаток правды, который говорит сам за себя. Ложь, несмотря на многословие, не убеждает никого. Ваши чувства правдивы и кажутся такими, и слова вам прекрасно служат. Они благородны в своей простоте, и их силу нельзя противиться... Вот какими мне кажутся ваши письма, дочь моя. Поэтому они производят на меня сильное впечатление, и, читая их, я не

³⁰ *Севинье М. де. Письмо госпоже де Гриньян от 09.09.1675 // Севинье М. де. Письма. С. 261.*

могу удержаться от слез³¹: дочь моя, сейчас получила ваше письмо, восхитившее меня; оно полно любви, нежности и блестящих мыслей; краткий, ясный и безукоризненный слог его может очаровать каждого и не любящего вас, как я³²; я никогда не видела более любезных писем, чем ваши, дорогая графиня; только что читала одно, которое чарует меня. Я когда-то слышала от вас, что у меня особенная манера толковать мельчайшие вещи, и в самом деле, дочь моя, это вы обладаете такой манерой: пять или шесть мест в вашем последнем письме так блестящи и приятны, что сердцу становится легко³³; я очень рада, что вам нравятся мои письма; я не думаю, чтобы они были так интересны, как вы говорите, но, во всяком случае, они не шаблонны.³⁴

Очевидно, письма писались в расчете на то, что они возможно будут прочитаны кем-то еще, порой – вполне определенным человеком: «намекните в ваших письмах о некоторых лицах, чтобы я могла рассказать им об этом»³⁵. В другой раз госпожа де Севинье показала одно из писем, присланных ей дочерью, с описанием ее проблем г-н де Помпонну, и описывает произведенный им эффект:

Он был в восторге от вашего описания Сент-Боме; он будет еще более в восторге от второго письма. Нельзя ни лучше, ни яснее описывать, чем вы это делаете; я более чем уверена, что вы достигните этим письмом всего, к чему вы стремитесь.³⁶

Письмо оценивается, а значит, служит основой для создания определенной репутации. Завсегдатай голубой гостиной госпожи де Рамбуйс Внсан Вуатюр был известен не только как поэт, но и как автор писем. Его послания публиковались и переводились, вызывая интерес как образцы изящного стиля (впрочем, скоро он стал считаться напыщенным).

Как мы видели у Лабрюйера, новые черты эпистолярной культуры приписывались заслуге женщин, а потому рассматривались как проявление их естественных качеств. Пуллен де Ла Барр в цитате, приведенной в начале, противопоставляет естественность изящного стиля женщин мужской учености и владению риторикой. Об этом же писал и Шарль Котен, опубликовавший, как он сам пи-

³¹ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 11.02.1671 // Там же. С. 50.

³² Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 09.03.1672 // Там же. С. 138.

³³ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 08.01.1674 // Там же. С. 208.

³⁴ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 3.10.1675 // Там же. С. 269.

³⁵ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 18.02.1671 // Там же. С. 54.

³⁶ Она же. Письмо госпоже де Гриньян от 27.04.1672 // Там же. С. 150.

сал, в знак признательности женщинам, «смягчившим мои нравы и развившим мой ум»³⁷, сборник женских писем: «[Женщины] во всех этих обстоятельствах пишут лучше и естественней, чем все наши современные ораторы»³⁸. Приписывалось это природной деликатности женщин, проявляющейся буквально во всем — в телосложении, чувствительности, изящности манер, миролюбивости... Шарль Перро в «Апологии женщин», написанной как ответ на «Сатиру против женщин» Буало, сформулировал это следующим образом:

*Разве ты можешь не знать, что вежество
Рождается у женщин вместе с достоинством?
Что в них соединяются утонченная учтивость,
Прекрасный облик, превосходный вкус, изящество?*³⁹

Автор трактата «Преимущества прекрасного пола, или триумф женщин», вышедшего в самом конце столетия, целую главу посвятил женскому красноречию. В качестве достоинств красноречивого человека он выделяет «ясные и приятные слова, красноречивый и выразительный язык, изысканные и убедительные выражения» и утверждает, что женщина в большей мере обладает этими свойствами следующей причине:

*женщина «сделана из более совершенного материала, нежели он [мужчина — А.С.], и как следствие этого, имея органы, менее нагруженные плотью и более деликатно расположенные, то, что она производит этими органами также более утонченно и нежно... Кроме того, женщина изъясняется с большим красноречием и более точными выражениями, нежели мужчина, поскольку имеет более влажный темперамент; а влажность хороша для памяти, она обильно насыщает ее, в том числе и самыми изысканными выражениями, хранильницей которых она является».*⁴⁰

Он также приходит к выводу о том, что живое и непринужденное красноречие дано женщине от природы, мужчине же оно дается лишь упорным обучением, а потому теряет свою естественность.

³⁷ Cotin Ch. Oeuvres galantes en prose et en vers. P. : Estienne Loyson, 1663. P.[8]

³⁸ Ibid. P.[6]

³⁹ Perrault Ch. Apologie des femmes par monsieur P**. P. : Chez veuve de J.B. Coignard; J.B. Coignard fils, 1694. P. 7.

⁴⁰ Noël C. M. D. Les avantages du sexe, ou Le triomphe des femmes, dans lequel on fait voir par de très-fortes raisons que les femmes l'emportent par dessus les hommes, & méritent la préférence. Anvers: H. Sléghers, 1698. P.57-58.

Впрочем, и их противники, например, тот же Буало, также рассуждали о «естественности» женщин. В данном случае для нас важно приписываемое им невежество, незнание сформулированных древними основ литературного ремесла, соответственно – дурной вкус («к ней всегда пошлые писаки/идут утешаться в отсутствии читателя») и пристрастие к темам чувствительным, не поучительным, неуправляемость их страстей и эмоций («законы поведения им устанавливают их страсти»)⁴¹.

И те, кто считал исконно женскими пороками болтовню, неосмотрительность и бесстыдство, и те, кто видел в этом красноречие, непринужденность и искренность, по сути дела, исходили из одних и тех же представлений с природе женщин. Не случайно автор «Триумфа женщин» ссылается на весьма традиционные представления о том, что женский организм является более влажным и холодным, от чего и происходят все различия с мужчиной. Все сводится к отнюдь не новому противопоставлению женского естества и мужского разума, женской обращенности к эмоциям, повседневности, частному, и мужского интереса к разумному, возвышенному и публичному.

Соотнесение новой эпистолярности с женщинами действительно подчеркивало частность этой культуры письма. Но при том, что частная тематика и почиталась женской заслугой, женщины весьма активно начинают наряду с мужчинами использовать письмо и для своей активности в пространстве публичном. Даже «частные» письма, как видно из некоторых приведенных выше цитат, предполагают оказание впечатления на нужное лицо. Кроме того, женщины весьма охотно вторгались в то публичное пространство, которое мы привыкли считать сугубо мужским, и переписка служила для этого очень удобным средством. Самым известным и скандальным примером такого рода женских писем является переписка госпожи де Лафайет с туринским двором. Когда герцогиня Немурская стала женой герцога Савойского, госпожа де Лафайет предложила ей отправлять отчеты обо всем, что происходит при дворе. Но началась эта переписка тогда, когда герцогиня овдовела и стала регентшей. Женщина-властительница начинает использо-

⁴¹ *Boileau-Despreaux N. Satire X (contre les femmes)* // С интернет портала «Wikisource». [Режим доступа: [http://fr.wikisource.org/wiki/Satire_X_\(Boileau\)](http://fr.wikisource.org/wiki/Satire_X_(Boileau)) Дата входа: 18.08.2012]

вать переписку с другой женщиной как канал получения важной для себя информации. Госпожа де Лафайет, в свою очередь, использует эту переписку как средство, позволяющее ей иметь публичный вес и влияние. Публикация этих писем в XIX столетии вызвала шок. Как и пристало переписке между публичными персонами, она не афишировалась, т.е., не была открытой многим читателям. Госпожа де Лафайет отпускает по этому поводу любопытное замечание:

Вы доставили мне огромное удовлетворение, уверив меня, что мои письма не разбросаны на столе Мадам Руаяль⁴². Если бы они там оставались, все ее министры, вечно находящиеся при ней, легко могли бы их прочесть. Но я бы предпочла, чтобы они были сожжены после прочтения. Все, что я пишу Мадам Руаяль – [это] безделицы, которые не заслуживают того, чтобы их хранить.

Каковы бы ни были истинные побудительные мотивы высказанного пожелания и самоумаления, письма репрезентированы в тексте как нечто, имеющее ценность не само по себе, но оцениваемое. И уже само их дальнейшее существование, после прочтения, предполагает определенную возможность публичности.

При этом нельзя сказать, что переписка графини с герцогиней Савойской и ее поверенным была тайной, как вероятно, могли предположить читатели XIX века. Из последнего сохранившегося письма к герцогине видно, что госпожа де Лафайет приобрела определенную репутацию протектора, позволяющую ей способствовать карьерам мужчин при туринском дворе:

Я ничуть не сомневаюсь, что В[аше] К[оролевское] В[ысочество] не полагает, будто я злоупотребляю вашей добротой ко мне и слишком часто позволяю себе вольность писать ей в пользу людей, которые меня об этом просят. Но я умоляю принять во внимание, насколько льстит моему тщеславию, когда ко мне обращаются и рассматривают меня как средство добраться до Вас⁴³.

В заключении мне хотелось бы отметить, что эволюция эпистолярного жанра от литературного произведения с жесткими канонами к тексту, репрезентирующему непринужденную беседу, вовсе не всегда ассоциировалась с женским влиянием и, соответст-

⁴² Титул герцогини Немурской.

⁴³ *La Fayette M.-M. de. Lettre à Lescheraine du 18. 05.[1678] // La Fayette M.-M. de. Oeuvres complètes. P. : François Bourin, 1990. P. 623.*

⁴⁴ *Eadem. Lettre à Madade Royale du [debut d'ocobre 1682] // Ibid. P. 671.*

венно иначе рассматривался и постепенный переход эпистолярной культуры в частное пространство. Например, в Англии эти тенденции тоже имели место, в том числе и как влияние французской культуры, которое было особенно сильно при дворе. Но когда в целом смотришь на эпистолярную культуру Англии, то в первую очередь бросается в глаза другая особенность. В Англии гораздо ощутимей влияние на эпистолярные практики формирующейся государственной почты. Возможно, это связано с тем, что в Англии значимая публичная жизнь не была до такой степени сконцентрирована в одном месте – при дворе. Укрепление своих связей на местах было не менее важным элементом публичной жизни человека среднего и высокого положения. Конечно, переписка оказывалась здесь очень важным каналом поддержания связей. Казалось бы, формирование регулярной государственной почты должно было вызывать только положительные эмоции. Возможно так оно и было бы если бы почта не превращалась в королевскую монополию, что в условиях политической обстановки того времени не могло не вызывать протестов. Действительно, английские монархи и до, и после революции рассматривали почту, прежде всего, как средство контроля над поданными и источник доходов. Уже в XVII веке, хотя из-за гражданских войн и смен власти формирование почтовой службы в Англии шло медленней, чем на континенте, английские почтовые служащие славились как непревзойденные перлюстраторы. Результатом этого стало более раннее осознание «частности» своей переписки. Частности именно в том значении, которое вкладывал в это понятие Хабермас – частности интересов перед лицом власти. Уже во время гражданских войн выдвигались требования отмены королевской почты как нарушающей права каждого свободного гражданина осуществлять перевоз корреспонденции⁴⁵. Получая вскрытые письма, англичане сетовали на то, что некто сует нос в их частные дела, что однако не отменяло того факта, что даже частное письмо должно было быть написано превосходным стилем и с оглядкой на то, что адресат является еще и публичной персоной. Французы, получая вскрытые письма, жаловались на то, что они испорчены (!), но при этом именно во Франции появляется задушевный стиль частного письма.

⁴⁵ См. об этом: *How J. Epistolary Spaces: English Letter-writing from the Foundation of the Post Office to Richardson's "Clarissa"*. L., 2003. P. 10.

М.С. НЕКЛУДОВА

**ЖЕНСКИЙ ПЕРЕДЕЛ ИСТОРИИ:
ГАЛАНТНАЯ ПОВЕСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ РУБЕЖА XVII – XVIII ВЕКОВ.**

В своем исследовании «Тайные обряды и потаенная литература» (1989) Лоис Поттер отмечала, что в случае роялистских сочинений 1640-1660х годов мы имеем дело со сложным, не всегда для нас понятным переплетением политических и эстетических кодов, из которых нам легче интерпретировать первые, нежели вторые¹. Это наблюдение справедливо и по отношению к многочисленным британским памфлетам рубежа XVII – XVIII столетия, часть которых была оформлена в виде «романа с ключом». Их политический смысл лежит на поверхности, или легко восстанавливается из контекста. Так, например, если взять известную «Тайную историю королевы Зары и зарязианцев» (1705), то это очевидная сатира, направленная на дискредитацию вигов и покровительствовавшей им герцогини Мальборо. Ее выход, по-видимому, был связан с парламентскими выборами 1705 года, ослабившими позиции тори². При этом само повествование построено по принципам галантного роман, где главная героиня тайно питает страсть к герою, признается в своем чувстве матери, которая подстраивает им неожиданное свидание, и прочее.

Аналогичное использование галантных сюжетов можно наблюдать и во французских неподцензурных сочинениях конца XVII – начала XVIII века, особенно тогда, когда их героем является Людовик XIV. Однако, в отличие от британских памфлетов, они не столь тесно связаны с конкретной ситуацией. В большинстве случаев речь идет о критике поведения короля с точки зрения морали³, что следует считать политическим жестом общего порядка, не имеющим непосредственной, сиюминутной актуальности. Разли-

¹ Potter L. *Secret Rites and Secret Writing. Royalist literature, 1641-1660*. Cambridge, 1989. P.75.

² Downie J.A. *What if Delarivier Manley Did Not Write The Secret History of Queen Zarah?* // *Library*, 2004. Vol.5. P.255-256.

³ См.: Engels J.I. *Déniger, espérer, assumer la réalité. Le roi de France perçu par ses sujets* // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*, 2003. Vol. 50. P.96-126.

чие это легко отнести за счет особенностей самой политической сферы, которая во Франции конца XVII столетия имела иную структуру, нежели в Англии. Тем не менее, в обоих случаях галантное повествование выступает как один из способов формулирования политических претензий. Продолжая мысль Поттер, можно сказать, что интерпретация такого рода текстов требует от нас понимания политических импликаций используемого эстетического кода. Это не означает, что любое галантное сочинение обладает политическим потенциалом. Вопрос, скорее, в том, в каких обстоятельствах он способен возникать, и за счет чего.

В 1695 году в Лондоне вышла книга «Королевские любовницы Франции, или Тайная история любовных походов всех французских королей, от 418 года и первого монарха Фарамона до нынешнего времени». Такие публикации были не редкостью после Славной революции 1688 года; их количество постепенно возрастало на протяжении 1690х годов по мере укрепления антифранцузского альянса и развития военных действий в континентальной Европе. Многие из них претендовали на раскрытие секретов, тайных махинаций и постыдных деяний версальского двора, но чаще предметом их обличений становился непосредственно Людовик XIV. Случай «Королевских любовниц» несколько выделяется из этого ряда: прежде всего, перед нами попытка тотального пересмотра французской истории, начиная от первого короля династии Меровингов. Сама формулировка «от Фарамона до нынешнего времени», по-видимому, отсылает к известному труду Мезере «История Франции от Фарамона до сегодняшнего дня» (1643-1651)⁴. Иными словами, речь идет о травестировании модели большого исторического повествования, являющейся неотъемлемой принадлежностью института монархии⁵.

⁴ В 1685 г. Мезере выпустил второе его издание под названием «История Франции от Фарамона до правления Людовика Справедливого». Судя по всему, такое обозначение хронологических границ было более традиционным: так, в 1667 г. преподобный Филипп Лаббе опубликовал «Историю французских королей от Фарамона до правления Людовика XIV».

⁵ О «королевской» историографической традиции см.: *Арлес Ф.* Время истории. М., 2011. С.114-123.

Следующая особенность «Королевских любовниц» состоит в том, что это – переводное сочинение, первоначально опубликованное по-французски. Его автором считается Клод Ванель, советник Счетной палаты города Монпелье⁶, и напечатано оно было за пределами Франции. Таким образом, мы имеем дело с двойным политическим жестом, одновременно связанным и с внутренней оппозицией Людовику XIV, и с внешней идеологической борьбой. При этом французский оригинал, естественно, имел более широкую читательскую аудиторию, чем перевод, доступный исключительно англоязычной публике. Сам факт наличия последнего свидетельствует об издательской привлекательности текста; об этом же говорит и то, что по-французски он вышел сразу в двух местах – (якобы) в Брюсселе и в Кельне, в одном и том же 1694 году. К сожалению, установить последовательность изданий не представляется возможным. Их сравнение показывает, что перед нами действительно два разных типографских набора (а не один и тот же, выпущенный под двумя импринтами⁷), различающихся и названиями, и расположением текста на странице. Брюссельское издание имеет титул «Галантные похождения королей Франции, от начала монархии до нынешнего времени»; кельнское – «Галантные интриги французского двора, от начала монархии до нынешнего времени». Второй вариант, очевидно, отсылает к «Галантной Франции, или Любовным историям двора» – очередному переизданию «Любовной истории галлов» Бюсси-Рабютена, вышедшему в 1688 году под тем же импринтом (Кельн, Пьер Марто, изображение сферы на титуле). Иначе говоря, сочинение Ванеля презентовалось как предистория скандальной хроники Бюсси, тем более что в «Галантной Франции» все персонажи выступали под своими истинными именами (в отличие от оригинального текста Бюсси, где использовались псевдонимы), что *de facto* превращало ее из романа с ключом в историческое повествование.

⁶ Ванель под своим именем выпустил «Новую краткую историю турок» (1688); кроме того, ему приписывается «История конклавов от Климента V до нынешнего времени» (1689) и «История венгерских волнений» (1686).

⁷ Такое подозрение оправдано, учитывая сходство титульных страниц, включая изображение сферы, которое часто украшает издания Пьера Марто.

Однако выстраиваемая издателем генеалогия текста не обязательно совпадала с авторской. На первых страницах брюссельского издания 1694 года Ванель так объяснял свой замысел:

Дабы чтение истории приносило плоды, необходимо знать истинные причины главных событий, а это возможно лишь при полной осведомленности об интригах тех дворов, где они происходили. Часто в основе того, что приписывается политике, лежит слепое потворство королей своим любовницам или фаворитам; и когда все полагают, что они думают лишь о благе государства [le bien de leur Etat], они на самом деле лишь мстят за любовные обиды. В чем мы убедимся по ходу этой истории, где я стремился по мере возможности прояснить те факты, которые кажутся темными, поскольку современные им историки либо пребывали в неведении, либо пытались скрыть слабости государей, в чье правление им довелось жить⁸.

Одним словом, Ванель предлагал альтернативную историю французской монархии, где главным двигателем событий выступал не Божественный промысел, и даже не «политика» (т.е. следование государственным интересам, вне зависимости от того, согласуются ли они с требованиями морали), но мелочные и сугубо частные желания правителя. Пользуясь терминологией Канторовича, можно сказать, что это история триумфа плоти над мистическим телом короля. Ванель, по-видимому, выступает тут как сторонник исторического пирронизма (об этом свидетельствует его указание на ненадежность и заинтересованность историков), и, не исключено, как тайный последователь Макиавелли (он явно предпочитает «политику» импульсивному поведению правителей). Это, безусловно, радикальная позиция, скорее ассоциирующаяся с традицией так называемого «ученого либертинажа», нежели со светским либертинством Бюсси. Так, Ванель отказывается рассуждать о любовных похождениях Фарамона, отмечая, что истории неизвестно даже имя его супруги, а любители вымыслов могут обратиться к роману, который носит его имя (имеется в виду «Фарамон, или История Франции» (1661) Ла Кальпренеда)⁹. Аналогичным образом, он пересказывает историю Хильдерика и Базины, по-видимому, опира-

⁸ Galaneries Des Rois De France: Depuis le Commencement de la Monarchie jusques à present. Augmentée des plusieurs Pièces Curieuses. T.I. Bruxelles, 1694. P. 1-2.

⁹ Там же. С.2-3.

ясь на «Историю Франции» Мезере, но легенду о трех видениях короля именует «пустой выдумкой», цинично замечая, что, страстно желая завладеть Хильдериком, Базина не стала бы столь бездарно проводить первую брачную ночь¹⁰. Галантные похождения оказываются, с одной стороны, предлогом для исторической критики, с другой – поводом продемонстрировать неприглядность истории.

Насколько можно судить, такая авторская позиция не вполне устраивала издателя: вероятно, она не соответствовала ожиданиям читательской аудитории. Как уже было сказано, в том же 1694 году сочинение Ванеля было напечатано (якобы) в кельнской типографии Пьера Марто. Этот фальшивый импринт служил прикрытием для разнообразных голландских, немецких и французских издателей; известно, что в 1690-е годы «Марто» был рупором антифранцузской коалиции. Казалось бы, его продукция должна была быть более открыто радикальной, нежели все то, что выходило под другими, подлинными или поддельными импринтами. Случай с текстом Ванеля показывает, что на самом деле ситуация была не столь однозначна. Вслед за изданием 1694 года «Марто» печатает новый, расширенный вариант книги, который выходит в свет в 1695 году¹¹. Его открывает развернутое предисловие: судя по стилю, и учитывая издательскую практику того времени, оно, скорее всего, принадлежало не автору, а публикатору. В нем разрабатываются те же темы, что в коротком вступлении к «Галантным похождениям» 1694 года, но акценты расставлены несколько иначе:

Нет сомнения в том, что любовные интриги государей и их придворных являются одним из украшений истории. Любовь – самая всеобщая и, одновременно, самая сильная из страстей. Поэтому она оказывается примешана почти ко всем событиям жизни людей. Особенно часто она властвует над государями, ибо все, что их окружает, лишь распяет эту опасную страсть. [...] Если пристально рас-

¹⁰ Там же. С.5-6. Ср.: Histoire de France depuis Faramond jusqu'à maintenant [...]. Par F.E. du Mezeray. T.I. Paris : Mathieu Guillemont, 1643. P.25-26. О разнообразных разработках сюжета о Хольдерике и Базине см.: *Арлес Ф.* Время истории. С.138-143.

¹¹ Стоит отметить, что, в отличие от титульного листа кельнского издания 1694 года, где изображена сфера, тут фигурирует чаша с цветами. Не исключено, что это говорит о том, что издания «Марто» 1694 и 1695 года на самом деле принадлежат разным типографам.

*смотреть историю величайших правителей, мы увидим, что любовь была самой большой их слабостью и, зачастую, причиной их прекраснейших поступков. [...] Решусь утверждать, что любовь играет некую роль во всех важных событиях. Это замечают не все, поскольку обычно довольствуются внешней видимостью, и не углубляются дальше. Такой-то государь считается ловким политиком. А потому все, что он делает, относится на счет политики, хотя нередко он принимается за великие дела лишь для того, чтобы угодить любовнице или фавориту*¹².

Теперь основным двигателем истории оказывается любовь, которая уже не сводится к эгоистическим интересам, но предстает в виде амбивалентной силы, равно способной производить добро и зло. В целом позиция публикатора «Галантных интриг» не столь критична по отношению к власти, чем та, что сформулирована в «Галантных похождениях». На это же, по-видимому, указывает и перемена названия, где вместо королей фигурирует двор – более расплывчатое и не персонифицированное обозначение власти. Существенные изменения наблюдаются и в самом тексте. Так, из истории Фарамона убраны все скептические замечания, и на их месте поставлен рассказ о его любви в Имбергиде – по сути, краткое изложение романа Ла Кальпренеда¹³. Иными словами, издатель стремится смягчить черты интеллектуального либертинажа, приближая сочинение Вансля к более умеренному варианту скандальной хроники, не ставящей под сомнения устои исторического знания.

Как показывает сравнение изданий 1694 и 1695 годов, идеологический потенциал галантного повествования весьма значителен, и способен варьироваться от почти полного отрицания ценности истории до умеренной критики человеческих слабостей ее основных персонажей. Однако в обоих случаях речь идет о частных случаях, хотя их аккумуляция и создаст видимость системы. Напротив, английский перевод книги Ванеля, вышедший в свет в том же 1695 году, напрямую обозначает главную проблему или «тайну» французской монархии – присутствие в системе власти королевских

¹² Intrigues Galantes De La Cour De France, Depuis le commencement de la Monarchie jusqu'à present. T. I. Cologne: Pierre Marteau, 1695. n/p.

¹³ Там же. С.1-4.

любовниц¹⁴. В коротком обращении «К читателю» переводчик (или, опять-таки, издатель) перерабатывает противопоставление «благо государства» / «любовные обиды» в топику «женской власти»:

Есть множество прекрасных наблюдений и полезных наставлений, которые можно извлечь из последующих страниц, но дабы мужчины не задели мои рассуждения об их безумствах, а женщины не оскорбились тем, что я раскрываю тайны их власти [the Arcana's of their Empire], читателю придется поразмыслить самому. Я не принадлежу к числу одержимых, мечтающих о Пятой монархии¹⁵, но я не знаю, что сказать, когда вижу, что женщины весьма недалеко от учреждения оной. Вероятно, найдутся те, кто сочтут эти истории выдумкой, тем самым обнаружив свое невежество. Ибо нет сомнения, что в главном эти краткие повествования согласуются с тем, что именуется истиной истории; что же до добавленных обстоятельств, о них стоит думать как о пояснениях, раскрывающих причины прежних событий, изложенных походя или слишком путано¹⁶.

Слегка завуалированная отсылка к концепции *arcana imperii*, активно разрабатывавшейся в историографии XVI – XVII веков, показывает, что речь идет о переосмыслении самого принципа власти. Стоит напомнить, что эта концепция непосредственно связана с интерпретацией идей Макиавелли. Ей предшествовало оформление теории *ragion di stato* (или, во французском варианте, *raison d'état*) Джованни Ботеро, который попытался избавить идею государственной необходимости от подозрения в аморализме. Предложенный Арнольдом Клапмаром термин *arcana imperii*¹⁷ позволял

¹⁴ Выражение «the Royal Mistresses of France» обладает намеренной двусмысленностью, поскольку предполагает, что речь идет не только о возлюбленных королей, но об истинных правительницах Франции.

¹⁵ Имеются в виду милленаристские настроения, особенно характерные для середины века, которые нашли выражение в формировании таких нонконформистских групп как «Люди пятой монархии», проповедовавших наступление пятого – Христова – царства.

¹⁶ The Royal Mistresses of France, or the Secret History of the Amours of all the French Kings, from Pharamond the First Monarch anno 418 to the present time. Made English from the French Original. London: Henry Rhodes & John Harris, 1695. n/p.

¹⁷ Его труд «De arcanis rerum publicarum» был посмертно опубликован в 1605 году. О взаимодействии между идеями Макиавелли, Ботеро и Клапмара см.: Donaldson P. S. Machiavelli and Mystery of State. Cambridge, 1992. P.111-140.

связать современное представление о прагматике управления государством с античной традицией (об *arcana imperii* писал Тацит). По сути, Клапмар использовал его для обозначения тех приемов, которые позволяют власти создавать видимость свободы для подданных, и, тем самым, сохранять свою форму: «*Imperium* подобен ковчегу или цитадели, *arcana imperii* – стенам и укреплениям, которые защищают ковчег от нападений недовольных»¹⁸. Однако, в отличие от *ragion di stato*, выбранная им формулировка отсылала так же к традиционным представлениям о сакральной природе власти, т.е., парадоксальным образом, соединяла в себе прагматическое и мистическое видение государства.

Дальнейшая эволюция этой идеи в трудах европейских правоведов и историков привела к размыванию и без того достаточно аморфного представления. Именно поэтому обсуждение *arcana imperii* постоянно колеблется между признанием сакральной природы королевской власти и прагматическим анализом государственной механики, на которую не распространяются нравственные и религиозные требования¹⁹. Эта двойственность по-своему проявилась во время английской революции середины XVII века, когда сторонники короля столкнулись с причудливой юридической проблемой: они не могли доказательно защищать его действия, поскольку это повлекло бы за собой раскрытие тайны государственных решений, что было бы профанацией основного принципа власти. В то же время своеобразной иллюстрацией принципа *arcana imperii* стала перехваченная переписка между Карлом I и Генриеттой, когда обнаружилось, что публичные заявления монарха кардинально отличались от его истинных намерений²⁰. Публикация этих писем под названием «Вскрытый кабинет короля, или несколько связок тайных писем и бумаг, написанных собственноручно королем, и забранных из его кабинета на поле в Нейсби 14 июня 1645 года» (1645), по-видимому, способствовало развитию в Анг-

¹⁸ Цит. по: Donaldson P.S. Machiavelli and Mystery of State. P.127.

¹⁹ Snyder J. R. Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe, 2009. P.23.

²⁰ Potter L. Secret Rites and Secret Writing. P.61.

лии жанра «тайной истории»²¹, направленного на разоблачение *arcana imperii*. Собственно, эту взаимозависимость мы можем наблюдать на примере «Королевских любовниц», где «тайная история любовных походов всех французских королей» оказывается рассказом о женской *arcana imperii*. Аналогичным образом, упомянутая ранее «Тайная история королевы Зары» во многом посвящена тому, как героини – Зара, ее мать, любовница короля и проч. – манипулируют мужскими персонажами, которые являются ключевыми фигурами политической жизни Англии.

Итак, при переносе в другой политический контекст, «Галантные похождения королей Франции» становятся «тайной историей», обнажающий скрытый принцип работы французского государства – его зависимость от интимной жизни монарха. Как мы видели, эта идея присутствовала и в оригинальном тексте, но разрабатывалась, скорее, в морально-философском ключе, выводя на первый план мысль о слабости человеческой природы. Однако возникает вопрос: насколько закономерна такая переакцентировка? Или, говоря иначе, какова связь между галантным повествованием и более политизированной моделью «тайной истории»?

Стоит напомнить, что выражение *arcana historia* было использовано ученым антикварием Никколо Алеманни как эквивалент греческого термина «анекдот»: свой перевод новообретенного труда Прокопия Кесарийского он озаглавил «ΑΝΕΚΔΟΤΑ. Arcana Historia» (1623). Его критики яростно возражали против такой идентификации, причем не только в силу понятных лингвистических соображений, но и из-за того, что тем самым *arcana historia*, несмотря на ее сакральные коннотации, оказалась повествованием о тайных низостях и преступлениях власти²². Несмотря на негодо-

²¹ В отличие от французских «гайных историй», которые не воспринимаются исследователями как отдельный предмет для изучения, “Secret Histories” привлекают немало внимания со стороны специалистов по британской истории и культуре. См.: *Patterson A. Early Modern Liberalism*, 1997. P.183-231; *Rabb M.A. Satire and Secrecy in English Literature from 1650 to 1750*. New York, 2007. P.67-89.

²² См., например, замечания английского юриста и историка Томаса Ривса: *Imperatoris Ivstiniani Defensio Aduersus Alemannvm, Avtore Thome Rivio, J.C. Regis in Anglia Aduocato*. Francofvrti: Ioannem Beyerum, 1628. P.7-8.

вание пуристов (среди которых видное место занимали англичане), эта ассоциация «анекдота» и «тайной истории» закрепились во французском языке, чему немало способствовал историк Антуан Варийас, который в середине 1660-х годов попытался опубликовать свои «Флорентийские анекдоты, или Тайную историю дома Медичи». Появление этого труда, по-видимому, вызвало недовольство Кольбера: рукопись много ходила по рукам, но напечатана была только в 1685 году²³. Отталкиваясь от примера Прокопия, чье сочинение было воспринято ученым сообществом как сатира на императора Юстиниана, Варийас попробовал дать теоретическое обоснование «анекдоту» как особому типу историописания. Он отделил историю как таковую, занимающуюся событиями публичной жизни (и, соответственно, известными фактами), от «анекдотов», которые раскрывают внутренний мир исторических персонажей, анализируя их поведение в часы досуга и за закрытыми дверями. Такая систематизация, по-видимому, имела не только античный источник, но была напрямую связана с должностью Варийаса, бывшего помощником хранителя Королевской библиотеки, что давало ему доступ к архивам и, соответственно, к неопубликованной информации. Для него, как и для более старшего круга членов Путьанской академии, это означало причастность к *arcana imperii*, то есть тайнам власти²⁴, одним из способов фиксации которых могла быть *arcana historia*. Когда Кольбер отлучил Варийаса от Королевской библиотеки, тот совсем не случайно отказался от анекдотов и до конца жизни писал лишь истории публичного типа²⁵.

²³ Подробней об этом см.: Неклюдова М. Антуан Варийас, «писатель анекдотов» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории, 2005, №15. С.341-359.

²⁴ В частности, ср. с концепцией «тайного знания» Габриеля Нодэ (*Naudé G. La bibliographie politique. Contenant les livres et la methode necessaire a étudier la Politique. Avec une Lettre de Monsieur Grovius, et une autre du sieur Hanel sur la mesme sujet. Le tout traduit du Latin en François. Paris, 1642. P.155-156*). По поводу ассоциации *arcana imperii* с архивами см.: Burke P. A Social History of Knowledge: From Gutenberg to Diderot. Cambridge, 2000. P.140.

²⁵ Подробней об этом см.: Неклюдова М. Historian's Uncertainties: Investigation of Truth in Antoine Varillas'Œuvre. *Concordia Discors*. Choix de communications présentées lors du 41e congrès annuel de la North American Society for Seventeenth-Century French Literature. New York University, 20-23

Дихотомия публичного и частного, в сущности, уже присутствовала в историческом романе XVII века, где история служила обрамлением для более частных событий из жизни героев. Это приводило к появлению таких фигур, как «галантный кавалер» Катон, или «дамский угодник» Брут, если говорить словами Буало²⁶, чья историческая (публичная) идентичности контрастировала с приписанной им светской манерой поведения (галантностью). В определенном смысле, автор «Флорентийских анекдотов» концептуализовал свойственное современникам «чувство истории», носителем которого являлся роман²⁷, возведя его в ранг историографического принципа. Этим в равной мере можно объяснить и немедленную популярность теории «анекдота», и сомнения по поводу профессиональной компетенции самого Варийаса. Так что когда английский историк Гилберт Бернет писал, что «его книги слишком похожи на романы»²⁸, то был совершенно прав, хотя имел в виду не структуру повествования, а достоверность излагаемой информации.

Дискурсивное противопоставление публичной истории и «анекдота», конечно, можно отнести за счет постепенного обособления частной сферы. Однако, поскольку речь идет об исторических персонажах, чье существование подпадает под оба модуса описания, то непосредственным реферативным полем тут, скорее, являются структурные особенности придворного общества. Как показал Норберт Элиас, на протяжении XVII века французские монархи укрепляли придворную иерархию, с ее помощью контролируя благородное сословие, и, одновременно, выстраивали независимую бюрократическую систему управления государством, которая подчинялась непосредственно королю. Это означало, что

mai 2009. Édité par Benoît Bolduc et Henriette Goldwyn. Tübingen, 2011. T.I. P.167-175. (Biblio 17, vol.194).

²⁶ В переводе Э.Л. Линецкий этот фрагмент «Поэтического искусства» звучит так: «Примеру "Клелии" вам следовать не гоже: / Париж и древний Рим между собой не схожи. / Герои древности пусть облик свой хранят: / Не волочита Брут, Катон не мелкий фат».

²⁷ О «чувстве истории» и романе XVII в. см.: *Арбес Ф.* Время истории. С.187-203.

²⁸ *Burnet G.* Reflections on Mr. Varillas's History of the Revolutions that have happend in Europe in matters of Religion. Amsterdam: P. Savouret, 1686. P.10.

двор, будучи местом пребывания монарха, выступал в качестве средоточия власти, но не имел собственных рычагов политического влияния, помимо личного воздействия на государя²⁹. Неслучайно, по свидетельству Сен-Симона, главным способом добиться чего-либо от Людовика XIV было попросить о персональной аудиенции: при разговоре с глазу на глаз король поддавался влиянию собеседника³⁰. В общественном воображении такое сугубо личное воздействие ассоциировалось с любовницами короля — чем, по-видимому, объясняется «черная легенда», окружавшая фигуру госпожи де Ментенон. В отличие от своих предшественниц, она не имела отчетливого места в социальной иерархии (на что указывает ироническое именование ее «вдовой Скаррон»), и предпочитала оставаться за кулисами даже придворной жизни, что делало ее идеальным кандидатом на роль тайного агента влияния. Подчеркнем: речь идет именно об общественном воображении, поскольку, если верить все тому же Сен-Симону, который был хорошо осведомлен (и не испытывал ни малейшей симпатии к госпоже де Ментенон), ее возможности были довольно сильно ограничены³¹.

Таким образом, характерное для романа XVII века «чувство истории» можно связать с заключительными этапами формирования придворного общества и свойственного ему специфического представления о сфере политики. Последнее артикулируется в разработанной Варийасом теории «анекдота», которая находит живой (хотя и неоднозначный) отклик у современников. Но предложенное им обозначение («анекдот»), по-видимому, имело слишком ученое звучание для читательской аудитории, тогда как

²⁹ В этом смысле двор занимает «женскую» позицию по отношению к власти, так что галантные похождения королей могут рассматриваться как метафора их отношений с придворными: не случайно, что «вписывание» женщин в исторический дискурс всегда происходит в рамках описания двора, будь то древняя Греция и Рим, или Испания XVI века. Превращение двора в основной локус власти и, соответственно, истории, приводит к появлению «галантного Катона» — почти карикатурного соединения исторической репутации и новых принципов социальности.

³⁰ Сен-Симон. Мемуары. Пер. Ю.Б. Корнеева. Т. II. М., 1991. С.128-129.

³¹ Там же. С.254-262.

Для современного историка изучение частной жизни людей прошедших эпох (тем более, власть преобладающих) является темой пристального изучения, поскольку при тщательном и детальном рассмотрении, анализе и оценке различных фактов их личной жизни (и жизненного пути в целом), возможно сделать важные выводы, касающиеся не только реконструкции их отношений с членами семьи и близкими людьми, но и построения государственной политики.

Задача нашей статьи – проанализировать некоторые события частной жизни Карла Великого (ум. 814 г.¹) – правителя франков, провозглашенного императором (в 800 г.), членов его семьи и близких ему людей, и, реконструировав их отношения, прояснить мотивы его поступков. Источниками нашего исследования служат разные в жанровом и содержательном плане тексты эпохи Каролингов: нарративные описания, анналы, правовые документы и художественные произведения.

* Работа выполнена при поддержке Фонда «Дом наук о человеке» (Fondation Maison des sciences de l'homme [FMSH]) в рамках коллективного проекта «Гендерные и кросс-гендерные модели общения в Античности, Средние века и Новое время». В основу статьи положены материалы лекции, прочитанной в составе общего курса «Всеобщая история: Средние века» по теме: «Эпоха Каролингов» в Российском государственном гуманитарном университете (Москва) 1 марта, 2012 г.

¹ О дате рождения Карла точных сведений нет. Ср. слова Эйнхарда (4 [25; 1-3]): «Полагая, что о рождении, а также детстве и отрочестве [Карла] писать смысла нет (поскольку в анналах ничего нигде не сказано и никого, кто бы мог утверждать, что имеет знания о [тех событиях] в живых не осталось...». Причина этого состоит в том, что в Средние века точная дата рождения людей не записывалась и редко известна. С одной стороны, она не фиксировалась в документах в виду отсутствия актов гражданского состояния, аналогичных современным. С другой стороны, рождение младенцев не спешили увековечивать как в силу высокой детской смертности, так и потому, что жизнь христианина начинали отсчитывать лишь с момента его крещения. Датой рождения Карла принято считать или 2 апреля 742 г. (см. *Эйнхард* 30 [10]), или 744 г. (см. *Эйнхард* 31 [25: Эпитафия]). См. также *ниже*, прим. 9.

Совместное правление Карла и Карломана

По завещанию своего отца, Пипина (741 – 24 сент. 768 г.)², Карл пришел к власти в 768 г. вместе с братом Карломаном³ (ум. 771 г.), поскольку Пипин, сместивший в 751 г. последнего представителя династии Меровингов Хильдерика (714–755 гг.; правл. 743–751 гг.)⁴, еще перед смертью, согласно германским традициям, разделил свои земли между сыновьями. Коронация Карла и Карломана происходила спустя некоторое время после кончины отца (9 октября 768 г.): Карла – в Нуайоне, Карломана – в Суассоне⁵. Карл был наделен лучше брата⁶, поскольку ему достались земли, выходящие к морю

² Речь идет о майордоме Пипине (сыне Карла Мартелла [686/8–741]), основавшем династию Каролингов. См.: *Annales Regni Francorum* (далее, *Annales regni Franc.*) (a. 741; 741 em.) // *Fontes ad Historiam Regni Francorum Aevi Karolini Illustrandam. I – III. Pars Prima (I)* / Ed. F. Kurze, G. Waitz, G.H. Pertz, E. Müller / Cur. Reinoldus Rau. Berlin: Rütten & Loening, год не указан (далее, *Fontes ad HRFACKI [I]*). P. 10. Или см.: *Annales regni Francorum (ad loc.)* / Ed. G.H. Petz, F. Kurze // *Monumenta Germaniae Historica* (далее MGH): *Scriptores Rerum Germanicarum* (далее SRG) in usum scholarum. Vol. 6. Hanover: Hahn, 1895; repr. Leipzig: Hiersemann, 1925. См. также переводы на нововенгерские языки: *Quellen Zur Karolingischen Reichsgechichte. Erster Teil. Die Reichsannalen / Von O. Abel, J. v. Jasmund, von Reinol Rau*. Berlin: Rutten & Loening (далее, Abel, Jasmund, Rau). S. 11; *Carolingian Chronicles. Royal Frankish Annals and Hithard's Histories*, trans. by B.W. Scholz, B. Rogers. The University of Michigan Press, 1995 (далее, Scholz, Rogers). P. 37.

³ Матерью Карла (и Карломана) была Бертрада (ум. 783 г.), родившая сыновей в законном браке и дочь Гизеллу (о ней см. ниже).

⁴ Заручившись поддержкой папы Захария (741–752), Пипин в ноябре 750 г. (sic!) на всеобщей ассамблее франков в Суассоне был провозглашен королем. Папа Стефан (752–757), сменивший в 752 г. Захария, в 754 г. подтвердил законность королевского сана Пипина и его сыновей помазанием их на престол. См. *Annales regni Franc.* (a. 749; 750; 753; 753 em., 754) // *Fontes ad HRFACKI (I)*. P. 14; Abel, Jasmund, Rau. S. 15; Scholz, Rogers. P. 39–40. Ср. Лоршские анналы I (752 г.): «Пипин возведен в короли» (пер. И. Дьяконова) // С интернет-портала «Восточная литература». [Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Laureshamenses/text1.phtml?id=6939 Дата входа: февраль, 2012].

⁵ См. *Annales regni Franc.* (a. 768) // *Fontes ad HRFACKI (I)*. P. 22; Abel, Jasmund, Rau. S. 23; Scholz, Rogers. P. 46; «Лоршские анналы» (II, 1 [768 г.]): «Карл возведён в короли в городе Нуайоне, и Карломан в городе Суассоне» (пер. И. Дьяконова). С интернет-портала «Восточная литература». [Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Laureshamenses/text2.phtml?id=6940 Дата входа: февраль, 2012].

⁶ Очевидно, Пипин отдавал предпочтение Карлу. Возможно, он учитывал

(т.е. северные и западные области королевства)⁷. Карломан получил разнородные центральные и юго-восточные области⁸. Однако оба брата совместно владели частью Нейстрии, Австразии и Аквитании, что, вероятно, свидетельствует о желании отца сохранить единство королевства и согласие между сыновьями в совместном управлении государством. Согласно Эйнхарду (3 [7-27]):

...это согласие сохранялось, хотя и с большим трудом, поскольку многие из сторонников Карломана замыслили разорвать союз. Дошло до того, что некоторые даже намеревались было свести братьев в войну⁹.

Фраза о сохраняющемся с большим трудом согласии совместного правления Карла и Карломана позволяет предположить, что каждый из братьев стремился к единоличной власти. Эйнхард (18 [2-3]) упоминает не только о том, что Карл «терпеливо сносил вражду Карломана и его зависть, и всем казалось чудом, что Карл смог не поддаться гневу», но и о том, что сторонники Карломана намеревались развязать войну за власть¹⁰ и что жена Карломана, отвергнувшая после кончины мужа (умершего от болезни¹¹) гостеприимство

не только возраст детей (Карлу было ок. 27 лет, Карломану — лишь 16), но и их личные качества, поскольку Карл представляется человеком энергичным и решительным; Карломан же, напротив, — лживым и необязательным (см. *Эйнхард* 5 [12]).

⁷ Владения Карла простиралась от Аквитании до границы с Тюрингией, через большую часть Нейстрии, Австразии, Франконии и Фризии.

⁸ Это земли (до границы с Италией и Баварией) от Суассона до Марселя и от Тулузы до Базеля.

⁹ Перевод «Жизни Карла Великого» Эйнхарда цит. по: *Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вступит. ст., перевод, примеч., указатели М.С. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. Нумерация строк (воспроизведенная в указанном издании) приводится по: Einhardi Vita Karoli Magni / Ed. O. Holder-Egger // MGH: SRG. Hannover: Hahn, 1965 (1911). Здесь и далее, кроме случаев оговоренных особо, переводы выполнены нами.*

¹⁰ Карл в начале правления опасался заговора со стороны Карломана (см. *Эйнхард* 3 [7-10] — см. *выше*).

¹¹ Карломан умер 4 декабря 771 г.; время его правления: 768-771 гг. См. *Annales regni Franc. (a. 771) // Fontes ad HRFACI (I). P. 26; Abel, Jasmund, Rau. S. 27; Scholz, Rogers. P. 48. Подобные примеры: недолгое совместное управление в должности майордомов Пипина (отца Карла Великого) и его брата Карломана (ум. в 754 г.), который по неизвестной причине оставил должность и удалился сначала в Рим (747 г.), где стал монахом, а затем в провинцию Самний (см. *Эйнхард* 2 [15-20; 1-6]). Еще один пример — договоренность Одоакара и Теодориха о совместном управлении Италией (25 февраля 493 г.).*

Карла, бежала в Италию с детьми и знатью из окружения супруга. Это позволяет сделать вывод, что отношения Карла и Карломана были весьма напряженными, а кончина последнего могла быть несчастливой. Как бы то ни было, после смерти Карломана Карл, сосредоточив всю власть в своих руках, «при общем согласии был избран¹² королем Франкии» (*Эйнхард* 3 [21-22]).

Брачные отношения Карла и состав его семьи

У Карла¹³ было 4 жены: дочь короля лангобардов Десидерия, Хильдегарда (758–783 гг.), Фастрада (ум. 794 г.) и Лиутгарда (ум. 800 г.). В целом, Карл, переживший всех жен и часто менявший наложниц¹⁴, не отличался целомудрием. Впоследствии его плотские утехи послужили поводом для различного рода шуток и анекдотов. Таков, к примеру, рассказ Хейтона о том, что монаху Веттину из Рейхенау незадолго до смерти приснился сон. Ему привиделся находившийся в чистилище властитель (под которым подразумевается Карл), правивший ранее всем «римским народом», гениталии

Однако Теодорих, стремясь к единоличной власти, уже на пиру, на котором отмечалось это событие, убил своего соправителя (15 марта 493 г.) и окружавшую того знать.

¹² Традиция выборности правителя свято почиталась германскими народами с древнейших времен. См., напр., *Тацит*. О германских племенах 9 / Пер. А.С. Бобовича // *Корнелий Тацит*. Сочинения. Т. 1. *Анналы*. Малые произведения. СПб.: Наука, 1993.

¹³ Внешность и образ Карла описаны Эйнхардом (22 – 26). Благодаря историка сохранилось и описание традиционной франкской одежды, которую Карл носил, известно о его любимых занятиях, религиозности, предпочтениях в еде и привычках. По всей видимости, Эйнхард скрупулезно фиксирует происходящее, почти не искажая и не трансформируя его. Однако к отдельным местам его текста следует относиться с осторожностью. Характерный пример – описание красноречия Карла. Читая о знании Карлом латинского языка, следует учитывать, что он говорил на наречии, представляющем собой сочетание верхнегерманского диалекта и разговорной латыни (сильно искаженной и отличающейся от письменного языка). Упомянутое Эйнхардом «красноречие» имеет отношение именно к такому языку. На латинском же языке Карл, скорее всего, лишь молился (*orare*) (25). При этом Эйнхард упоминает о том, что Карл так и не освоил письменного латинского языка, а греческого совсем не знал, что свидетельствует об отсутствии у него серьезного образования, хотя он, согласно Эйнхарду (25), «почитая ученых и оказывая им... почести», пытался постигнуть всю мудрость наук.

¹⁴ В числе наложниц Карла: Химильтруда (ок. 768 г.), Мадельгарда, Хервинда, Регина, Аделаида. Имя последней наложницы Карла неизвестно.

которого терзал некий зверь¹⁵.

Однако Карл, в стремлении расширить государство выбирал (и отвергал) жен, исходя из политических целей. Так, согласно Эйнхарду (18 [1-15]):

...побуждаемый матерью, он взял в жены дочь Десидерия, короля лангобардов, которую оставил через год (770 г.) по неизвестной причине, и вступил в брак с Хильдегардой, очень знатной женщиной из племени швабов....

Упомянутая Эйнхардом «неизвестная причина» отвержения Карлом жены, дочери короля лангобардов Десидерия, очевидно, заключалась не столько в его увлечении двенадцатилетней¹⁶ Хильдегардой (758–783 гг.)¹⁷, сколько в намерении подчинить своей власти государство лангобардов (774 г.)¹⁸ и захватить Италию. Изгнание жены (770/1 г.) было поводом для начала военных действий с лангобардами¹⁹, которые оказались весьма успешными.

¹⁵ См. *Heito. Visio Wettini 11* // MGH: *Poetae Latini Aevi Karolini* / Ed. E. Dümmler (далее, *Poetae*). Vol. 2. P. 271. Русский перевод Б.И. Ярхо «Видения Веттина» (гл. 1 – 19 и 28 – 31) см.: Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970. С. 338 (С. 333–341). Эту историю позднее переложил стихами Валафрид Страб. См. *Walafrid Strabo. Visio Wettini* // MGH: *Poetae*. Vol. 2. P. 319, 460–465. Русск. пер. см.: Акростиhi из переложения ‘Видения Веттина’ написанного Валахфридом Страбоном (394–434 и 446–464) / Пер. Б.И. Ярхо, доп. М.Л. Гаспаров // ПСЛЛ. С. 341–343. См. также: *Dutton, P.E. The politics of dreaming in the Carolingian Empire*. University of Nebraska Press, Lincoln and London, 1994 (далее, *Dutton* [1994]). P. 63; 282 (n. 40), P. 66; 283 (n. 45). Заметим, что один и тот же автор, Валафрид Страб, пишет и «Пролог» к сочинению Эйнхарда, называя Карла мудрым, славнейшим и могущественным, и стихотворение, в котором осуждается его образ жизни.

¹⁶ Возраст Хильдегарды указан Павлом Дьяконом. См.: *Павел Дьякон. Деяния мецких епископов* (далее, *Павел Дьякон. Деяния...*): Эпитафия королевы Хильдегарды // С интернет-портала «Восточная литература». [Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/ Diacon_P II/frame.htm Дата входа: июль, 2012]. Оригинальный текст см.: MGH: *Scriptores* / Ed. G.H. Pertz (далее, *Script.*). Vol. II. P. 266, l. 37.

¹⁷ Хильдегарда, дочь графа Герольда, стала женой Карла в 771 г.

¹⁸ Карл, опасаясь заговора со стороны лангобардского короля Десидерия, не только сблизился со своим кузеном, герцогом баварским Тассилоном, зятем лангобардского короля, но и сам женился на дочери Десидерия, оставив наложницу Химильтруду.

¹⁹ См. *Riché, P. The Carolingians. A family who forged Europe* / Trans. by M.I. Allen. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994. P. 87.

Завоевание королевства лангобардов (774 г.)²⁰ и всей Италии стало для Карла этапом к получению императорского титула (800 г.)²¹. Эйнхард (28 [19-29; 1-2]) очень осторожно упоминает об этом событии, не вдаваясь в подробности, и сглаживает факт противозаконного провозглашения Карла императором:

...отправившись в Рим [800 г.]... он задержался там на всю зиму. Именно тогда он принял титул Императора и Августа, чего вначале совершенно не желал, утверждая, что если бы заранее знал о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то, что это был один из главных праздников. С великим терпением переносил он зависть ромейских [византийских] императоров, негодовавших на то, что он принял это звание. Их упорство Карл победил своим великодушием, которым он, несомненно, их превосходил, посылая к ним частые посольства и в письмах называя их братьями.

Идея Карла объединить западную и восточную части Римской империи под своей властью подвигла его направить послов (с благословения папы) к императрице Ирине (797–802) с предложением брака, который позволил бы ему достичь поставленной цели²². Од-

²⁰ Не выдержав осады, начатой в феврале 774 г., Десидерий подчинился Карлу. См. *Annales regni Franc.* (a. 774) // *Fontes ad HRFACKI* (I). P. 30; Abel, Jasmund, Rau. S. 31; Scholz, Rogers. P. 50. Лангобардский король и его жена были доставлены во Франкию, где их заставили принять постриг и заточили в пикардийский монастырь в Корби (см. Scholz, Rogers. P. 183). Карл, после того как завладел королевским дворцом, добавил к титулу «король франков» продолжение «и лангобардов», а также «римский патриций». Лангобардское королевство вошло в состав франкского государства и не было полностью упразднено; не был изменен и административный аппарат лангобардов. Лишь после в 776 г. (после подавления мятежа герцога Фриуля) началось расселение королевских вассалов на захваченной территории.

²¹ В 800 г. – в рождественский день папа Лев III возложил на голову Карла императорскую корону. См. *Annales regni Franc.* (a. 774, 781, 787, 800) // *Fontes ad HRFACKI* (I). P. 30, 40, 50, 72-74 par; Abel, Jasmund, Rau. S. 31, 41, 51, 73-75 imp.; Scholz, Rogers. P. 50-51, 59, 64, 78, 80-81. См. также «Анналы святого Аманда» (II [800 г.]): «...[Карл] отправился в Рим и помирил римлян и папу Льва; Лев благословил его в качестве императора» (пер. А. Голованова, с изменениями).

²² В 797 г. в борьбе за престол Ирина ослепила родного сына Константина. См. *Annales regni Franc.* (a. 798) // *Fontes ad HRFACKI* (I). P. 66, 68; Abel, Jasmund, Rau. S. 67, 69; Scholz, Rogers. P. 76. См. «Лоршские анналы» (II, 24 [801 г.]): «И поскольку уже тогда из страны греков лишился императора и императорской властью у них владела женщина [Ирина. – М. П.], то и самому папе Льву, и всем святым отцам, которые присутствовали на этом соборе, и остальному христианскому народу показалось целесообразным назвать императором Карла, короля франков, который владел самим Римом, где обычно всегда пребывали

нако задуманный Карлом проект династического бракосочетания был провален константинопольскими сенаторами: 31 октября 802 г. в Константинополе произошел дворцовый переворот, и Ирина была низложена²³.

Эйнхард весьма приблизительно описывает состав семьи Карла после того, как тот отверг дочь короля лангобардов (18 [5-15; 1-16] и 20 [12-14]):

...[Карл] вступил в брак с Хильдегардой, очень знатной женщиной из племени шавабов, от которой имел трех сыновей, а именно, Карла, Питина и Людовика, и столько же дочерей — Ротруду, Берту и Гизеллу.

...Было у него и еще три дочери — Теодората, Хильтруда и Руотхильда: две от его [третьей] жены Фастрады, происходившей от восточных франков, то есть из племени германцев, третья же от наложницы... После смерти Фастрады он женился на аламанке Лиутгарде, от которой детей не было, а после ее смерти имел трех наложниц: Херсвинду из Саксонии, от которой была рождена дочь по имени Адальтруда, Регину, родившую Дрогона и Гуго, и Адалинду, которая произвела на свет Теодориха.

У него был сын по имени Пипин, рожденный от наложницы... красивый лицом, но обезображенный горбом.

Описание Павла Дьякона (720–800), сделанное ранее – иное («Деяния мецких епископов» [Р. 265, II. 22-28]):

От супруги Хильдегарды родилось четверо сыновей и пять доче-

цезари, и прочими местами, какими он обладал в Италии, Галлии, а также в Германии. Так как всемогущий Бог отдал все эти места под его власть, им казалось справедливым, чтобы он с помощью Божьей и по просьбе всего христианского народа имел бы и сам титул. Король Карл не хотел отказать им в их просьбе, но, со всем смирением подчинившись Богу, по просьбе священников и всего христианского народа в самое Рождество Господа нашего Иисуса Христа он принял этот императорский титул вместе с помазанием от папы Льва...» (пер. И. Дьяконова, с изменениями).

²³ Престол занял Никифор (802–811 гг.), который отказался признать Карла императором Западной Римской империи. В ответ Карл после продолжительных военных действий (806–810 гг.) овладел Венецией и Далматией, которые номинально числились за Восточной частью Римской империи (Византией), но были ослаблены из-за внутренних распрей и, благодаря союзу с Багдадским халифом Харуном, заставил Никифора, который вел войну в Болгарии, пойти в 810 г. на мирные переговоры. Через 12 лет после начала конфликта византийский император Михаил (811–813 гг.), преемник погибшего в Болгарии Никифора, формально признал новый титул императора в расчете на поддержку Запада в борьбе с Болгарией, разгромившей его войско в 811 г. За признание своего императорского титула Карл уступил Михаилу Венецию и Далматию.

рей... еще до [заключения] законного брака, от знатной девицы Хильтруды он имел сына по имени Пипин... имена его детей, которых ему родила Хильдегарда, таковы: первый был назван Карлом, нареченный так по имени отца и прадеда²⁴; второй же – Пипин, одного имени с братом и дедом²⁵; третий – Людовик, родившийся одновременно с Лотарем, умершим двух лет от роду; из них... младший Пипин держит Итальянское королевство, Людовик – Аквитанское²⁶.

Эйнхард пишет лишь о тех детях Карла, кто пережил младенчество²⁷. Например, не упомянуты Лотарь (брат-близнец Людовика), не проживший двух лет (778–779 / 80 гг.), и умершие в младенчестве дочери – Аделаида (773–774 гг.)²⁸ и Хильдегарда (783 г.)²⁹, родившиеся от королевы Хильдегарды³⁰, а также Хильтруда, появившаяся на свет от Фастрады (ум. в 794 г.). Он ошибается в написании имени одной из дочерей, называя Аделаиду Гизеллой, путая дочь Карла с его сестрой.

Художественное описание внешности, характеров и образов Лиутгарды (четвертой жены Карла), его старших сыновей – Карла и Пипина, и дочерей – Ротруды, Берты, Гизеллы, Теодораты, рожденных Хильдегардой (второй женой); Хильтруды, рожденной Фастрадой (третьей женой) и Руотхильды, происходившей от наложницы Мадельгарды, дано в сохранившейся трети части анонимной поэмы (составленной ок. 800 г.), которая получила название «Карл Великий и папа Лев»³¹. В этом месте поэмы речь идет

²⁴ Речь идет о Карле Мартелле (686/8–741).

²⁵ Имеются в виду внебрачный сын Карла Пипин (Горбатый) и Пипин Короткий.

²⁶ См. MGH: Script. II. P. 265, ll. 22–28. Пер. А.И. Сидорова.

²⁷ См. выше, Прим. 1.

²⁸ Аделаида родилась во время похода Карла в Италию, в котором участвовала Хильдегарда. См. также: Павел Дьякон. Деяния... Эпитафия Адельгейды, дочери короля Карла, которую родилась в Италии, когда он подчинил ее себе (MGH: Script. II. P. 267, ll. 1–11).

²⁹ О рождении у Хильдегарды дочери, которую назвали так же, как и мать, Хильдегарда, сохранились сведения у Павла Дьякона. См. Павел Дьякон. Деяния... Эпитафия Хильдегарды, другой дочери Карла (MGH: Script. II. P. 267, ll. 14–23).

³⁰ Хильдегарда скончалась (783 г.) после рождения дочери, умершей вскоре после неё. Похоронили королеву в Меце, в церкви св. Арнульфа (см. Павел Дьякон. Деяния... [MGH: Script. II. P. 265, l. 30]), как и ее двух дочерей, не переживших младенчества (Ibid. ll. 31–35).

³¹ См. [Karolus Magnus et Leo papa] // MGH: Poetae. Vol. I. P. 366–379. Об авторстве поэмы, ее композиции и особенностях см. Петрова М.С. Два пане-

о выезде царской семьи на охоту:

(Лиутгарда [ум. в 800 г.]

[182-184] ...гордо ступает в сопровождении огромной толпы;

Карла прекрасная супруга, зовущаяся Лиутгардой.

[185-191] Подобно цветку роз дивная шея [ее] блещет красюю;

*И пурпур [цветов] уступает власам белокурым, увитым алыми-
лентами [вкруг] висков, белизною [сравнимых с] блестящим [снегом];*

[Шнур] из нитей золотых плащ скрепляет,

и в капители вставлен берилл [драгоценный];

Ярок пурпур одежд из вискона, окрашенного дважды,

[А] ее пресветлую шею красят блистающие самоцветы.

(Карл [772/3–811])

[196-199] ...в окружении пышной свиты

носящий имя родителя Карл выступает,

схожий с отцом лицом и нравом...

(Пипин [777–810])

[200–203] ...названный именем деда Пипин

вслед [за ним] выступает –

Тот, кто деянья отца своего возобновил [в другом] государстве;

Сильный в бою, отважный герой, храбрейший в сраженьях³².

[204-206] ...Блещет он, сидя верхом на благородном коне,

Дивно сияя лицом и всем своим видом;

Изжелто-красный металл лоб его обрамляет красивый.

(Ротруда [775 – п. 839])

*[212-214] Ротруда – впереди – сияет пред остальными девами,
проезжая на быстром коне...*

[215-218] Овивает [ее] светлые кудри лента цвета аметиста,

блистающая светом всяческих камней,

перемежающихся между собой;

Главу [ее] окружили золотой венец из дорогих самоцветов,

и пряжкой скреплена красивая накидка.

(Берта [779/80 – п. 823])

[219-220] ...вслед [за нею] Берта блистает красюю

гирика эпохи Каролингов // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2010 (далее Инт. trad.). С. 451-456.

³² Пипин был поставлен королем Италии. См. «Лоршские анналы» (II, 14 [781 г.]): «Король Карл отправился в Рим, и там был крещён его сын, который звался Карломаном; папа Адриан, изменив имя, назвал его Пипином и помазал в короли над Италией, а его брата Людовика – над Аквитаниею. И там же Ротруда, дочь короля, была обручена с императором Кенстантином» (пер. И. Дьяконова. О военных подвигах Пипина, в частности, его победе над аварами, сложено стихотворение. См. Петрова М.С. «Два панегирика эпохи Каролингов» // Инт. trad. С. 457-459. Там же см. перевод указанного произведения (с. 460-464).

в окружении множества дев.

[221-223] Гласом, волей мужской, образом,
взглядом искромётным, устами, очами, сердцем и нравом она, от-
цу подобная, ступает;

с гордой главой, увенчанной златой диадемой.

[224-225] Светлые кудри ее увивают нити златые;

На млечной же шее – меха дорогие.

[226-228] Роскошное платье [ее],

украшено затейливо разными камнями,

оно искрится блестящим светом множества гемм;

драгоценные хризолиты красят [ее] покрывало.

(Гизелла³³)

Гисала (Gisala) вслед за ними идет, белизною мерцаю;

блещет прекрасное дитя, сопровождаемое девственным сонмом.

[231-233] Одетая в платье медового [цвета] дева сияет,

[ее] тонкотканые покрывала рдеют багрянцем;

кудри, голос, лицо [будто бы] солнечный свет излучают.

[234-236] Прекрасная шея [ее] душевный жар возбуждая,
румянцем стыдливо горит;

Рука – недвижима, вылита [будто] из серебра:

И свет волооких очей поражает [лучезарного] Феба.

(Рухильда [ум. 852 г.])

...Ротхада (Rhodhaid) блистает украшеньем из разных металлов,

она, молодая, встречаемая ликованьем, следует перед толпой,

идя быстрым шагом.

[245] Грудь [ее], шея [и] кудри сияют нестройной самоцветов,

с плеч прекрасных спадает шелковое покрывало;

главу прелестную венчает корона,

осыпанная драгоценными камнями,

золотая булавка с круглыми геммами плащ скрепляет [у шеи].

На горделивом коне устремилась Ротхада – прекрасная дева...

(Теодората [ок. 785 – п. 844])

Меж тем Теодрада (Theodrada) выходит – взгляд искромётный,

лицом прелестным сияет, и кудри будто из злата;

блещат на шее прекрасной иноземные смарагды (=изумруды);

столы, руки, ланиты, व्या, уста – [все] излучает сиянье.

[255] Светлые очи [ее] пылают пламенем ярким,

Яхонтовые покрывала сияют кротовыми

[шкурками, нашитыми] в беспорядке,

Софоклов котурн³⁴ украшает славную деву.

³³ Важно обратить внимание на различное написание имен дочерей Карла (см. ниже: Gisala, Rhodhaid, Theodrada, Hiltrud). Вероятно, звучавшие на верхнегерманском диалекте имена не просто было записать на латинском языке.

³⁴ Котурн – обувь трагических актеров. Здесь имеется в виду необычная обувь, возможно, на каблуке. Б.И. Ярхо (ИСЛЛ. С. 432. Прим. 5) обращает

[260] И дева, прекраснее [многих],
садится на белоснежную лошадь...

(Хильтруда)

Хильтруда (Hiltrud) собой замыкает движение;

[Ей] сенат указал то последнее место в [царском] строю,
согласуясь с судьбой;

[265] дева же та блещет [красою]
в центре толпы [ее окружившей]³⁵ ...

Отношение Карла к дочерям, матери и сестре

Карл не выдал замуж ни одну из своих дочерей и держал их возле себя не только из-за отцовской любви (о которой упоминает Эйнхард [19])³⁶, повсюду возя за собой, в окружении охраны и стражников. Скорее всего, он хотел предотвратить появление законнорожденных внуков – претендентов на престол, полагая, что большое количество наследников не будет способствовать укреплению государства³⁷. Из всех дочерей лишь Ротруда была соватана (781 г.) за греческого императора Константина³⁸, однако этот брак не состоялся.

Эйнхард (Ibid), описывая отношения Карла с дочерьми, Ротрудой и Бертой, умалчивает о бурной личной жизни, которую те вели при дворе, имея многочисленных любовников. У Ротруды (ок.

внимание на то, что автор поэмы принял выражение «софоклов котурн» за выражения типа «фракийская лира», «фалернское вино». Ср. *Вергилий*. Эклога VIII, 10: «...Песни твои, что одни лишь достойны котурна Софокла?» (пер. С. Шервинского).

³⁵ Перевод наш. См. также литературный перевод этого фрагмента, выполненный Б.И. Ярхо в сб.: ПСЛЛ. С. 281-283.

³⁶ См. ук. место: «Дочерей своих, поскольку они были очень красивы, он сильно любил... всех он удерживал дома до самой своей смерти, говоря, что не может обойтись без их близости (contubernio)». Одно из значений "contubernium, i (n)" - внебрачное сожительство (е. г.: *Cicero*. In Verrem II, 5, 104, 10-11 // РН1 5.3 [0474]: "...contubernium muliebris militiae..."; ср. также: *Petronius*. Satyrica 92, 4, 2 // РН1 5.3 [0972]; *Suetonius*. De vita Caesarum 49, 1, 2 // РН1 5.3 [1348]).

³⁷ Заметим, что сыновья Карла – Пипин и Людовик – имели детей мужского пола. См., напр., у Эйнхарда (19 [10-12]). Однако война сыновей Людовика привела к разделу государства (см. ниже).

³⁸ См. *Эйнхард* 19; Лоршские анналы II, 14 (781 г.) – см. выше, Прим. 32. От имени императрицы Ирины во Франкию к Карлу Великому были отправлены послы просить руки его дочери Ротруды для сына Ирины, Константина (771–797 / 805). Карл дал согласие и выразил готовность отправить Ротруду в Константинополь, после того как она будет обучена греческому языку.

800 г.) любовником был граф Рорико, который впоследствии (840 г.) стал аббатом монастыря св. Дионисия и архиканцлером. Примерно в то же время (ок. 800 г.) любовником Берты был придворный поэт Ангильберт (позднее аббат монастыря св. Рикье). Вероятно, Карл относился к ее связям снисходительно (хотя и желал свести такие отношения к минимуму) и не обращал внимания на слухи (*Эйнхард* 19)³⁹. Несомненно, и дочери пытались скрыть свои связи от отца. В частности, Берта и влюбленный в нее Ангильберт утаивали свою связь от Карла так долго, как только могли. Но

...однажды ночью Ангильберт, не в состоянии сдержать свою страсть к Берте, прокрался в ее спальню, где и оставался до самого утра. Когда Ангильберт пожелал вернуться в свои покои, которые располагались в другом здании, то к своему великому ужасу, обнаружил, что не может это сделать незаметно. Ночью выпал снег, на котором отпечатлелись бы следы его ухода из императорского дома. Дабы этого не случилось, Берта придумала хитроумный план сокрытия пребывания Ангильберта в своей спальне. Она посадила его к себе на закорки и несла на себе до его покоев - так, что на снегу остались одни женские следы. Однако любовники забыли, что Карл не терял бдительности, даже когда спал. Случайно проснувшись и выглянув в окно, король увидел свою дочь Берту, движущуюся через двор с Ангильбертом на спине. Некоторое время Карл молчал об увиденном, но после, простив обоих, дал разрешение на женитьбу⁴⁰.

В результате внебрачных связей у Ротруды и Рорико родился сын, названный Людовик (ок. 800–867); у Берты и Ангильберта – сын Нитхард (800–844), впоследствии ставший автором «Истории в четырех книгах».

³⁹ См. ук. место: «Из-за этого он, счастливый во всем остальном, испытал удары злосчастной судьбы. Однако он не подавал виду, как будто относительно них и не возникало никаких подозрений, и не распространялся молва».

⁴⁰ См. *Chronicon Laureshamense* / Ed. K.A.F. Pertz // MGH: Script. Vol. 21. Hanover: Hahn, 1869; repr. Leipzig, K.W. Hiersemann, 1925. P. 357-359. Мы даем текст с учетом интерпретации R. Folz и P. Dutton (см. *Folz, R. Le souvenir et la légende de Charlemagne dans l'empire germanique médiévale* // Publications de l'Université de Dijon 7. Paris, 1950. P. 342-243; Dutton [1994], P. 13-14; n. 29, P. 265), обращая внимание читателя на то, что в указанной хронике действующими лицами являются Эйнхард (Einhardus) и Имма (Imma), названная «дочерью императора Карла, которую сватали за греческого императора». Скорее всего, реальная история превратилась впоследствии в легенду или анекдот. А с течением времени стерлось воспоминание о настоящих участниках события, или автор хронике описал эту историю так, как услышал ее сам.

При себе Карл удерживал и мать⁴¹, возможно, учитывая ситуацию императора Константина и его властолюбивой матери Ирины, отстранившей сына от власти и ставшей императрицей. Единственная сестра Карла Гизелла была еще «с юных лет отправлена [в монастырь] для религиозного служения» (*Эйнхард* 18), настоятельницей которого впоследствии она стала. Очевидно, пребывание матери при дворе, а сестры – в монастыре устраивало Карла, боявшегося заговоров, которых за время его правления было немало. Среди таковых – заговор рожденного наложницей Химильтрудой сына – Пипина (769–811), который Карл жестоко подавил, казнив мятежников и отправив сына в Прюмский монастырь (792 г.)⁴².

Сыновья Карла Великого

Карлу к концу правления (813–814 гг.) не потребовалось решать задачу разделения земель своего королевства⁴³, поскольку к этому

⁴¹ См. *Эйнхард* (18): «Мать же Карла Бертрада до старости жила при нем в большом почете. Ибо Карл относился к ней с величайшим уважением, так что ни одной ссоры не возникало между ними, за исключением той, что произошла из-за расторжения его брака с дочерью короля Десидерия, на которой он женился по ее совету. Бертрада умерла [12 июля 783 г.] после смерти Хильдегарды [30 апреля 783 г.], после того, как увидела в доме сына трех своих внуков и столько же внучек. Карл похоронил ее с большими почестями в той самой базилике святого Дионисия, в которой был похоронен [его] отец».

⁴² Об этом факте *Эйнхард* (20) упоминает бегло, не задерживая на нем внимания читателя. Более подробная запись имеется в «Лоршских анналах» (II, 25 [792 г.]): «В этом же году был раскрыт гнусный заговор, который [готовил] Пипин, сын короля, рожденный от наложницы по имени Химильтруда, против жизни короля и его сыновей, рожденных от законной жены; ибо он хотел убить короля и указанных лиц, и самому царствовать вместо него... Но король Карл, когда узнал о заговоре Пипина и тех, которые были вместе с ним, созвал в Регенсбурге собрание франков и других своих верных, и весь христианский народ, который там был вместе с королём, приговорил и самого Пипина, и тех, кто был его соучастниками в этом нечестивом замысле, к лишению разума и имущества, и жизни; в отношении некоторых так и было сделано. Но в отношении Пипина, сына, поскольку король не хотел, чтобы его убили, франки постановили, что он должен посвятить себя службе Божьей; так и было сделано, и [король] послал его, уже клирика, в монастырь» (пер. И. Дьяконова).

⁴³ Напомним, в 806 г. Карл разделил земли своего королевства между сыновьями – Карлом, Пипином и Людовиком, что должно было после его смерти свести к минимуму возможные разногласия между ними о наследовании. См. *Annales regni Franc.* (a. 806) // *Fontes ad HRFaki* (I). P. 82. *Эйнхард* доставил копию этого соглашения папе Льву III в том же году.

времени в живых из трех его рожденных в браке с Хильдегардой сыновей остался лишь один – Людовик (778–840), впоследствии прозванный «Благочестивым». Карл еще при жизни потерял двух старших сыновей – Карла (4 декабря 811 г.) и Пипина (8 июля 810 г.). Эйнхард (19 [10-12]) так описывает эти события:

Из всех детей ему выпало пережить двоих сыновей и одну дочь: он лишился Карла, старшего сына, Пипина, которого он поставил королем в Италии... Его сын Пипин оставил после себя одного сына, Бернарда, а также пять дочерей – Аделаиду, Атулу, Хиндраду, Бертраду и Теодорату. Карл выказал ясное свидетельство своего к ним милосердия, поскольку после смерти своего сына Пипина [разрешил] своему внуку занять место отца, а внушек воспитывал вместе со своими дочерьми.

Карл, вероятно, принимая во внимание германские законы о выборе правителя, позаботился о том, чтобы еще при жизни (11 сентября 813 г.) сделать сына Людовика соправителем⁴⁴. Императорский статус Людовика подтвердила его коронация папой, проведенная в 815 г., уже после смерти Карла.

Благодаря Эйнхарду сохранились краткие сведения о болезни, смерти (28 января 814 г.), захоронении тела Карла в Ахенской базилике и эпитафии:

...в январе он слег, охваченный сильной лихорадкой... к жару присоединилась боль в боку, которую греки называют «плевритом»... На седьмой день после того как он слег в постель, Карл, приняв святое причастие, скончался. Это случилось на семьдесят втором году его жизни, в 47-й год его правления, на пятый день перед февральскими Календами, в три часа дня.

...Тело его было омыто и убрано по установленному обряду. При великом плаче всего народа оно было внесено в церковь и погребено. Сперва сомневались, где его надлежит похоронить, ибо сам он при жизни не оставил относительно этого никаких распоряжений. Затем все согласились, что нигде для него не найти гробницы достой-

⁴⁴ Очевидно, Карл принимал во внимание традиции германцев, поскольку в свою очередь «...собрав надлежащим образом со всего королевства знатнейших франков, Карл при всеобщем согласии поставил сына соправителем всего королевства и наследником императорского титула. Возложив на его голову корону, Карл приказал именовать Людовика императором и августом. Это решение с одобрением было встречено всеми присутствующими, ибо казалось, что оно было вдохновлено свыше на благо всего государства. Это деяние приумножило авторитет Карла [дома] и внушило огромный страх чужеземным народам» (Эйнхард 30 [11-19]). Очевидно, такими словами Эйнхард пытается придать легитимность такому «избранию».

нее той самой базилики, которую сам он, из любви к Богу и Господу нашему Иисусу Христу и в честь святой приснодевы Марии, Богородицы построил в том поселении на собственные средства. Там он и был погребен в тот же день, в который умер. Поверх его гробницы была воздвигнута позолоченная арка с его изображением и надписью. Эпитафия была такова:

ПОД ЭТИМ КАМНЕМ ПОГРЕБЕНО ТЕЛО ВЕЛИКОГО И ПРАВОВЕРНОГО ИМПЕРАТОРА КАРЛА, КОТОРЫЙ СЛАВНО ВОЗВЕЛИЧИЛ КОРОЛЕВСТВО ФРАНКОВ И ПРАВИЛ СЧАСТЛИВО СОРОК СЕМЬ ЛЕТ. СКОНЧАЛСЯ СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ В ЛЕТО ГОСПОДНЕ 814, ИНДИКТА 7, В 5 ДЕНЬ ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКИМИ КАЛЕНДАМИ.

Имеются свидетельства⁴⁵ тому, что гробница Карла была вскрыта спустя многие годы (в 1000 г.) германским королем и императором Священной римской империи Оттоном III (980–1002 гг.) и его спутниками, обнаружившими тело Карла сидящим на возвышении и хорошо сохранившимся. Это посещение императором гробницы Карла описано графом Лаумелленским⁴⁶:

После того, как прошли многие годы [после смерти Карла], император Оттон Третий находился в том самом месте, где в гробнице, как и подобало, покоилось тело Карла [Великого]. [Оттон] свернул со своего пути [и направился] к месту погребения с двумя священниками и Оттоном, графом Лаумелленским. Сам же император замыкал четверку. Упомянутый граф так описывает [случившиеся события]: "Мы вошли к Карлу. Он не лежал, как обычно лежат мертвые тела, а восседал на троне, как если бы был жив, увенчанный золотой короной. В руках он держал скипетр, руки были в перчатках, через которые проросли ногти. Над ним был шатер, выстроенный из известняка и мрамора. Достигнув места захоронения, мы немедленно пробили отверстие и вошли, опасаясь сильного запаха. Мы тотчас пали на колени и склонились перед ним в почтении. Император Оттон покрыл его белым одеянием, обстриг ногти и восстановил все недостающее в его [внешности]. Тление еще не коснулось частей его тела. Лишь самую малость не доставало кончика его носа. [Оттон] восстановил это место из золота. [Затем] он извлек один зуб из его рта и, восстановив шатер, удалился".

⁴⁵ См. Grant, A.E. Early Lives of Charlemagne by Einhard and the Monk of Saint Gall. 1907 (далее, Grant [1907]). P. 169.

⁴⁶ См. Chronicon Novaliciense III, 32 / Ed. G.H. Pertz // MGH: Script. Vol. 7. Hannover, 1846. P. 106, vv. 36-49. В указанном издании, на С. 97 дано содержание, в котором эта глава имеет титул: De Otto imperatore, qui post multos annos Carolum invisere voluit (Об императоре Оттоне, который через многие годы пожелал взглянуть на Карла), но с № 33, а не № 32.

Достоверность этого рассказа сложно проверить. Если допустить его правдивость, то важен характер погребения тела императора: тело было обнаружено в сидячем положении на троне. Отметим, сам Оттон III не раз находился в Ахене. В 1000 г. он предпринял паломничество к могиле архиепископа Адельберта Пражского в Гнезне. Возможно, затем он направился в Ахен⁴⁷.

Внуки Карла (сыновья Людовика)

У Людовика вначале его правления было три сына (Лотарь [796–855], Пипин [ок. 797–838], Людовик [Германский, ок. 806–876]), рожденных от жены Эрменгарды (ок. 794–818), дочери графа Инграмна. Энергичные реформы 816–818 гг., которые Людовик начал проводить практически сразу же после прихода к власти, по сути, были направлены не только на укрепление своего правления, но и на разделение империи между сыновьями. Свидетельство тому – документ от 817 г. о разделе Империи (*Divisio imperii*) между его тремя сыновьями⁴⁸. Согласно документу, центральные и лучшие земли были отданы старшему сыну Лотарю, назначенному соправителем отца; к нему же перешла вся полнота власти. Два других сына Людовика, Пипин и Людовик, получили земли на окраинах, оказавшись в зависимости от старшего брата.

Однако спустя 12 лет (после смерти Эрменгарды), в 829 г., документ был пересмотрен в пользу четвертого сына, Карла (823–877)⁴⁹, рожденного второй женой Людовика, Юдифью (ум. 843), дочерью графа Гвельпа⁵⁰. Изменение одобренного ранее документа затронуло интересы всех старших сыновей Людовика, особенно Лотаря⁵¹. Вокруг последнего объединились недовольные и, прежде

⁴⁷ В 1165 г. гробница была осмотрена вновь. К тому времени останки Карла были положены в мраморный саркофаг. См. *Grant* (1907). P. 169.

⁴⁸ См. *Divisio imperii* (a. 817) // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865; reprint Turnhout (Brepols) (далее, PL). Т. 97. Col. 373C – 380D. Или см.: MGH: *Leges nationum Germanicarum*. Т. 1. P. 198–200. Перевод А. Вольнец.

⁴⁹ Последствия получившего прозвище «Лысый».

⁵⁰ О выборе Людовиком жены Юдифи см. *Петрова М.С.* Эйнхард и власть: жизнь при дворе // *Адам & Ева*. Вып. 17. М., 2009. С. 17. Прим. 2.

⁵¹ В результате юный Карл получал Аламанию, Рецию и Бургундию. См. *Thegan. Vita Hludowici imperatoris* 36 / Ed. G. H. Pertz // MGH: *Script*. Т. 2 (далее – *Thegan. Vita Hlud.*). P. 597, vv. 31–33.

всего, те, кто был оттеснен от двора новой императрицей Юдифью.

Обладая и властолюбивыми качествами, и красотой Юдифь не только смогла подчинить своей воле Людовика, но и создала при дворе собственную партию, намереваясь самостоятельно управлять государством, назначая на важные посты верных себе людей и проводя политику по переделу наследства в пользу сына Карла⁵². Политика Юдифи привела к тому, что сын Людовика Пипин и вставшие на его сторону знатные франки⁵³ обвинили Юдифь в измене, схватили ее и отправили в монастырь (830 г.). Однако в том же году (после победы Людовика над оппозицией) Юдифь вернулась во дворец⁵⁴. За этими событиями последовали новые восстания франкской знати (830–831 гг.) против Людовика. Старшие сыновья Людовика, несогласные с политикой перераспределения земель, пленили его (июнь 833 г.) и организовали над ним суд, который проходил в Компьене и Суассоне. По решению суда Людовик был лишен власти и находился под надзором сначала в монастыре св. Медарда в Суассоне, затем в королевском дворце в Ахене (июнь 833 / 834 гг.). Дальнейшие разногласия между сыновьями (Лотаря, с одной стороны, и Людовика и Пипина, с другой) привели к новому восстанию (834 г.), в результате которого Людовик был освобожден и официально восстановлен на престоле (835 г.)⁵⁵. Пребывание Людовика на престоле было недолгим. После его смерти (в 840 г.), центробежные силы оказались настолько сильными, что в 843 г. в Вердене произошел раздел империи между оставшимися в живых тремя сыновьями (Пипин – сын Людовика, рожденный Эр-

⁵² Об этом см. *Ward E. Caesar's wife: the career of the empress Judith (819–829) // Charlemagne's Heir: new perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840) / Ed. P. Godman, R. Collins. Oxford: Clarendon Press, 1990 (далее, Ward [1990]). P. 205–227.*

⁵³ Вместе с Пипином выступили епископ Амьена Йессе, ранее подписавший завешание Карла Великого (см. *Эйнхард* 33) и архикапеллан Людовика и аббат монастыря св. Медарда в Суассоне Гильдуин – см. *Thegan. Vita Hlud. 36. P. 597, vv. 37–38.*

⁵⁴ См. *Thegan. Vita Hlud. 36 – 37. P. 597, vv. 40–43 – 598, vv. 8–9.* Йессе был низложен (Ibid. 37. P. 598, v. 6), Гильдуин отправлен в изгнание.

⁵⁵ См. *Thegan. Vita Hlud. 35–51. P. 587–601; [Anonymi] Vita Hludowici imperatoris 47 – 52 / Ed. G. Petz // MGH: Script. T. 2 (далее, *Anon. Vita Hlud.*). P. 634–639; Nithardi historiarum libri IV I, 2–4 / Ed. G.H. Pertz // MGH: Script. T. 2. P. 651–653; Annales Xantenses (a. 829–834) / Ed. G.H. Pertz // MGH: Script. T. 2. P. 225–226.*

ЖЕНЩИНЫ-КАТОЛИЧКИ В АНГЛИИ XVI-XVII ВВ.: ПУБЛИЧНАЯ РОЛЬ В ЧАСТНОЙ СФЕРЕ*

Особенностью католической культуры католиков в протестантских странах – Англии и Голландии – стала огромная роль мирян в религиозной жизни, ведь последним предстояло заполнить вакуум, образовавшийся в результате частого отсутствия священников (изгнанных или арестованных)¹. В этих странах любые формы деятельности католического духовенства были поставлены вне закона. В Англии, где преследования католиков были более длительными и жестокими, «работа» мирян была тем более важна. Миряне фактически подменяли духовенство в сфере религиозного образования, им принадлежала важная роль в обеспечении жизнедеятельности священников – а значит, и в организации литургической жизни сообщества – а также в распространении религиозных наставлений и благочестивых практик, в обращениях в католичество². Более того, эти задачи часто решались не просто мирянами, а женщинами, роль которых в религиозной культуре пост-Тридентского католицизма, согласно распространенным представлениям, должна была быть весьма ограниченной.

Феномен активности женщин-католичек в религиозной сфере был подмечен еще в 1975 г. Джоном Босси, первым исследователем религиозной культуры английского католического сообщества. Он

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта «Гендерные и кросс-гендерные модели общения в Античности, Средние века и Новое время».

¹ См., например, *Parker C.H. Faith on the Margins: Catholics and Catholicism in the Dutch Golden Age. Cambridge, 2008; Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570-1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009.*

² О религиозном образовании католиков в Англии подробнее см. *Серегина А.Ю. Религиозное образование мирян-католиков в Англии конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 31. С. 186-200; Она же. Религиозное образование английских католиков в XVII в.: адаптация Тридентской модели // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. / под ред. Е. Токаревой и М. Инглота. СПб., 2011. С. 201-211.*

дал ему ироническое наименование «католический матриархат»³. Позднее историки оспорили его термин как явное преувеличение. Мария Роулэндс и Александра Уолшем подчеркивали не столько власть женщин в католическом сообществе, сколько разделение ролей между мужчинами, которые должны были сохранить положение семьи и, следовательно, не демонстрировали публично свои взгляды, и их женами, матерями и сестрами, выполнявшими свою традиционную роль наставниц в рамках домохозяйства, вне публичной сферы⁴. Их позиция вписывается в доминирующую в гендерных исследованиях теорию разделенных сфер, мужской и женской, и, как это часто случается с концепциями такого масштаба, грешит излишней схематичностью и не позволяет исследователям отдать должное вкладу англичанок в сохранение и преобразование католической религиозной культуры.

В статье представлены результаты исследования деятельности женщин, принадлежавших к известному в Англии XVI – XVII вв. семейству Монтегю, их родственниц и членов их свиты. На основании источников различных жанров – женских биографий, писем и посланий, хроник женских монастырей, протоколов допросов, приходских документов и т.п. – будут рассмотрены те аспекты деятельности женщин в религиозной сфере, которые затрагивали интересы всей общины, т.е., по сути, являлись публичными. В их числе – организация работы католической миссии в Англии, религиозное образование, крещение младенцев (т.е., вторжение в литургическую сферу), и, наконец, роль монахинь в религиозной жизни английского католического сообщества.

Мириане и организация деятельности католической миссии

Аристократы-католики, подобные Монтегю, предоставляли капелланам кров над головой. Но участие их самих и членов их свиты в деятельности миссии не сводилось лишь к этому. Прибывавшим в Англию миссионерам необходимы были безопасные убежища, где они могли укрыться от преследований властей и встретиться

³ *Bossy J. The English Catholic Community, 1570-1850. L., 1975. P. 157.*

⁴ *Rowlands M. Recusant Women 1560-1640 // Women in English Society 1500-1800 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 153; Walsham A. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. 2nd edn: Woodbridge, 1999. P. 81.*

ся при необходимости с другими клириками – руководителями миссии, отвечавшими за «распределение» священников по стране. Последним – зачастую оказывавшимся в незнакомых графствах – нужна была помощь в передвижении по стране и, прежде всего, деньги, и сеть надежных контактов. Все это обеспечивалось католиками-мирянами.

Чтобы понять, как именно действовала эта система, необходимо обратиться к вкладу в ее работу виконтов Монтегю, их родственников и членов их свиты. В свите Монтегю обычно был не один, а несколько священников. Такое количество духовенства, на мой взгляд, определялось не только относительной безопасностью – защищенностью резиденций Монтегю от прямого вторжения представителей властей – но и тем, что обслуживаемый ими «приход» оказывался довольно многочисленным, и одного капеллана просто не хватало на всех. Некоторые резиденции Монтегю и членов их свиты – те, в которых хозяева бывали реже – порой превращались в настоящие убежища для священников, передвигавшихся по стране, своего рода безопасные укрытия. Таким убежищем стал в начале XVII в. Монтегю Хаус, предоставленный вдове первого виконта в пожизненное владение. Ее биограф Ричард Смит сообщал:

Она имела два прекрасных дома, один из которых стоял на южном берегу Темзы у Лондонского моста. Там, как только в царствование королевы Елизаветы начались преследования, она устроила приют для священников, прибывающих в Англию и уезжающих оттуда, а также убежище для тех, кто жил в Лондоне; там постоянно находился один священник, совершавший таинства для тех католиков, которые туда стекались⁵.

Таким же убежищем служила и лондонская резиденция внука и правнука леди Магдален на Друри-лейн в конце 1620х – 1630х гг.⁶, а также и дом джентльмена из свиты первого виконта, Джона Шелли, в Мейплдарэме (на границе Оксфордшира и Беркшира). Там по-

⁵ *Smith R. Life of Lady Montague. St Omer, 1627. P. 27: 'she had two goodly Mansion houses, the one upon the Tames side neere London-bridge, in which, from the first beginning of persecution by Queen Elizabeth was a common retire for Priests comming in, and going out of England; and also a refuge for such as resided in London; wherein also one Priest had his residence, to minister the sacraments to such Catholikes as resorted thither'.*

⁶ *Questier M.C. Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and religion, c.1550-1640. Cambridge, 2006. P. 428.*

следний предоставлял кров целой «коллегии священников»⁷. Тот же самый Джон Шелли и другой слуга Монтегю, Роберт Барнс, занимались переправкой прибывавших в порты Сассекса священников вглубь страны⁸.

Покровительство Монтегю в подобной нелегальной деятельности было бесценно. Так, в конце 1580-х гг. священник Саймон Феннелл путешествовал по графству Сассекс в ливрее виконта Монтегю в сопровождении уже упоминавшегося Джона Шелли. Покровительством его вдовы в 1590-х гг. пользовался и Генри Нортон из Уэстхэма (Восточный Сассекс). Этот владелец гостиницы, а также и пивоварни в Пивенси – небольшом порту Сассекса – помогал католическим священникам попасть в Англию и выехать из нее. Именно он, например, переправил в 1586 г. во Францию будущего иезуита Сильвестра Норриса, отправлявшегося учиться в коллегия Реймса⁹.

Обычно священники перемещались по стране в свите своих патронов, вместе с ними или их слугами. Такими были, например, перемещения Уильяма Харриса, путешествовавшего по Сассексу и на север страны (в Бакстон) в обществе лорда и леди Дормер, или иезуита Джона Карри, которого в 1593 г. сопровождал Роберт Барнс. В случае необходимости скрыться священникам сами главы семейств, их домочадцы, слуги и арендаторы могли предоставлять им укрытие. Прекрасной иллюстрацией здесь служит история побега священника Фрэнсиса Райделла в 1593 г. Гонявшийся за ним по всей стране Ричард Топклифф информировал лорда Бёрли в письме от 19 сентября 1593 г. о том, что Райделл бежал со своей фермы, близ Уокинга, Сарри, расположенной на земле лорда Монтегю, (оставив имущество на 1000 ф.с.) к Уильяму Бассетту в Лэнгфорд (графство Дерби). Оттуда Райделл бежал в Бакстон, где встретил целую группу собравшихся на водах джентльменов-католиков с семьями. По странной случайности все они приходились Монтегю родственниками: сэр Роберт Дормер с супругой (Элизабет Браун, дочь первого виконта), сэр Генри Констэбл из Холдернесса с супругой (Маргарет Дормер, сестра сэра Роберта), сэр Томаса Ли из Сто-

⁷ Ibid. P.204.

⁸ Calendar of State Papers, Domestic series (далее – CSP Domestic), 1591-1594. P. 510.

⁹ Anstruther G. The Seminary Priests: a Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1580-1850. Vol. I. Ware, 1968. P. 254.

ушли с женой (Дороти Браун, внучка первого виконта). Из Бакстона Райделл отправился в манор лорда Виндзора, арендованный Эдвардом Бентли (мужем Кэтрин Роупер, племянницы Монтегю). Там его укрывали слуги и арендаторы лорда Виндзора. Затем они же сопроводили его на север страны¹⁰.

Это сообщение показывает, как миряне-католики использовали связи между родственниками и между клиентами патронами для оказания необходимой помощи священникам-миссионерам, причем родство по женской линии играло здесь решающую роль. А сведения об имуществе, которым Райделл располагал в Сассексе, показывает, каким образом могла финансироваться деятельность священников внутри страны. Поскольку капелланы обычно занимали какой-то официальный пост в свите – наставника детей, секретаря или управляющего – патрон имел возможность передать в его распоряжение землю, чтобы они могли жить на доход с нее. Указанная Топклиффом сумма – 1000 ф.с. – чрезвычайно велика, пожалуй, даже слишком велика для одного клирика. Вероятно, ферма Райделла представляла собой еще одно убежище для священников.

Порой священникам просто вручались кошельки с деньгами, как это сделал в 1593 г. Уильям Бассет, вручивший их другому находившемуся в бегах капеллану Монтегю, Ричарду Грею. При аресте Грей имел с собой, помимо этих средств, также и письма (возможно, рекомендательные). Написаны они были Джейн Гудмен – дамой из свиты графини Саутхэмптон – а адресованы даме леди Монтегю, Энн Уигмор¹¹. Таким образом, в обеспечении нелегальной деятельности католической миссии были задействованы и женщины, как дамы-патронессы, так и их фрейлины из числа дворянок более низкого ранга.

Финансирование миссии осуществлялось на разных уровнях. Порой виконты Монтегю, как и другие богатые католики, финансировали обучение отдельных католиков в континентальных семинариях, в порой жертвовали деньги на содержание Английской коллегии в Дуэ (в XVI столетии, и позднее), а также и коллегии католических священников в Аррасе (1611 г.). Среди патронов последней

¹⁰ CSP Domestic, 1591-1597. P. 372.

¹¹ Ibid. P. 379.

были сэр Томас Сэквил, и его сестра Джейн, супруга второго виконта Монтегю¹².

Большую роль миряне-патроны (мужчины и женщины) играли и в распространении приоритетов Тридентской реформы в религиозной культуре, прежде всего, практики частого причащения.

В до-реформационной Англии причащение было относительно редким событием для мирян. Подавляющее их большинство принимало причастие раз в год, на Пасху. Леди Маргарет, мать короля Генриха VII, или визионерка Марджери Кемпе, причащавшиеся раз в месяц, относились к числу немногих исключений¹³. Католические реформаторы XVI–XVII вв., в особенности иезуиты, хотя и не только они, поощряли прихожан причащаться чаще, чем то предписывал подтвержденный Тридентским собором обязательный минимум (раз в год, на Пасху). Однако, несмотря на усилия приходских священников и миссионеров, частое причащение вплоть до начала XVIII в. оставалось уделом благочестивой элиты. Исследования Луи Шателье показали, в частности, что в сельских приходах Ильде-Франс, в окрестностях Парижа, при практически 100%-м причащении на Пасху, лишь от 10 до 50% прихожан причащались по большому празднику. Совсем небольшая группа, состоявшая из членов религиозных братств, причащалась раз в два месяца, тогда как еженедельное причащение было крайне редким даже для них¹⁴.

В резиденциях Монтегю, в которых постоянно находилось несколько католических капелланов, регулярно – то есть, ежедневно, за исключением коротких периодов в 1590-х и 1610-х гг. – служили мессу. У членов семьи и свиты, таким образом, была возможность причащаться чаще, чем раз в год. Можно предположить, что многие из них такой возможностью пользовались. Однако достоверные данные сохранились лишь в отношении одного члена семьи – леди Магдален Монтегю. Ее биограф, Ричард Смит, указывал, что она присутствовала на трёх мессах в день, и причащалась каждое воскресенье и по большим праздникам¹⁵. Такое благочестие было ис-

¹² *Questier M.C.* Catholicism and Community. P. 374.

¹³ *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c.1400-1580. Newhaven – L., 1992. P. 93.

¹⁴ *Châtellier L.* The Europe of the Devout: the Catholic Reformation and the Formation of a New Society. Cambridge, 1989. P. 3-13.

¹⁵ *Smith R.* Life of Lady Montague. P. 33.

ключительным и в его глазах и приводилось в тексте как обоснование святости его патронессы. Кроме того, описание относится к годам вдовства леди Магдален. Вполне вероятно, что жизнь замужней дамы подчинялась иному ритму и не оставляла достаточно времени для почти монашеских религиозных практик.

Оба виконта Монтегю также вряд ли следовали этой практике, хотя вполне могли присутствовать на мессе ежедневно. Скорее, они, как и многие другие миряне-католики, следовали другой практике, также описанной в биографии леди Монтегю. Ричард Смит указывает, что порой в капелле леди Монтегю собиралось до 120 человек, и одновременно причащалось до 60 человек¹⁶. Чуть ниже сказано, что такое множество католиков собиралось там по праздникам – то есть, на торжественные мессы¹⁷. Поскольку причащались не все присутствовавшие на службе, можно предположить, что речь шла не о Пасхе, но о других больших праздниках. Таким образом, до 50% католиков причащались по большим праздникам, что совпадает с данными, приведенными Шателье по Франции XVII в.

Но кто были эти 60 человек? Были ли они членами семьи и свиты виконтессы Монтегю, или же в это число входили и местные католики – соседи и арендаторы Монтегю? Размер ее свиты оценивается Смитом в 80 человек; таким образом, праздничные богослужения в капелле явно собирали и местных католиков¹⁸. Более того, доступ к католическим богослужениям и таинствам рассматривался леди Монтегю и ее биографом как самая важная часть благотворительности:

В своей исполненной благочестия щедрости эта леди даровала не только деньги, но и пищу, кров, защиту от преследований, свободу исповедать веру и доступ к таинствам, а также и к видимой церкви, то есть, к общине собравшихся там католиков¹⁹.

Традиционный социальный патернализм знати здесь переосмыслен, и на первый план выходит новая роль аристократов-

¹⁶ Ibid. P. 29.

¹⁷ Ibid. P. 30.

¹⁸ Ibid. P. 25.

¹⁹ Ibid. P. 26: 'in the pious liberality of this Lady, not only money is bestowed but meat, lodging, defence from persecution, the exercise of Religion, and the use of the sacraments, and a visible Church of Company of Catholikes is assembled, and conserved'.

католиков как организаторов литургической жизни сообщества единоверцев и обеспечения им доступа к таинствам. В данном контексте важно и то, что присутствие на службе в домовая капелле аристократа теперь относится не к проявлению гостеприимства, распространявшегося на лиц близкого социального статуса, но к благотворительности, применимой к тем, кто был заведомо ниже рангом.

В биографии подчеркивается, что леди Монтегю допускала в свою капеллу всех католиков, каких знала, в том числе и тех, кого в тексте Смит именует «бедными людьми»²⁰. Трудно сказать, о ком именно идет речь: о католиках-простолюдинах, которые жили в Бэттле – и которых виконтесса вполне могла знать лично – или же о католиках из числа мелких дворян-джентри. Возможно, и о тех, и о других. Однако католики в округе были довольно многочисленными; они вряд ли поместились бы в капелле. По всей видимости, в Бэттле и его окрестностях было больше одного центра богослужений. Таковыми могли служить дома католиков-джентри из числа арендаторов и слуг Монтегю. Некоторые из них – например, Ричард Лэмб – принимали у себя священников или даже держали постоянных капелланов.

Кроме того, выше уже отмечалось, что в некоторых манорах (Тодэм, Монтегю Хаус в Лондоне) существовали убежища для священников, служившие литургическими центрами для местных католиков. Наконец, такими центрами могли служить и более скромные резиденции, переданные в распоряжение клириков (например, ферма Фрэнсиса Ридколла). Наличие у Монтегю нескольких постоянных капелланов (плюс регулярно появлявшихся временных «гостей») позволяло по большим праздникам вести не одно, а несколько богослужений, доступных для всех местных католиков. Там, вероятно, они и причащались. Однако богослужения в этих центрах вряд ли были ежедневными или даже еженедельными (возможно, за исключением Монтегю-Хауса). Следовательно, для местных католиков-простолюдинов, не имевших личных связей со свитой Монтегю, причащение не могло быть слишком частым событием. В лучшем случае такие католики причащались несколько раз в год, по большим праздникам, а большинство, по всей видимости, посещая службы так часто, как получится, причащались раз в год, в соответствии с обычной практикой.

²⁰ Ibid. P. 30.

Таким образом, свиты католических магнатов, подобных Монтегю, обеспечивали проникновение новых приоритетов реформированного католицизма в английскую религиозную культуру. Примечательно, что хронология усвоения новых практик в Англии не отличается от хронологии континентальных католических стран, но даже немного их опережает: французские материалы Шателье относятся ко второй половине – концу XVII в., а данные по семье Монтегю указывают на начало этого столетия в качестве периода, когда уже проявились результаты воздействия пост-Триденской проповеди.

При этом воздействие новых идей не ограничивалось рамками собственно свиты, но достигало и католиков более скромного статуса. Это происходило отчасти благодаря миссионерским усилиям духовенства, а отчасти – благодаря успешной деятельности светских патронов.

Таким образом, женщины – особенно располагавшие средствами – наряду с мужчинами участвовали в организации работы католической миссии, помогая священникам-миссионерам осуществлять свою деятельность, как литургическую, так и пастырскую. Однако в других сферах религиозной культуры роль женщин по своей значимости намного превосходила роль мужчин.

Женщины и религиозное образование католиков

В условиях преследований, прежде всего затрагивавших духовенство, наставления в вопросах веры становились прерогативой мирян – ведь священника, готового дать эти наставления, зачастую рядом просто не оказывалось. Отчасти эту миссию выполняли школьные учителя-католики, но и они в силу официального запрета католикам занимать эту должность оказывались чрезвычайно уязвимыми. Среди домочадцев Монтегю были наставники, способные привести друзей и соседей к обращению в католическую веру. Так, Генри Лэнмен был обращен в католичество стараниями другого слуги Монтегю, Уильяма Конингсби. Последний, не ограничиваясь беседами и собственными увещаниями, призвал на помощь книги: именно он вручил молодому человеку полемические сочинения католических богословов Хардинга и Растелла, опровергавшие положения веро-

учения английской церкви. Окончательно убедив Лэнмена, он представил его священнику, принявшему исповедь юноши²¹.

История его обращения показывает, какую важную роль в этом процессе играли книги. Руководство английской католической миссии осознавало их необходимость, свидетельством чего являются англоязычные катехизисы, изданные миссионерами в качестве руководств для мирян, наставлявших своих детей или домочадцев. Множество вариантов катехизисов, как специально написанных для Англии, так и переводных, было издано уже в XVI в., а в XVII в. к ним прибавились новые издания (например, катехизис Беллармино, Римский катехизис и др.) Однако одним из самых популярных катехизисов в XVII в. оставался изданный еще в 1575 г. катехизис Лоренса Вокса²². В изданиях XVII в. присутствуют иллюстрации – «катехизис для неграмотных», по выражению современника. Иллюстрации, впрочем, требовали толкования; они не могли восприниматься до тех пор, пока кто-то не объяснял владельцу их смысл. Такими толкователями зачастую становились миряне-католики. Им в помощь издавались многочисленные наставительные сочинения, а также сборники (английские и переводные, печатные и рукописные), представлявшие собой пособия по полемическому богословию²³.

Знания богословия и способность полемизировать с протестантским пастором была необходима в силу практики английских церковных судов, порой принуждавших католиков – и мужчин, и женщин – к подобным полемическим «дуэлям»²⁴. Миряне не ограничивались печатными изданиями и порой заказывали или составляли сами своего рода справочники по полемическому богословию. Один такой справочник, своего рода «энциклопедия» по всем пунктам богословских расхождений между католиками и протестантами был составлен Томасом Трешэмом для дочери Мэри (Браденелл); другой – в форме «катехизиса» с дополнительным разделом по по-

²¹ *Responsa Scholarum, Part I // Catholic Record Society (далее - CRS). Vol.54. L., 1962. P. 84-85.*

²² *Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – первой половины XVII вв. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 32. М., 2010. С. 22-44.*

²³ *Walsham A. "Domme Preachers"? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print // Past and Present. Vol. 168. 2000. P. 72-123.*

²⁴ *Questier M.C. Conversion, Politics and Religion in England, 1580-1625. Cambridge, 1996. P. 154-156*

лемическому богословию был составлен вторым виконтом Монтегю для старшей дочери Мэри, с тем, чтобы последняя наставляла в вере своих младших сестер²⁵.

История рассмотренных выше текстов – «энциклопедии» и катехизиса, обращенных к дочерям, указывает на ту важную роль, какую женщины играли в сфере религиозного образования. Хотя женщинам никогда не возбранялось давать наставления в вопросах веры, традиционно их аудитория ограничивалась детьми, слугами и домочадцами. В идеале благочестивые мирянки должны были помогать младшим членам своей семьи усвоить основы катехизиса, а также повторять для них отрывки из проповедей и наставлений, произнесенных священниками. Но на самом деле женщины делали куда больше.

В Англии XVII в. именно женщины-дворянки оказывались основательницами религиозных братств, прежде всего, братств розария (подробнее см. ниже). В Англии братства розария создавались для тех католиков, которые в условиях гонений не имели регулярного доступа к священникам. В отсутствие регулярных мессы и таинств необходимо было дать им наставления в вере и возможность участвовать в совместном ритуале, так, чтобы они чувствовали принадлежность как к местному католическому сообществу (братству), так и через его посредство – к Вселенской церкви²⁶. И здесь роль женщин трудно переоценить.

Существовало ли братство розария в резиденции Монтегю, неизвестно, хотя из биографии леди Монтегю явствует, что молитвы розария были частью ее ежедневного молитвенного цикла, который вполне могли воспроизводить и другие дамы из ее свиты. Сведения о ее родственницах дают больше определенности. Например, Дороти Лаусон создала в своем поместье братство Непо-

²⁵ *Browne A.-M., 2nd Viscount Montague. Instruction to my daughter.* Downside Abbey, Gillow Library MS; Bodleian Library MS, Eng.Th.1-2. Подробнее об этих рукописях см. *Серегина А.Ю. Религиозное образование мирян-католиков в Англии конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 31. С. 186-200; Она же. «Католическая энциклопедия» начала XVII в.: формирование исторической памяти английского католического сообщества // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 40. М., 2012. С. 51-63.*

²⁶ *Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580-1700 // History. Vol. 88. 2003. P. 451-471, оsob. P. 464.*

рочного Зачатия, в которое входили ее дети, слуги и соседи. Членом аналогичного братства была графиня Эрдендел; она же входила и в братство розария²⁷.

Кроме того, женщины наставляли в вере домохозяев и родственников, в том числе взрослых мужчин-протестантов, то есть, фактически занимались миссионерской деятельностью. Так, из биографий женщин-католичек XVII в. мы знаем, что графиня Эрдендел обращала в католичество домохозяев и соседей – она стремилась обратить тех бедняков, которым оказывала медицинскую помощь. Объектами «миссионерской деятельности» Дороти Лаусон стали ее дети и родственника, муж, слуги и соседи. Причем в последнем случае биограф подчеркивает, что Дороти выполняла всю подготовительную работу, включая чтение и обсуждение богословских книг, в том числе полемических²⁸.

Таким образом, книги, о которых шла речь выше, оказывались поистине незаменимыми. Стоит отметить, что миряне и мирянки в своих наставлениях использовали не только переводы на английский, но и латинские тексты, что непосредственно связано с распространением грамотности (в том числе латинской) среди элиты. Женщины-дворянки во многих случаях также оказывались способными читать на латыни. Во всяком случае, хроники английских женских монастырей на континенте (в частности, хроника конвента Св. Моники, Лувен) пестрят сообщениями о том, что отцы и братья монахинь позаботились о том, чтобы научить их латыни²⁹. Знание

²⁷ Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории Вып. 12. М., ИВИ РАН, 2006. С. 130-132.

²⁸ Там же. С.137-138. См. также Rowlands M. Recusant Women, 1560-1640 // Women in English Society 1500-1800 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 149-180; Eadem. Harbours and Housekeepers. Catholic Women in England, 1570-1720 // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570-1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 103-122.

²⁹ О хронике конвента Св. Моники см. The Chronicle of the English Augustinian Canonesses Regular of the Lateran at St Monica's in Louvain. / Ed. by A. Hamilton. 2 Vols. Edinburgh, 1904-1906; Grundy I. Women's History? Writing by English Nuns // Women, Writing, History, 1640-1740 / Ed. by I. Grundy and S. Wiseman. L., 1992. P.126-138; Latz D.L. Neglected Writings by Recusant Women. Part II: English Recusants. Elizabeth Shirley, Winifred Thimelby and Catherine Holland: Building in Medieval Mystics in the 17th c. // Neglected English Literature: Recusant Writings of the 16-17th centuries. Salzburg, 1997; Серегина А.Ю. Историописание

латыни женщинами имело немалое практическое значение для католических семей, и не только потому, что расширяло их возможности в области наставлений, но и потому, что парадоксальным образом освобождало от ответственности перед законом. Согласно принятым английскими юристами в XVII в. толкованиям антикатолических статутов, мировым судьям не рекомендовалось конфисковать и жечь богословские сочинения, принадлежавшие католикам-конформистам (тем, кто иногда присутствовал на протестантских богослужениях), даже если их жены-католички упорствовали в отказе посещать англиканские церкви. Причина заключалась в том, что книги, не относившиеся к агиографии и простым наставлениям, по своему содержанию или языку (латыни) не были понятны женщинам³⁰. Но здесь правовая теория далеко отстояла от практики. Женщины-католички были активными читательницами, наставницами, переводчицами и порой даже писательницами (среди них – родственницы Монтегю Агнес и Гертруда Мор, Мэри и Энн Перси, Энн Дормер, Барбара Констебл)³¹. Они же играли важную роль в качестве переписчиков, хранителей, импортеров, продавцов и распространителей католических текстов³².

Важная роль женщин (особенно замужних) в религиозном образовании, да и в других сферах жизни английского католического сообщества во многом объяснялась их юридической неполноправностью в глазах закона. Замужняя женщина не несла ответственности за свои действия (если она не совершала при этом тяжкого уголовного преступления). Она же считалась и интеллектуально неполноценной. Такая «неполноценность» защищала семью от преследований и давала женщинам возможность действовать на благо гонимой общины, поэтому активность женщин-католичек, в том числе и образовательная, в XVI и XVII вв. постоянно поощрялась католическим духовенством.

в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 19. М., ИВИ РАН, 2011. С. 124-137.

³⁰ Dolan F.E. Reading, Work, and Catholic Women's Biographies // English Literary Renaissance. Vol. 33. 2003. P. 328-357.

³¹ Rowlands M. Harbourers and Housekeepers. P.201, 205.

³² Brown N.P. Paperchase: The Dissemination of Catholic Texts in Elizabethan Period // English Manuscript Studies, 1100-1700. Oxford, 1989. P. 120-143; Rostenberg L. The Minority Press and the English Crown: A Study in Repression, 1558-1625. Nieuwkoop, 1971.

Вторжение женщин в литургическую сферу. Крещение младенцев вскоре после родов.

Закон предписывал крещение детей в приходской церкви, совершенное приходским священником. В начале царствования Елизаветы I – в 1560-начале 1570х гг. – среди приходских священников было немало таких, кто, формально приняв протестантизм, склонялся к «старой вере». Таких священников было относительно несложно убедить – или даже подкупить для этого – совершить католический обряд³³. Однако с течением времени старшее поколение священников естественным путем исчезло, уступив свои места в приходах выпускникам университетов, являвшихся протестантами по убеждению. С их появлением в приходах (в 1570-х гг.) крещение в церкви подразумевало исключительно протестантский обряд.

Как уже отмечалось, католики имели большие сомнения относительно каноничности такого обряда. Католические священники, нелегально выполнявшие свои пастырские функции в Англии, обязаны были отговаривать католиков от подобных действий. Вместе с тем даже среди католического духовенства не было единого мнения относительно допустимости протестантского обряда. Так, в пособии по моральной теологии 1580-х гг. приводятся два варианта ответа на соответствующий вопрос. Один из них гласит, что если при совершении протестантского обряда не было зачитано некоего расширенного символа веры, включавшего в себя отрицание ряда положений католического учения (чего обычно не происходило), то в таком случае согласие родителей-католиков на крещение ребенка по протестантскому обряду не являлось грехом, хотя могло и вызвать скандал и соблазн в рядах католиков. Подразумевалось, что опущенные в протестантском обряде части (уже упоминавшаяся молитва запрещения злых духов) должна была быть восполнена католическим священником³⁴. Однако мнение лидера миссии кардинала Аллена было иным: позволить крестить ребенка по «еретическому» обряду значило совершить тяжкий грех³⁵.

³³ Haigh C. English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993. P. 256.

³⁴ Elizabethan Casuistry / Ed. by P. Holmes // CRS. Vol. 67. L., 1981. P. 99.

³⁵ Ibid.

На практике, впрочем, католические священники занимали более гибкую позицию, хорошо осознавая невозможное положение, в котором оказались миряне-католики. Так, в довольно распространенных ситуациях, когда женщина-католичка рожала ребенка в доме родственников-протестантов (женщины, особенно дворянки и богатые горожанки, предпочитали рожать детей – особенно первых – в родительском доме, окруженные заботой матери и/или сестер и других родственников), допускалась возможность протестантского крещения, поскольку в таком случае родители не могли полностью контролировать ситуацию. Но подобное допущение подразумевало грех, хотя и простительный, и в нем надлежало каяться; ребенок же должен был быть как минимум представлен католическому священнику, который читал над ним опущенные в протестантском обряде молитвы³⁶.

Руководства по моральной теологии, представляющие собой сборники ответов на вполне реальные вопросы, задававшиеся мирянами своим духовным наставникам, косвенным образом указывают и на другие варианты поведенческих стратегий. Так, в уже цитированном сборнике приводится вопрос: Может ли католик позволить крестить своих детей сначала дома, по католическому обряду, а потом отнести его в церковь еретиков с тем, чтобы над ним внешне совершили еретическую церемонию?³⁷ Речь, таким образом, идет о двойном крещении. Оно было возможно в двух вариантах; в первом случае католическое крещение дома предшествовало публичному совершению протестантского обряда, во втором же католическое крещение совершалось после протестантского, причем священник обязан был добавить формулу: «в случае, если ты не крещен [правильно], я крещу тебя... во имя Отца и сына и Святого духа». Подобная практика была известна еще со времен правления Марии Тюдор, когда в Англии впервые возник вопрос о том, каноничны ли крещения, совершенные по протестантскому обряду³⁸.

В условиях преследований сведения о том, как именно совершались запрещенные законом католические крещения, фиксировались редко; они отрывочны, и по ним практически невозможно

³⁶ Bossy J. English Catholic Community. P.134-135.

³⁷ Elizabethan Casuistry. P.99.

³⁸ Ibid. P.32.

производить подсчеты. Тем не менее, можно предположить, что первый вариант – католическое крещение дома и публично совершенный протестантский обряд – был особенно распространен в знатных католических семьях. Во-первых, они, как правило, обладали достаточным влиянием для того, чтобы держать в доме католических капелланов (замаскированных под секретарей, наставников детей и т.п.). Наличие священников подразумевало возможность совершить католический обряд «по требованию». Вместе с тем для дворян и в особенности титулованных аристократов крестины являлись одним из способов утверждения высокого социального статуса семьи, через включение ее нового члена не только в христианское сообщество, но и в круг пэров Англии. Необходимо было продумать состав гостей и крестных родителей ребенка, в число которых обычно включали влиятельных родственников (независимо от их конфессиональной принадлежности), и даже королеву.³⁹ А уж ее присутствие на церемонии подразумевало обязательное совершение протестантского обряда.

Практика двойного крещения, впрочем, была доступна далеко не всем католикам; она оказывалась неприемлемой для простолюдинов, которые в силу своего статуса вряд ли могли позволить себе содержать капеллана. В условиях гонений католики порой не видели священника месяцами, и быстрое совершение таинства крещения зачастую оказывалось невозможным.⁴⁰

Кроме того, каноничность двойного крещения изначально ставилась под сомнение католическими богословами. Официальной политикой миссии было поощрять крещения, совершенные в частных домах католическими священниками⁴¹. Родители при этом должны были столкнуться с последствиями своих действий: подвергнуться преследованиям, уплатить большие штрафы, а то и побывать в тюрьме. Кроме того, им надлежало еще изыскать возможность внести имена детей в приходский регистр, если они не желали лишить их наследства.

³⁹ *Cressy D. Birth, Marriage and Death. P.149-161; Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P.195-221.*

⁴⁰ *Bossy J. English Catholic Community. P.135.*

⁴¹ *Holmes P. Elizabethan Casuistry. P.35.*

Столкновение с законом в таких случаях делало католиков «видимыми» для историков, поскольку конфликты подобного рода рассматривались в суде и документировались. В данном разделе сопоставлялись сведения о наиболее «католических» районах Англии – Йоркшира, исследовавшегося Х. Эвелингом, и Сассекса. Такие случаи действительно имеются. Так, в 1580 г. Хью Мэнзуэлл был арестован в Йорке за то, что его ребенок был крещен в частном доме и, как подозревали власти, католическим священником. В том же году беременную католичку Энн Кук, содержавшуюся под стражей в городской тюрьме, выпустили из заключения на время родов, и взяли с ее семьи большой залог как гарантию в том, что она вернется в тюрьму, а новорожденный будет крещен в церкви. В 1584 г. аналогичное обязательство в отношении своего еще нерожденного ребенка был вынужден дать суконщик Джордж Холл. В 1599 г. Томас Баркер и его жена Томазина отказались крестить ребенка в приходской церкви. Тогда же в тюрьму была отправлена известная католичка Энн Пул, ребенок которой не был крещен по англиканскому обряду. А в 1640 г. в ходе визитации архиепископа выяснилось, что дети Джона Редмана не были крещены в его приходской церкви, так же, как и ребенок Джона Хемсуорта⁴². Примеров из Сассекса, а точнее, из приходов, патроном которых являлись Монтегю, и того меньше. Осенью 1621 г. церковные старосты прихода Мидхёрст сообщали, что дети Ричарда Шеперда, а также Николаса Данкелла не были крещены в церкви⁴³. А в 1622 г. представителям епископа было сообщено о Томасе и Агнесс Смит из прихода Коккинг – известных католиках, несколько раз уже представавших перед судом за отказ от причастия (в приходской церкви). Они не крестили своего новорожденного ребенка в церкви, и соседи подозревали, что крещение совершил католический священник⁴⁴.

Удивляет не само наличие подобных случаев, а, скорее, тот факт, что их было так мало. Ведь после принятия статута 1606 г., вводившего штраф за тайное крещение, епископы в своих инструкциях для визитаций предписывали своим представителям особо

⁴² *Aveling H., O.S.B. Catholic Recusancy in York, 1558-1791// CRS. Monograph Series. Vol. 2. St Albans, 1970. P. 193-98, 214, 241.*

⁴³ West Sussex Record Office (далее – WSRO), Ep I/23/8. F.14.

⁴⁴ *Ibid.* F.18, 22

расспрашивать обо всех случаях крещений, совершавшихся вне церкви (Кентгерберн, 1605; Йорк, 1607, 1628-9; Лондон, 1605, 1612, 1640; Бат и Уэллс, 1606; Линкольн, 1607, 1634; Дарэм, 1607; Лестер, 1613; Норич, 1619; Глостер, 1612, 1622; Солсбери, 1635, Оксфорд, 1619; Чичестер, 1628; Бристоль, 1631; Бангор, 1634; Херефорд, 1635; Сент-Асаф, 1637)⁴⁵. И тем не менее, случаи крещения вне церкви единичны, тогда как списки католиков, отказывавшихся присутствовать на протестантской литургии и готовых платить за это имуществом и свободой, состояли из сотен, если не тысяч имен. Но имена их детей в подавляющем большинстве случаев оказывались включенными в приходские регистры в разделе крещений. Как они туда попадали?

Кому-то удавалось добиться внесения имен детей в регистр, подкупив приходского священника и церковных старост⁴⁶. Но подобный вариант действий требовал как минимум наличия значительных средств и влияния в приходе и поэтому был недоступен католикам-простолюдинам. Кроме того, подобные ситуации вызывали подозрения соседей, поэтому шансы на то, что кто-либо из них донесет властям, также были весьма высоки.

Однако существовал и еще один путь, открытый для всех: крещение, совершенное мирянами. Учение католической церкви утверждало необходимость крещения для спасения души, так как оно смыкает первородный грех. Поэтому в средние века детей предпочитали крестить вскоре после рождения (Флорентийский собор, канон от 4 февраля 1442 г.). Это же правило сохранялось и в пост-Тридентскую эпоху. Совершить таинство в случае необходимости мог любой – священник, если таковой оказывался в пределах досягаемости, повитуха, один из родителей (отец), посторонний, даже еретик или не-христианин (Тридентский собор, сессия 7 (3 марта 1547 г.), декрет 1 о таинствах). Главным в данном случае оказывалась не личность совершавшего таинство, а его/ее намерение «сделать то, что делает церковь» и произнесение правильной формулы: «Я крещу тебя ... во имя Отца, Сына и Св. Духа». Если ребен-

⁴⁵ Visitation Articles and Injunctions of the early Stuart Church / Ed. by K. Fincham. Vol. I. Woodbridge, 1994. P. 4, 26, 39, 55, 70, 100, 122, 137, 157, 188, 204; Vol. II. Woodbridge, 1998. P. 24, 35, 56, 85, 116.

⁴⁶ Bossy J. English Catholic Community. P. 134.

нок выживал, повитуха или крестные приносили ребенка в церковь, где священник читал молитву запрещения злых духов.

Англиканская церковь признавала практику совершения обряда крещения мирянами, а традиционная формула крещения вошла в Книгу Общих Молитв. В случае крещения ребенка дома (мирянном) повитуха должна была принести затем младенца в церковь и, стоя на пороге, дать клятву в том, что ребенок был крещен ею (или кем-либо еще в ее присутствии) дома, так как имелась угроза для его жизни. После этого пастор благословлял ребенка и вносил имя в приходский регистр⁴⁷.

Отношение церкви – и католической, и англиканской – к подобной практике оставалось двойственным. Протестантские богословы-англичане могут быть поделены на несколько групп, в зависимости от их принадлежности к тому или иному течению богословской мысли. Те из них, кто считал крещение необходимым условием спасения души, были склонны допускать совершение таинства мирянами в крайних обстоятельствах, однако многие из них возражали против того, чтобы таинство совершалось женщинами. Другие же считали крещение лишь внешним знаком вхождения младенца в сообщество верующих и настаивали на публичной церемонии, которая обязательно должна была совершаться в церкви. Несмотря на продолжительные споры, практика крещения мирянами сохранялась в Англии до XIX в.⁴⁸

Католическое духовенство также неоднозначно относилось к данной практике. У канонистов-католиков возникало два вопроса: один, как и у многих протестантов, касался факта совершения таинства женщинами. Второй же затрагивал другой аспект проблемы. Что именно можно было считать крайними обстоятельствами? Случай, когда ребенок рождался слабым, и возникали опасения за его жизнь, был достаточно очевидным. Но можно ли было считать крайним обстоятельством угрозу для души ребенка – а именно, перспективу претерпеть протестантское крещение? В руководствах по моральной теологии, предназначенных для студентов английских

⁴⁷ *Coster W.* Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England. Aldershot, 2002. P.68-70.

⁴⁸ *Cressy D.* Birth, Marriage, and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford, 1997. P. 117-123.

семинарий говорилось, что миряне могут совершить крещение, только если ребенку угрожает смерть. Во всех остальных случаях родители были обязаны обеспечить ему католическое крещение и смириться с последствиями⁴⁹. На практике, однако, подход католических священников оказывался более гибким. А крещения, совершенные мирянами, стали весьма распространенным способом выхода из ситуации.

Джон Босси утверждал, что мирянам до XVIII в. было неизвестно правило, допускавшее крещения, совершенные любым мирянином (в том числе отцом), а не только повитухой⁵⁰. Это утверждение некорректно. Известен ряд подобных случаев (хотя Босси, возможно, о них и не знал). Одним из них было крещение вторым виконтом Монтегю его старшей дочери Мэри в 1594 г. Тем не менее, таких эпизодов немного. Причиной тому не только – и не столько – незнание канонического права, сколько вполне прагматические соображения. Мирянин должен был совершить крещение быстро, практически сразу после рождения ребенка. Ведь если рождение и крещение отстояли друг от друга по времени, совершавшему обряд трудно было утверждать, что ребенок был крайне слаб и мог умереть. А сразу после рождения ребенок был окружен женщинами – повитухами, родственницами и подругами (или даже патронессами) матери, пришедшими помогать принимать роды (обычная для средних веков практика благотворительности)⁵¹. Мужчине в первое время практически не было доступа в этот женский мир, а его попытка вмешательства немедленно вызывала нежелательный интерес властей.

Поэтому в большинстве случаев крещения мирянами обряд выполняли повитухи или другие женщины из числа присутствовавших при родах. Власти осознавали, как трудно контролировать такие крещения. Ведь не было никакой возможности проверить, на самом ли деле ребенок находился при смерти, и как именно протекал обряд крещения (не произносились ли католические молитвы). Поэтому всех английских повитух обязали получать лицензию у епископа и приносить клятву в том, что они будут крестить детей в

⁴⁹ Elizabethan Casuistry. P.35.

⁵⁰ Bossy J. English Catholic Community. P.135.

⁵¹ Cressy D. Birth, Marriage, and Death. P.55-79.

соответствии с предписаниями Книги Общих Молитв, и только в случае крайности. На практике же подавляющее большинство повитух работало без лицензии, что выявила, например, епископская визитация 1579 г. в Сассексе (Чичестерская епархия)⁵². Часть из них не желала приносить клятву, содержащую отрицание католического учения. И практически все они не желали платить довольно большой взнос за лицензию.

Что же касается других женщин, оказывавших помощь при родах, то поскольку они не зарабатывали этим на жизнь, то и не нуждались в лицензиях. Таким образом, контролировать их было совершенно невозможно. Биографии женщин-католичек свидетельствуют о том, что оказание помощи при родах было распространенной практикой. Примечательно, впрочем, что, говоря об этом, биографы – католические священники – не упоминают о совершении обряда крещения. О совершенных ими крещениях мы, как правило, узнаем из других источников⁵³.

Крещения, совершенные женщинами-католичками, были, по всей видимости, широко распространены. Однако провести точные подсчеты трудно из-за особенностей источников. Упоминаний о подобных крещениях много, но они рассыпаны по различным текстам и порой случайны. Официальные документы не учитывали подобные случаи (собственно, в этом и был весь смысл практики), приходские регистры, как правило, не делали различия между детьми, крещеными в церкви или дома⁵⁴. Лишь иногда (после 1606 г., и то далеко не всегда) подобные ситуации упоминаются в материалах визитаций. В силу этого обстоятельства ряд историков (например, Билл Костер и Джон Босси) считали случаи крещения женщинами редкими и нетипичными⁵⁵. Подобная оценка, как представляется, некорректна. Ведь сведения, предоставляемые материалами визитаций – лишь верхушка айсберга; большая же часть крещений, совершенных женщинами, не фиксировались.

⁵² Ibid. P.67-68.

⁵³ Подробнее см. Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения. С. 143-144.

⁵⁴ Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 68.

⁵⁵ Bossy J. English Catholic Community. P. 135; Coster W. Baptism and Spiritual Kinship. P. 69.

В католических источниках (клерикального характера) тоже не спешили описывать подобные случаи. Причиной тому – как сомнения в каноничности таких крещений, так и часто раздававшийся в адрес религиозных меньшинств упрек в том, что они подрывают общественный порядок и семейные устои, а женщины в их общинах выходят из-под контроля. Поэтому католические полемисты в своих сочинениях предпочитали рисовать идеальную картину отношений мирянок и клириков, где первые во всем подчиняются последним и уж точно не вторгаются в область сакрального – совершения таинств⁵⁶. Тексты же, не предназначавшиеся для публикации и не носившие полемического характера (например, хроники английских женских монастырей на континенте, обычно содержавшие сведения о происхождении монахинь и об их семьях) подробно рассказывают о подобных случаях, более того, описывают ситуации, когда повивальные бабки стараются обратить роженицу в католичество, а потом крестят ребенка⁵⁷. И на практике подобная «аномалия» поощрялась католическим духовенством, т.к. она обеспечивала жизнеспособность католического сообщества в условиях преследований. Крещение, совершенное женщиной, оставляло родителям пространство для маневра. Ведь формула крещения, совершавшегося мирянином/мирянкой, была, по сути, не-конфессиональной, приемлемой и для католиков, и для протестантов. Впоследствии такое крещение могло по желанию родителей быть дополнено молитвами запрещения злым духам, так что ребенка можно было считать настоящим католиком. Одновременно этот ребенок без затруднений вписывался в приходский регистр и становился членом местного сообщества – прихода.

В окружении Монтегю также практиковались крещения, совершенные женщинами. В Мидхёрсте были повитухи-католички, способные помочь родителям избежать протестантской церемонии⁵⁸. Кроме того, леди Магдален Монтегю, супруга первого викон-

⁵⁶ Подробнее см. *Серегина А.Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI–XVII вв. // *Адам & Ева.* Вып. 15. М., ИВИ РАН, 2008. С. 52–99.

⁵⁷ Подробнее см. *Серегина А.Ю.* Историописание в женских монастырях. С. 119–147.

⁵⁸ *McCann T.* “The Known Style of a Dedication is Flattery”: Anthony Browne, 2nd Viscount Montague of Cowdray and His Sussex Flatterers // *Recusant History* (далее – RH). Vol. 19. 1988. P. 398.

та, оказывала помощь при родах служанкам и дамам своей свиты и совершала обряд крещения в случае необходимости, с благословения своего духовника, Албана Лэнгдэйла. Об этом упоминал на допросе в 1594 г. ее внук⁵⁹. Примечательно, однако, что об этом не говорится в ее биографии, составленной капелланом.

Женщины-мирянки и конструирование конфессиональной общины

Важной частью благочестивых практик английских католиков, в том числе, семейства Монтегю были молитвы розария. Эта благочестивая практика распространилась в Англии в XV – начале XVI вв., однако претерпела существенные изменения в пост-реформационный период. До Реформации розарий – т.е., цикл из пятидесяти молитв, соотносящихся с эпизодами из жизни Христа и Девы Марии, – был известен в Англии в двух редакциях: доминиканской и картузианской, и представлял собой распространенную форму приходской благочестивой практики. Распространение розария в католическом обществе конца XVI в. и позднейших эпох напрямую связано с деятельностью священников-миссионеров, и, прежде всего, иезуитов. Именно они стали создавать братства розария при каждой своей коллегии. Братства объединяли преподавателей и учеников, а также и горожан в совместном почитании Девы Марии. Они использовали унифицированный доминиканский вариант розария.

Братства розария, создававшиеся иезуитами в Англии, были приспособлены к местным условиям. Так, из специально написанного иезуитом Генри Гарнетом руководства «Общество розария» (1593 г.) явствует, что если в континентальных католических странах братство розария должно было иметь свою часовню или алтарь, то в Англии такой часовней становился просто дом католиков⁶⁰, а членом братств мог стать любой католик, богатый или бедный, – членского взноса не существовало, а членство было пожизненным. Из соображений безопасности списки членов братств уничтожались сразу по составлению (эта практика существовала до середины XVIII в.)⁶¹.

⁵⁹ British Library, Harleian MS 6998. F. 143.

⁶⁰ Garnet H. The Societe of the Rosary. L., 1593.

⁶¹ Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580-1700 // History. Vol. 88. 2003. P. 451-471.

Но если на континенте эта практика охватывала и мужчин, и женщин, то в Англии она распространялась, в основном, среди женщин и/или через них. Леди Монтегю прочитывала молитвы розария трижды в день⁶², как это и предписывалось членам братства розария; ее примеру вполне могли следовать дамы ее свиты и домохладцы. Известно, что братства розария существовали в домах ее родственниц (Дороти Лаусон, графиня Эрендел)⁶³.

Братства розария были призваны наставлять верующих, и через их посредство до английских католиков доносились нормы пост-Триденского благочестия. Так, сочинение Гарнета предоставляет читателям доступное изложение учения о непорочном зачатии Девы Марии, а также признанное собором толкование Воплощения и Искупления и ее роли в нем. Кроме того, Дева Мария предстает здесь не только как милосердная мать-заступница (что типично для средневековья), но скорее как Победительница, торжествующая над ересью. Этот образ появился после того, как Пий V, призвав к крестовому походу против турок, обратился к заступничеству Богородицы. После победы над турками при Лепанто (1571 г.) образ Марии-победительницы широко распространился по Европе. Розарий в его пост-Триденском виде непосредственно апеллировал к этой идее. Так, Генри Гарнет именовал его «древним средством ... искоренения ереси»⁶⁴. Неслучайно в иезуитских коллегиях в братства объединялись будущие миссионеры, призванные противостоять ей. Так, братства розария соединяли в себе общинный ритуал, наставление в вере и проповедь истинной веры против ереси⁶⁵.

Аскетические традиции, связанные с постами, менялись гораздо медленнее, по сравнению с благочестивыми практиками. Биограф леди Монтегю сообщает, что она придерживалась строгих правил соблюдения постов, распространенных в Англии в средние века. Они подразумевали большое количество постных дней в году – Рождественский пост (адвент), Великий пост перед Пасхой, пепельные дни (среда, пятница и суббота пепельных недель – четвер-

⁶² *Smith R.* Life of Lady Montague. P. 32.

⁶³ *Серегина А.Ю.* «Смирение и покорность». С. 130-132.

⁶⁴ *Garnet H.* The Societic of the Rosary. P. 8. См. также *Dillon A.* Praying by Number. P. 465-466.

⁶⁵ *McClain L.* Using What's at Hand: English Catholic Reinterpretations of the Rosary, 1559-1642 // *Journal of Religious History.* Vol. 27. 2005. P.161-176.

той недели адвента, второй недели Великого Поста, недели после Троицы и третьей недели сентября, после Воздвижения Креста), дни молебнов (25 апреля и три дня после Вознесения), кануны праздников (Троицы, дня Всех Святых, Рождества, дня Непорочно-го зачатия и Успения), а также пятницы и среды в течение всего года. В эти дни верующим предписывалось воздерживаться от мяса, молока и яиц и есть всего один раз в день.

Виконтесса Монтегю придерживалась старых правил, которые ее капеллан вежливо назвал «благочестивым обычаем страны»⁶⁶. Однако описание постов создает впечатление напряженности между виконтессой и ее духовником, в глазах которого – как и других миссионеров – подобные аскетические практики были излишними, внешними достижениями, отвлекавшими верующего от дела обращения души к Богу. В лучшем случае строгость поста могла служить проявлением действия благодати, но заслугой как таковой не являлась. Ричарду Смиту пришлось потрудиться, убеждая леди Монтегю в том, что строгое соблюдение постов – отнюдь не главная часть ее религиозной жизни. Используя предписание врача, он заставил пожилую даму есть мясо в постные дни, причем виконтесса сопротивлялась, опасаясь подать дурной пример внукам, которые не страдали слабым здоровьем и могли, соответственно, поститься по всем правилам⁶⁷.

Эти правила соблюдались и десятилетия спустя, так что влияние виконтессы на детей и родственников неоспоримо. Ее племянница, графиня Эрндел постилась так же, во время постов воздерживаясь от мяса и вкушая пищу раз в день. Только настояния врача и капеллана-иезуита заставили ее отказаться от строгих правил, и то лишь когда дама достигла почтенного возраста 72 лет⁶⁸.

Таким образом, в период до начала Гражданской войны, несмотря на все усилия миссионеров, католические семейства продолжали придерживаться обычаев предков в том, что касалось постов. Сведения о Монтегю в данном случае подтверждают выводы, сделанные Джоном Босси на другом материале⁶⁹. Однако не стоит считать, что речь здесь идет исключительно об упрямом желании

⁶⁶ *Smith R. Life of Lady Montague. P. 32: 'pious custome of the country'.*

⁶⁷ *Ibid. P. 24-25, 33.*

⁶⁸ *Life of Anne Dacres, Countess of Arundel. L., 1877. P. 206-207.*

⁶⁹ *Bossey J. English Catholic Community. P. 109-115.*

цепляться за старину. Практики и ритуалы, связанные с постами, служили важными маркерами религиозной жизни католиков. Они служили способом ритуальной сегрегации католиков, отделяя их от протестантского окружения,⁷⁰ но также и объединяли католиков между собой. Посты были коммунальной практикой, ведь их придерживались все члены семьи (как в случае Монтегю); эти же правила соблюдались и другими католиками, тем самым объединяя их в масштабах всей страны и связывая с поколениями умерших католиков. Так конструировалась община верующих.

Благочестивые практики английских католиков XVI–XVII вв. явно свидетельствовали о значительной степени интериоризации ими религии. Однако в отличие от многих континентальных стран, те же самые практики, которые там оставались в большей степени индивидуальными, в Англии были пересмыслены и – хотя бы в некоторых аспектах – превратились в способы замещения утраченной культуры коммунального христианства, и конструированием новой общины верующих, границы которой определялись не столько принадлежностью к местной общине (=приходу), сколько объединенных общим литургическим опытом и благочестивыми практиками.

Роль английских монахинь в религиозной культуре их соотечественников-католиков

Мотивы, определявшие решение католичек вступить в одну из английских монашеских общин, существовавших на континенте (во Фландрии, Португалии и Франции) после 1598 г., были многослойными. Помимо искреннего религиозного чувства, наличие которого вряд ли можно отрицать, их семьи и они сами руководствовались практическими соображениями. Даже большой вклад в монастырь был меньше, чем приданое, которое подобало дочери титулованного аристократа, так что, управляя одну или нескольких дочерей в монастырь, католические семьи экономили средства. Для самих девушек монастырь оказывался альтернативой браку, в который далеко не все горели желанием вступить – как из-за строгого религиозного воспитания, так и из-за страха перед родами, смертность от которых оставалась очень высокой. И, наконец, женские монаше-

⁷⁰ McClain L. Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559-1642. Chicago, 2004. P. 61.

ские общины давали женщинам возможность реализации своих амбиций, властных и/или интеллектуальных в сотрудничестве с мужчинами, но и в относительной независимости от них. Многие монахини из клана Монтегю реализовали свои управленческие способности в жизни монашеских общин.

Проявление талантов монахинь не ограничивались монастырскими стенами, ведь, несмотря на правило затвора, обители были связаны множеством нитей с окружающим миром – как с патронами и собратьями-эмигрантами на континенте, так и с единоверцами на родине. Само возникновение и существование монастырей за границей требовало постоянного взаимодействия с патронами из числа представителей местных элит – знати и высокопоставленных клириков, а также англичан-эмигрантов с хорошими связями.

Самыми щедрыми и влиятельными покровителями английских конвентов были правители Нидерландов эрцгерцог Альберт и инфанта Изабелла (1698-1633). Оба они поддерживали политику реформирования католической церкви в своих владениях и оказывали помощь католикам из протестантских стран Северной Европы – Англии, Шотландии, Ирландии и Северных провинций Нидерландов. Инфанта финансировала основание многих английских конвентов, дарила им богослужебную утварь, побуждала придворных делать пожертвования, порой вмешивалась в дела управления обителями и регулярно их посещала. Одной из любимых ее обителей был бенедиктинский монастырь в Брюсселе. Инфанта оказывала финансовую помощь монахиням, вступавшим в орден, регулярно посещала монастырь и общалась с сестрами⁷¹.

Исповедник инфанты, Андрес де Сото, управлял провинцией английских францисканцев, и именно под его руководством в Брюсселе возник английский конвент францисканок – в 1621 г., когда после смерти мужа сама инфанта решила принести обет терциария этого ордена. Конвент был посвящен Св. Елизавете – покровительнице инфанты⁷².

⁷¹ *Arblaster P.* The Infanta and the English Benedictine Nuns: Mary Percy's Memories in 1634 // *RH*. Vol.23. 1997. P. 508–527; *Idem.* The Archdukes and the Northern Counter-Reformation // *Albert and Isabella, 1598-1621: Essays* / Ed. by W. Thomas and L. Duerloo. Turnhout, 1998. P. 87-92.

⁷² *van Wyhe C.* Court and Convent: the Infanta Isabella and her Franciscan Conventor Andres de Soto // *Sixteenth-Century Journal*. Vol.35. 2004. P. 420-423.

«Хроника» августинского конвента Св. Моники показывает, как монахини обретали высокое покровительство. Когда в 1606-1609 гг. монахини-англичанки конвента Св. Урсулы в Лувене добивались основания отдельного английского конвента, сестры задействовали своих влиятельных родственников. Маргарет Клемент заручилась поддержкой племянника, Сезара Клемента, генерального викария армии Испанских Нидерландов и настоятеля собора Св. Гудулы в Брюсселе, который фактически представлял общину в ее переговорах с церковными властями всех уровней⁷³. При этом монахини представляли собой связующее звено между влиятельными патронами в Нидерландах и английскими аристократами-католиками. Так, жизнь общины поддерживали своими вкладами леди Элинор Бруксби (урожденная Вокс), леди Питер (Кэтрин Сомерсет) и графиня Эрденел (Энн Дейкр)⁷⁴.

В свою очередь, монахини, имея не прямой доступ к брюссельскому двору, могли оказывать помощь своим родственникам и единоверцам в случае необходимости. Не чуждались они и политической деятельности, хотя она по большей части пришлась на конец 1640-х – 1650-е гг., когда английский королевский двор в изгнании проживал во Франции и Голландии⁷⁵.

Хотя и находясь за пределами Англии, монахини играли важную роль в жизни католического сообщества. В английских конвентах существовали школы для девочек-мирянок и послушниц, не все из которых становились впоследствии монахинями. Таким образом, они готовили новое поколение жен и матерей-католичек. В образовательной деятельности непосредственно участвовали монахини из рассматриваемой здесь группы (Бриджет Мор, Мэри и Маргарет Роупер, Мэри Невилл).

Монастыри, кроме того, оказывали гостеприимство своим соотечественникам. Они предоставляли убежище дамам-католичкам –

⁷³ The Chronicle of the Convent of St Monica. Vol. I. Edinburgh, 1904. P. 66.

⁷⁴ Ibid. P.78

⁷⁵ Bowden C. The Abbess and Mrs Brown: Lady Mary Knatchbull and Royalist Politics in Flanders in the late 1650s // RH. Vol. 24. 1999. P.288-308; Walker C. Loyal and Dutifull Subjects: English Nuns and Stuart Politics // Women and Politics in Early Modern England, 1450-1700 / Ed. by J. Daybell. Aldershot, 2004. P. 228-242; Eadem. Prayer, Patronage, and Political Conspiracy: English Nuns and the Restoration // The Historical Journal. Vol. 43. 2000. P. 1-23.

вдовам, желавшим приобщиться к монашеской жизни (например, Грейс Бабторп), или женщинам, желавшим временного уединения в молитве. Таким образом, они приобщали их к пост-Тридентскому монашескому благочестию, тем самым способствуя распространению его норм в Англии. Наконец, монастыри оказывали гостеприимство эмигрантам (особенно в период Гражданской войны, вытолкнувшей многих католиков из страны) и путешественникам. Среди последних были как католики – зачастую родственники монахинь – так и протестанты. В последнем случае монахини пытались (порой успешно) обратить своих гостей в католичество, беря на себя роль миссионеров⁷⁶.

Наконец, монахини воздействовали на своих единоверцев и другими способами. Во-первых, английские конвенты на континенте служили образцами благочестивой жизни для католических семей, а сами монахини активно помогали распространению новых форм благочестия. Примером здесь могут служить братства розария, о которых уже шла речь выше. Такие братства существовали во многих конвентах – например, в бенедиктинских монастырях в Камбре и Генте, в конvente Св. Моники и др. Монахини воспитывали учениц своих школ в соответствующем духе, а также поощряли создание братств розария в Англии, порой даже посылая своим родственникам четки⁷⁷.

Новые формы благочестия пропагандировались и в письменной форме. И здесь роль монахинь была велика. Они были патронессами, порой заказывавшими переводы наставительных сочинений, а порой получавших посвященные им труды в дар. При этом аудитория таких сочинений не ограничивалась стенами монастырей, хотя бы потому, что сами монахини распространяли эти тексты среди друзей и родственников⁷⁸.

Обычно подобные опубликованные переводы посвящались главам монашеских общин – аббатисам клариссинок из Гравлина Маргарет (1582/5-1654) и Элизабет Рэдклифф, и Элизабет Тилдели (1586-1654), приорессе дочерней обители в Сент-Омере Мэри Гуч,

⁷⁶ Walker C. *Priests, Nuns, Presses and Prayers: The Southern Netherlands and the Contours of English Catholicism // Catholic Communities in Protestant States*. P. 144-146.

⁷⁷ Ibid. P.151.

⁷⁸ Rowlands M. *Harbourers and Housekeepers* P. 201-202.

настоятельница обители Св. Моники в Лувене Дороти Клемент; аббатисам бригеттинского монастыря Сион, Кэтрин Палмер и Барбаре Уайзмен (ум. 1649); аббатисам английских бенедиктинок в Брюсселе Джоан Беркли (1555-1616) и Мэри Перси (1570-1642), и настоятельницам английских аббатств в Камбре и Генте леди Фрэнсис Гауэн (ум. 1629) и Люси Натчбулл (1584-1629), а также леди Ловелл⁷⁹.

Однако многие монахини сами были авторами и переводчиками. В последнем случае переводы благочестивых сочинений, как правило, издавались, так как они предназначались для католиков-мирян в Англии. Таким переводчиком была аббатиса Мэри Перси. Ею был переведен в 1612 г. сборник сочинений итальянской визионерки Изабеллы Кристины Беллинзаги. Этот перевод обрел большую популярность и выдержал 4 переиздания (1625, 1628 и 1632 гг. [дважды])⁸⁰.

Писателями и переводчиками были и сестры Мор в бенедиктинских обителях Парижа и Камбре. Гертруда Мор была автором трактата о божественной любви (*Confessio Amantis*), а также и других наставительных сочинений, известных в рукописных фрагментах. Они послужили основой сочинений ее исповедника, отца Серена Кресси, посвященных ей самой и ее благочестивым практикам. Отец Кресси издал также *Confessio Amantis* (Париж, 1658 г.), посвятив текст сестре автора Бриджет Мор. Наконец, Грейс Мор (Камбре) перевела трактат о божественной любви французской августинки Жанны де Камбре. Мэри Перси также составляла благочестивые наставления (*Innocenty Justified and Insolence repressed*), оставшиеся в рукописи.

Монахини распространяли и сочинения средневековых английских мистиков, в частности, «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской. Текст «Откровения» был известен в рукописях, средневековых и копиях XVII в., изготовленных либо монахинями, либо их родственницами в Англии. Первое печатное издание «Откровения» появилось в 1670 г.; оно было сделано монахом-бенедиктинцем Сереном Кресси, капелланом монастыря английских бенедиктинок в Париже. Аудитория рукописей была более ог-

⁷⁹ Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – начала XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.32. М., 2010. С. 39-40.

⁸⁰ Там же. С. 37.

раниченной по сравнению с печатными изданиями, однако существуют свидетельства, подтверждающие факт циркуляции рукописей между родственницами – монахинями разных монастырей (и орден) и мирянами в Англии. Так, «Хроника» конвента Св. Моники свидетельствует о знакомстве ее составительницы с «Откровением» до 1660 г., то есть, задолго до издания этого сочинения. Однако глава парижского аббатства, Бриджет Мор – одна из потомков Томаса Мора – была связана узами родства с монахинями Св. Моники (прежде всего, с Маргарет Клемент), так что вполне возможно предположить, что монахини из Лувена могли получать рукописи от своих родственниц и знакомых из Парижа⁸¹. А рукопись наставлений Мэри Перси нашла свой путь в Англию (сейчас она хранится в Британской библиотеке в Лондоне).

Наконец, монахини были и историографами, авторами отдельных биографических сочинений и хроник. Так, Дороти Эренделл составила Житие мученика, отца Корнелиуса – священника, пользовавшегося покровительством многих ее родственников, включая членов семьи Монтегю. А Мэри Невилл стала автором «Анналов пяти общин английских бенедиктинок», повествовавшим о первых годах существования воссозданных бенедиктинских монастырей за границей.

Женские монастырские хроники трудно отнести к одному жанру, поскольку эти произведения были эклектичными, соединяя в себе несколько жанров. В них переплетались биографии (sisterbooks), религиозные наставления, повествования о чудесах (например, обретении мощей), тегогiа, истории института (монашеской общины), с вкраплениями текстов документов, и др.

«Анналы» Мэри Невилл в большей степени представляли собой историю собственно монашеской общины в Нидерландах, поскольку регистр монахинь в бенедиктинских обителях велся отдельно. Однако в последнем всегда предоставлялись сведения о семьях монахинь (с разной степенью подробности), обозначая тем самым связь монашеской общины с единоверцами на родине. А «Хроника» конвента Св. Моники предоставляет гораздо больше места рассказу о родственниках и друзьях монахинь (не обязательно патронах монастыря), словно бы встраивая их историю в историю английского католического сообщества. Таким образом, «Хро-

⁸¹ Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях. С.133-134.

ника» является и *memoria*, но не по отношению только к общине и патронам, но и ко всем английским католикам, а конвент Св. Моники – хранителем памяти обо всех единоверцах на родине.

Подчеркивание связи монастыря с Англией было принципиально важным для авторов «Хроники». В конце концов, основной функцией текста было формирование идентичности конвента, который и возник-то как *английская* обитель (в противопоставлении голландской). Обстоятельства его возникновения, а также тот факт, что община была вынуждена существовать за границей, в иноязычной среде, делала связи с английской католической общиной жизненно важными. Были они важны и для престижа самой обители у единоверцев на родине. Ведь конвент Св. Моники – а также и другие обители, где составлялись хроники или анналы – то есть, все английские монастыри – были не только духовными центрами английского католического сообщества, но и хранили память о нем⁸².

Выдающаяся роль женщин – мирянок и монахинь в религиозной жизни католического сообщества XVI–XVII вв. вряд ли можно отрицать. Необходимо также подчеркнуть, что проанализированные выше виды деятельности женщин носили, по сути, публичный характер. Таким образом, к их описанию вряд ли можно прямолинейно применить теорию разделенных сфер, и они заслуживают более подробного объяснения, нежели броский и, по сути, ничего не проясняющий ярлык «католический матриархат», данный им Босси.

Мне представляется, что здесь уместнее говорить о публичной роли женщин в рамках конфессионального сообщества, подвергающегося гонениям. Во-первых, противопоставление частного и публичного пространства вообще весьма условно, когда речь идет о религии и религиозных преследованиях. Во-вторых, в случае с английскими католиками XVI – начала XVII вв. частное пространство – дома католиков – трансформировалось, приобретя функции пространства публичного. Конечно, благочестивые практики домочад-

⁸² Об историописании и монастырях как хранилищах исторической памяти см. *Bowden C. Collecting the Lives of Early Modern Women Religious: Obituary Writing and the Development of Collective Memory and Corporate Identity // Women's History Review. Vol.19. 2010. P. 7-20; Eadem. The English Convents in Exile and Questions of National Identity, 1600-1688 // Emigrants and Exiles from the Three Kingdoms in Europe, 1603-1688 / Ed. by D. Worthington. Amsterdam, 2010. P. 297-314; Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях.*

Л.Л. СЕЛИВАНОВА

«БЕЛЫЕ ГОЛУБИ» И «МАТЕРЕОХВАЧЕННЫЕ» ГАЛЛЫ

*...чем неопределеннее и опаснее оказывается
история, тем чаще и с тем большей надеждой
взгляды обращаются к психологии.*

Эткинд А.М. Содом и Психея

Тема религиозного скопчества имеет много подходов: исторический, этнографический, философский, социологический, антропологический, религиоведческий, культурологический, медицинский и др. Это также благодатное поле для психоаналитических штудий. Лучшее всего этот феномен известен на примере русской секты скопцов, возникшей во второй половине XVIII в. Однако несмотря на большую литературу (богословскую, философскую, культурологическую, публицистическую, историческую, художественную) история скопчества (и вообще русского мистико-экстатического сектанства¹) изучена еще очень плохо. Строго научных работ по этой проблеме мало, а ее медицинская сторона по-прежнему остается в небрежении. И все они не дают удовлетворительного объяснения популярности и массовости скопческой ереси, а исторические прецеденты используются обычно в качестве общей отсылки, без анализа значения и сути этого обряда. Применительно к древней истории подходов в изучении этого вопроса еще меньше, что в первую очередь объясняется малой источниковой базой.

Скопчество возникло на Древнем Востоке: в Египте, Ливии, Персии, Индии, Ассирии, Вавилонии, Капподокии, Фригии. Кастраты упоминаются в Ветхом (Ис. 56) и Новом Завете (Деян. 8: 26–39). Римский историк IV в. Аммиан Марцеллин и церковные писатели приписывали введение обычая оскотления вавилонской царице Семирамиде, но он существовал уже в III тыс. до н.э. Никто лучше евнухов не мог охранять царские гаремы, не возбуждая ревности господина, и при этом оттенять своим уродством красоту и физическое здоровье его дочерей и жен. При

¹ К нему относятся христоверы (хлысты), скопцы и близкие им секты.

этом отношении к скопцам повсюду было негативным². Сами евнухи рассматривали свою ущербность не как богоугодное дело, а как несчастье³. Среди первых христиан были кастраты, но в «Правилах апостольских» оговорено:

«Кто сделается скопцом от человеческого насилия... или от врачей по болезни, или так родился, тот может быть в клире и... даже епископом, но кто скопил сам себя, тот, ежели клирик, извергается, самоубийца бо есть и враг Божия создания», а если мирянин – «отлучается от святых таин, ибо наветник есть своея жизни».

Константинопольский собор приравнял к убийцам тех, кто скопит или приказывает скопить⁴. С Востока обычай пришел в православную Византию. Чуждые иных страстей, кроме честолюбия и алчности, скопцы были чрезвычайно искусны в придворных интригах и нередко достигали звания государственных людей. Насильственному оскоплению подвергались дети опальных придворных, царские родственники, угрожавшие трону, а также военнопленные⁵ и преступники.

В средние века в Европе кастрация практиковалась в качестве пытки узников и казни преступников (особенно насильников). Врачи без колебаний лечили этим способом самые разные болезни: проказу, помешательство, эпилепсию, подагру, водян-

² Китайцы называли евнухов «старыми петухами», семья считала такого человека чужим и не хоронила на своем кладбище. В Древней Индии к евнуху относились хуже, чем к варвару: его приход предвещал несчастье, он не мог наследовать и присутствовать на церемониях в честь предков. У евреев скопцы не допускались к богослужению и лишались Царства Небесного: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Втор. 23:1). Греки и римляне презирали сограждан, наживающихся на торговле оскопленными мальчиками, полагая это недостойным (Hdt. VIII. 104–106).

³ Волков Н.Н. Скопчество и стерилизация. М.–Л., 1937. С. 23.

⁴ Мельников-Печерский П.И. Белые голуби // Собрание сочинений в 6 т. М., 1963. Т. 6. С. 259.

⁵ В Египте считали убитых врагов по отрубленным рукам и фаллам. Надпись под изображением Рамзеса III, наблюдающего за этими «трофеями» и пленными, гласит: «Враги из Ливии составляют 1000 человек, составляют 3000 рук, составляют 1000 необрезанных фаллов». Далее: «Итого необрезанных фаллов 12335». См.: Волков Н.Н. Скопчество. С. 23–25. И Давид принес царю Саулу краеобрезания 200 филистимлян, чтобы жениться на его дочери Мелхолье (1-я Царств. 18, 27).

ку, всякие воспаления. Долгое время кастрация считалась лучшим лекарством от грыжи. Оперировали в больницах и подпольно (деревенскими лекарями). В Византии в XII в. евнухи пели в церквях. С XVI в. в Италии, при молчаливом одобрении католической церкви⁶, на широкую ногу была поставлена кастрация мальчиков ради сохранения их «ангельского» голоса: так как мутации не происходило, голос оставался в диапазоне между альтом и сопрано. В папской хоровой капелле кастраты нередко делали головокружительную карьеру.

Но все эти примеры не связаны с религиозным фанатизмом, причины были сугубо мирскими. Первым христианином, оскопившимся по религиозным соображениям, был знаменитый церковный писатель Ориген (185–254 г.). По «Правилам апостольским» он не мог быть рукоположен, однако из уважения к трудам его на пользу церкви и ревности к вере, для него было сделано исключение. Но в 553 г. Пятый Вселенский собор в Константинополе осудил учение Оригена и предал его десяти анафемствованиям. Его ученик Валезий основал секту скопцов, пополняя ее обманом или насильем в основном вольноотпущенниками. Император Юстиниан издал декрет, обязывающий скопителей казнить, а имение конфисковывать, однако это не очень помогло. А валезиане впали в другие ереси.

Цель статьи – выяснить обстоятельства, причины появления и популярности этого странного ритуала, рассмотрев его в контексте религиозного энтузиазма, а также с медицинской точки зрения. Задача: найти сходство и различие, общее и особенное в древнем и новом обряде, для чего сравнить миф, фольклор и культовую практику в русском скопчестве XVIII–XX вв. и в древних культах умирающего и воскресающего божества на примере Атгиса. Будут рассмотрены: мифология, фольклор и религиозная практика скопчест-

⁶ Отношение католической церкви всегда был двойственным: с одной стороны, она запрещала женщинам петь в общественных местах, с другой, поощряла это занятие людьми «третьего пола», на словах осуждала операцию и тех, кто ее делал, а на деле использовала кастратов даже в начале XX в. Многие путешественники рассказывали даже о вывесках с надписями: «Здесь кастрируют мальчиков! Чисто и дешево!».

ва; ритуал оскотпления и его виды, хирургия, операционные, инструменты, снадобья; последствия операции; интерпретации практики: версии психологические и психиатрические.

Мифология, фольклор и религиозная практика скопчества

Ритуальное оскотпление характерно для многих восточных культов Богинь-матерей. Лучше всего оно известно в обрядах, посвященных малоазийской богине Кибеле. Великое женское божество Малой Азии имело множество имен: Великая Мать, Мать богов, Общая Мать, Potnia Theron, Кибела, Кибеба, Кубаба⁷, Ма, Амма, На-на и др. Ее отождествляли с Реей, Артемидой Эфесской, сирийской Атаргатис, фригийской Идейской Матерью, троянской Афродитой, персидской Анахитой, семитской Астартой, боспорской Афродитой Уранией, Апатурой и Астарой⁸. Свиту Кибелы составляли евнухи, гермафродиты, трансвеститы, а также экальтивированные особы обоего пола. Экстатический, даже жестокий характер этого культа с непременнои пролитием крови животных⁹ и человека не стал популярным у греков с их тяготением к строгой красоте и гармонии, зато получил широкое распространение в Риме¹⁰, где был официально

⁷ И.М. Дьяконов относил культ Кубабы-Кибелы к дошумерскому времени (Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990 С. 146–147), В. Буркерт – к эпохе энеолита (Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. Пер. с нем. СПб., 2004. С. 309; Burkert W. Antike Mysterien. Funktionen und Gehalt. München, 1990. S. 13), Л. Моц возводит к культуре Чатал Хююка (VII тыс. до н.э.) – Motz L. The Faces of the Goddess. N.Y., Oxf., 1997. P. 105–108.

⁸ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 162; Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // ЭКЮИКА. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб., 1993. С. 20; Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье // XV Международный конгресс исторических наук. М., 1980. С. 4; Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 83; Fauth W. Kybele // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Stuttgart, 1969. Bd. III. Sp. 383–389; Motz L. Op. cit. P. 5–23.

⁹ В обряде тавроболия над посвящаемым, находящемся в яме, закалывался бык. Льющаяся на человека кровь, якобы, смывала все его грехи, и он как бы рождался заново для жизни вечной. Ритуал подробно описан христианским поэтом IV в. н.э. Пруденцием (Prudent. Hymn. X. 1007 sqq.).

¹⁰ Брутальных римлян потеря мужской силы таким образом вначале тоже шокировала. Сенат запретил римским гражданам кастрировать себя, участвовать в бешеных оргиях и даже вступать на территорию, занятую евнухами.

введен в 204 г. до н.э.¹¹, и в Причерноморье. В 2001 г. при раскопках в Юго-Восточном Крыму была найдена уникальная фигурка (V – нач. IV в. до н.э.) полного мужчины без головы (высота 5,3 см). Над заголенными гениталиями он занес широкий, односторонний изогнутый меч с навершием в виде головки птицы или грифона¹². Статуэтка представляла Аттиса перед самооскоплением¹³ и была либо амулетом, либо вотивным образом¹⁴. Если введение в римский пантеон Кибелы, первого восточного божества, объяснялось военно-политическими причинами (римляне хотели предотвратить поражение во Второй Пунической войне), то позднее официальное принятие культа Аттиса имело более глубокие причины. I в. н. э. стал переломным в экономической, политической и духовной жиз-

Только раз в году, в апреле, на Мегалесиях этим женоподобным жрецам разрешалось во время праздничного шествия плясать на улицах Рима в женских одеждах под звуки авлосов и тамбуринов. Положение изменилось при императоре Клавдии (41–54 гг.), который сделал культ Аттиса государственным: *Attis populi Romani* или *Atus publicus populi Romani Quiritium*. Теперь уже не только нищие восточные бродяги и рабы, а и богатые, уважаемые граждане Рима домогались места в этом культе. Празднества отмечались пышнее, чем в Пессинунте, еще 300 лет, и даже в конце IV в. н.э. были поклонники Кибелы и Аттиса. Первым римлянином-жрецом оскопленного бога стал в 101 г. н.э. Генуций. Поскольку верховный жрец, как римский гражданин, не мог подвергаться кастрации, проводилась ритуальная подмена: яички убиваемого во время тавроболия быка зарывались под алтарем так же, как тестикулы кастрируемого галла. Считалось, что Великая Мать удовлетворялась этой заменой, посвящаемый становился архигаллом и возлагал на себя корону первосвященника. Возможно, именно с этой целью император Клавдий, известный своим новаторством в религиозных делах, ввел тавроболий в культ Кибелы.

¹¹ *Schwenn*. *Kybele // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* von Pauly-Wissowa (далее – RE). Stuttgart, 1922. Bd. XI. Hbd. 22. Sp. 2267; *Cumont F. Gallos // RE*. Stuttgart, 1910. Bd. VII. Hbd. XIII. Sp. 676.

¹² *Шенко Л.Г.* Терракоты поселения Заветное в Юго-Восточном Крыму // *Донецкий археологический сборник*. 2006. № 12. С. 121–128.

¹³ Ср. с иной точкой зрения первооткрывательницы артефакта: *Шенко Л.Г.* Из терракотовой пластики сельского Боспора // *Донецкий археологический сборник*. 2009–2010. № 13/14. С. 133.

¹⁴ *Селиванова Л.Л.* Кабир или Аттис? (об одной находке из Юго-Восточного Крыма) // XII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур». Керчь, 2011. С. 336–341; *Она же.* Самооскопление во славу Богини // *Адам и Ева*. 2011. № 19. С. 7–36.

ни Римской империи. Помпезность, роскошь на одном полюсе – и голодные бунты, самоубийства на другом. Восстания в восточных провинциях, население которых страдало от двойного гнета – своих правителей и римлян, жестоко подавлялись, вызывая чувство глубокого разочарования и пессимизма. Усилились богоискательские тенденции, чему способствовали традиционная открытость и терпимость римской религии, которая, однако, уже не удовлетворяла запросам новой эпохи. В периоды кризиса в обществе с особой остротой переживаются вопросы смерти и гендерной идентичности. Широко распространяются восточные культы умирающих и воскресающих богов, которым стали придавать черты спасителей: Диониса, Осириса, Аттиса, Адониса, Митры, а также культы богинь-матерей – Исиды, Кибелы, Астарты¹⁵. Обряд переноса святилища Кибелы в Рим с обязательным участием знатной девственницы сопровождался доставкой священного черного камня в виде фаллоса. Кибела успешно соперничала с Исидой, а культ Аттиса пережил введение христианства и развивался, приспособившись к новой религии¹⁶. На главном празднике Кибелы, посвященном смерти и возрождению ее возлюбленного Аттиса, жрецы богини галлы, распевая и кружась в неистовой пляске под визг рожков, свирелей, флейт, кимвалов, под грохот барабанов, доводили себя до состояния экстаза и одержимости. Они бичевали себя, наносили себе ножом кровавые раны, а новопосвященные в исступлении совершали акт самооскопления в память об Аттисе. Галлами они назывались не от Галлии, а от фригийской реки Галла, у которой родился Аттис. По мифу, Галл – бог или герой, эпоним этой реки, оскопивший себя, подобно Аттису (Steph. Byz. s.v. Gallos). Говорили, что воды этой реки сводят людей с ума. Галлом называли и Аттиса (Julian. Orat. V. 151 A, 161 C, 165 B etc.). Из-за игры слов (gallus – и «галл», и «петух») петух стал эмблемой жрецов. Аттиса часто изображали верхом на петухе¹⁷.

¹⁵ Селиванова Л.Л. Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире). Ч. II. Античный мир. М., 2003. С. 168–169.

¹⁶ Cumont F. Attis // RE. Stuttgart, 1896. Bd. IV. Sp. 106; Vermaseren M.J. Cybele and Attis: The Myth and the Cult. London, 1977. P. 182.

¹⁷ Schwenn. Op. cit. Sp. 2268; Lane E.N. Name of Cybele's priests the "Gallos" // Cybele, Attis and related cults: essays in memory of M.J. Vermaseren. Leiden, N.Y., Köln, 1996. P. 117–134.

Традиционно и сам культ, и суровый обряд рассматриваются или в контексте идеи плодородия (необходимость поддержать силы земли для увеличения урожая, плодовитости животных и людей), или как преодоление различий между полами (кастрация как великая жертва Богине). Первая точка зрения восходит к Д.Д. Фрэзеру, вторая – к Эд. Мейеру. Мнение Фрэзера остается преобладающим, особенно в отечественной науке, но иногда раздавались и критические замечания. Русский писатель и философ Д.С. Мережковский, назвав Аттиса настоящим богом скопцов, резонно вопрошал: «Можно ли представить что-нибудь, менее похожее на “культ плодородья”?»¹⁸ Ему вторит Е.А. Торчинов:

Не странно ли, что богу плодородия и богине Великой Матери служат только жрецы-евнухи? Неужто же культ плодородия может до такой степени воздействовать на чувства, что люди принимают настолько близко к сердцу “страдания” умирающего в земле зерна, что начинают стенать, плакать, рыдать, неистовствовать, а потом безудержно радоваться прорастанию колоса? Ну, положим, очень важно для них плодородие, не будет его, так и голодной смерти не избежать. Печалит их эта перспектива. Но неужели же все-таки так сильно, что люди хватают ножи и отсекают свое мужское естество? Как-то не верится в такое воздействие аграрного мифа. Да и каким образом плодородие возрастает от кастрации?»¹⁹

Согласно мифам, фригиец Аттис – возникший, возлюбленный и/или сын Кибелы – был от рождения бесплоден. В Лидии он учредил оргии в честь Матери богов и погиб от кабана, насланного Зевсом. Павсаний (VII. 17. 10–12) передает местную легенду о том, что Зевс во сне уронил семя на землю, и родилось двуполое божество Агдистис. Ужаснувшиеся боги отрезали у него мужские органы, из которых выросло миндальное дерево. Его плод дочь реки Сангария Нана или Мама²⁰ сорвала и положила себе в платье на грудь, после чего забеременела. Родившегося мальчика вскор-

¹⁸ Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида – Европа // Мережковский Д.С. Тайна трех. М., 1999. С. 423–424.

¹⁹ Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998. С. 118.

²⁰ Главная река Малой Азии (совр. Сакарья). По Тимофею (ар. Arnob. Adv. nat. V. 6), бог реки Сангарий был отцом Наны, матери Аттиса, а также возлюбленным Кибелы, родившей от него нимфу Никю.

мила коза. Когда он вырос и стал юношей божественной красоты, в него влюбилась Агдистис. Однако он посватался к царевне из Пессинунта²¹. На брачном пиру вдруг предстала Агдистис, и обезумевший Аттис отсек себе половые органы, и так же изувечил себя отец невесты. Еще один, очень древний вариант мифа, передает поздний христианский писатель Арнобий (Aрnob. Adv. nat. V. 5–7) со ссылкой на элевсинского жреца из рода Эвмолпидов Тимофея, жившего в Египте в IV–III вв. до н. э. К Матери богов, уснувшей на склоне горы Агдос, воспытал кровосмесительной страстью ее сын Зевс. После долгой и безуспешной борьбы с ней он излил семя на камень. Камень зачал и родил двуполое существо Агдистис. Сила чудовища была неукротима, жестокосердие люто и вожделение к обоим полам неистово. И начало оно все разрушать, не боясь ни людей, ни богов. И боги устрашились. Они послали к нему Диониса. Тот добавляет в источник, из которого пьет Агдистис, вино. Чудовище напивается и засыпает. Вахх набрасывает на мужские гениталии (αἰδοῖα) гермафродита петлю из тончайшего и острейшего волоса, другой конец которого привязывает к его ноге. Проснувшись, Агдистис в испуге резко вскакивает и оскопляет себя, став, таким образом, женщиной. Из капель его крови вырастает миндальное дерево, далее – по Павсанию. Явление Агдистис на брачном пиру повергает гостей в ужас и иступление. Царь, невестин отец, кастрирует себя ножом, и – интересная деталь, отсутствующая в других сказаниях – отрезает себе обе груди невеста. Обезумевший Аттис бежит в лес, тоже оскопляется, бросает отрезанные гениталии к ногам Агдистис с криком осуждения и умирает, истекая кровью. Раскаившаяся Агдистис умоляет Зевса воскресить юношу, но тот лишь делает его тело нетленным: волосы продолжают расти, а мизинец шевелится²²

²¹ Верхняя Фригия, место почитания Матери богов, называемой также Агдистис. Священный участок был отстроен Атталидами. Большую славу святилище приобрело благодаря римлянам, которые по велению Сивиллиных оракулов перевезли из Пессинунта древнее изображение богини. См.: Strabo. XII. 5. 3. Павсаний называет гору вблизи Пессинунта, на которой был погребен Аттис, Агдистис (Paus. I. 4.5).

²² Таким образом, считает Гаспарро, речь идет не о воскрешении, поскольку смерти здесь нет, а о периодическом возвращении и уходе божества расти-

(*Arnob. Adv. gent. IX. 5. 4*). В позднем мифе Аттис воскресает (*Firm. Mat. De err. p. relig. 3*).

Празднества в его честь проходили в Риме с 15 по 27 марта и сопровождалось неистовыми оргиями. 22 марта священное дерево Аттиса сосну²³, обмотанную шерстяными повязками, увенчанную фиалковым венком наподобие мертвого тела, с прикрепленной в середине фигуркой божества дендрофоры торжественно несли в храм Победы на Палатинском холме. Это был день траура и скорби, когда воздерживались от плотских удовольствий, а также от плодов земли²⁴ в память о том, что так же поступила Кибела после смерти Аттиса. 24-го, в День крови, жрецы богини во время экстаических музыки и плясок наносили себе раны, окропляя кровью алтарь Кибелы и священное дерево, а новопопсвщенные²⁵, войдя в транс, совершали акт самооскопления. Как полагал Дж. Фрззер, жрецы бросали отрезанные части тела в статую жестокой богини, затем отсеченные органы завертывали и погребали в земле или в подземных покаях богини, где их вместе с кровью использовали, чтобы вызвать к жизни Аттиса и ускорить воскресение природы: прежде, чем передать всему миру жизненную энергию, богиня-де сама нуждалась в оплодотворении²⁶. Но есть и другое мнение:

тельности. См.: *Gasparro S.G. Soteriology: Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis. Leiden, 1995. P. 48.*

²³ С точки зрения аналитической психологии, дерево как древо жизни есть материнский символ, указывающий на слияние, и, самооскопляясь под сосной, Аттис делает это ради матери. См.: *Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 223.*

²⁴ Один из эпитетов Аттиса - «Сжатый зеленый (желтый) колос», а историю божественных страданий, смерти и воскресенья понимали как нанесение серпом ран растению, хранение зерна в закромах, последующий сев и новое рождение в виде колоса. Оскопление также соотносилось со срезанием колоса, когда иерофант показывал в телестерии колос, это символизировало самокастрацию Аттиса. См.: *Фрззер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. М., 1983. С. 332; Burkert W. Op. cit. S. 72.*

²⁵ По свидетельству ритора IV в. н. э. Фирмика Матерна, их воспринимали как обреченных на смерть (*De err. p. relig. 18*). Возможно, во время мистерий посвящаемого символически хоронили, вслед за чем наступало «новое рождение». См.: *Hepding H. Attis, seine Mythen und sein Kult. Gessen, 1903. S. 196.*

²⁶ *Фрззер Д.Д. Указ. соч. С. 329.*

ампутация яичек препятствовала семяизвержению... Тем самым первоначальной целью религиозного самооскопления нужно считать не передачу божеству сосудов с семенем... и не уничтожение своего пола, но сохранение внутри семени вещества жизни и души, с которым практически отождествлялась психе²⁷.

В мистериях Аттиса также важную роль играли кровь быка и его яички²⁸. Позже обряд был смягчен: верховный жрец вскрывал себе вены на руке. 25 марта (считавшимся днем весеннего равноденствия), когда под соснами расцветали фиалки, Аттис воскресал, и верующие предавались безудержному веселью²⁹. Сосна и фиалки – постоянный атрибут праздника³⁰. Дж. Уайли замечает:

Аттис и связанная с ним тема самокастрации как результат безумной любви к гермафродичной матери-любовнице имеют скрытое значение... в отношении к некоторым формам современного гомосексуализма... цвет фиалок имеет длительную и устойчивую ассоциацию с гомосексуальной направленностью³¹.

Главным источником по этому обряду является трактат греческого писателя II в. н.э. Лукиана «О сирийской богине» (Luc. De dea syr. 50–51. Пер. С.С. Лукьянова). Лукиан был родом из Малой Азии и хорошо знал историю, философию, религию и быт этого региона. О весеннем празднике богини, имени которой он не называет, он сообщает следующее:

в установленные дни толпа собирается в святилище... множество галлов и священнослужителей... справляют оргии, причем режут себе руки и бьют друг друга по спинам... многочисленные музыканты играют на флейтах, бьют в тимпаны и поют боговдохновенные священные песни. Все это происходит вне храма, и никто из участников оргий в него не вступает. В эти дни многие становятся галлами. В то время как одни играют на флейтах и справляют оргии, на многих уже находит безумие, и, хотя пришли они сюда только как на зрелище, начинают делать следующее...: юноша, которому надлежит совершить это, с громким криком сбрасывает свои одежды, выходит

²⁷ Опианс Р. На коленях богов. М., 1999. С. 134.

²⁸ Фрэзер Д.Д. Указ. соч. С. 331.

²⁹ Simon F. Attis. Sp. 2249–2250; Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. II. München. 1988. S. 644–645.

³⁰ Nilsson M.P. Op. cit. S. 643

³¹ Уайли Дж. В поисках фаллоса: Приап и инфляция мужского. Пер. с англ. СПб., 1996. С. 104.

на середину и выхватывает меч (ксифос)³²; мечи эти постоянно находятся там... для этих целей. Осотив себя мечом, юноша носитя по всему городу, держа в руках то, что он отсек. И в какой бы дом он ни забросил это, оттуда он получает женские одежды и украшения.

На Руси первыми скопцами были митрополиты киевские Иоанн и Ефрем из Византии. Причем первый из них, привезенный княжной Анной Всеволодовной в 1089 г., до того напугал киевлян, что был принят за «мертвеца» (*навье*, как сказано в летописи), настолько необычны были скопцы в то время³³. В России скопчество известно с Петра I в связи с радикальными мистико-эсхатологическими движениями русского старообрядчества, из которого выделилась христовщина (хлыстовство). Однако происхождение, распространение и усиление скопчества как еретической секты относится ко времени Екатерины II. Вторая половина XVIII в. характеризуется усилением крепостнической эксплуатации, то тут, то там вспыхивали крестьянские восстания, вылившиеся в итоге в Крестьянскую войну Е.И. Пугачева. После их жестокого подавления разочарованные массы искали утешения в религии и легко поддавались влиянию различных мистических сект. Именно поэтому в конце XVIII в. активизировалась деятельность хлыстовских и скопческих «кораблей». Это была пассивная форма социального протеста, при этом идея «своего» царя не исчезала, а использовалась сектантами.

Первый скопческий процесс состоялся в 1772 г., когда в одной из деревень Орловской губернии была вскрыта хлыстовская секта А.И. Блохина, состоящая из 200 человек (четверть составляли женщины). Секта группировалась вокруг некой пророчицы Акулины Ивановы, умеющей творить чудеса, беглой крепостной. Следствие выявило 32 оскопленных. Блохин, религиозный фанатик, вдохновившийся хлыстовской проповедью Михаила Никулина об отказе от мяса, вина, сквернословия, а также о полном половом воздержании, пошел дальше, чтобы радикально решить проблему блуда. Он сам себя кастрировал: стянул шнурком мошонку и прижег ее

³² Внешне он неотличим от махайры – большого ножа, использовавшегося и в жертвоприношениях.

³³ *Даль В.И.* Исследование о скопческой сresi. Ногинск, 2006. С. 28.

кочергой. Его примеру последовал Кондратий Трифонов, потом они оскопили остальных. Арестованные, желая пострадать за свою веру, показания давали охотно. Понадобился специальный указ Священного Синода № 4053 от 16 июля 1772 г. о «недействительности для спасения души самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями». Екатерина, ознакомившись с материалами дела, поставила в отношении «квакерской ереси» задачу «удушения в самом начале подобных безрассудных глупостей». При этом она считала, что простаков надо щадить (они и так много пострадали, наказав себя сами), но закоперщиков изолировать. Андрея Блохина, выпоров кнутом, сослала на вечные работы в Нерчинск на серебряные рудники, откуда он уже не вернулся. Так же наказали Михаила Никулина и Алексея Сидорова (агитатора-вербовщика), Акулину Ивановну обвинили только в колдовстве. Прочих отпустили. Объявленного в розыск К. Трифонову удалось арестовать лишь весной 1775 г., когда священник одного из орловских храмов сообщил об оскотлении двух мальчиков. Задержанный, назвавшийся Кондратием Селивановым (эта фамилия за ним и закрепилась), оказался разыскиваемым Кондратием Трифоновым. После порки плетью он был отправлен в Сибирь на каторгу, откуда через 20 лет вернулся и развернул свою деятельность, сделав скопческую секту независимой от хлыстовской.

Биография К. Селиванова была сильно мифологизирована еще при его жизни. Более или менее достоверной можно считать информацию Д.П. Трощинского, представившего Александру I по его поручению докладную записку о встрече со скопческим ересиархом в смиренном цейхгаузе. Секретный арестант показал себя смиренным старцем Божьим и рассказал, что он крестьянин князя Кантемира из села Столбова Орловской губернии, с малолетства скитался, пока не набрел на секту, что «в оскотлении считают спасение». Сам он скопец и скопил других в Тамбовской губернии, за что по наказанию плетью был сослан в Сибирь в 1774 г., откуда по высочайшему повелению переведен сюда. Ересиарх своей набожностью и кротостью (отчего его даже определяли надзирателем к буйному соседу) настолько очаровал статского советника, что тот ходатайствовал перед государем о переводе Селиванова в бога-

дельню, что Александр милостиво и разрешил³⁴. Ссылка Селиванова в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь в 1820 г. и его смерть в 1832 г. не остановили скопчества, которое широко распространилось в великороссийских губерниях, в Сибири и в Закавказье. Многие его последователи, опасаясь уголовного преследования, бежали в придунайские города у российской границы³⁵. Массовый приток в секту и широкое распространение скопчества в XIX – начале XX вв. приняли форму настоящей эпидемии, с которой власти не могли справиться, и которая была выкорчевана только после 1917 г. во время так называемого «красного террора». В 1929–32 гг. состоялись громкие судебные процессы³⁶. В СССР секта скопцов была запрещена. Сегодня скопцы остались в некоторых районах Северного Кавказа (так называемые «духовные» скопцы, не скопящиеся³⁷) и на Украине, в дельте Дуная³⁸.

Согласно вере скопцов, Бог может пребывать как в отдельном человеке, так и в целом сообществе людей, непреодолимой границы между Богом и человеком нет (та же идея в культе Кибелы и Аттиса). Поэтому у них так много «христов» и «богородиц».

³⁴ *Есинов Г.В.* Докладная записка д. т. с. Троичинского, о скопческом ересиархе Кондратии Селиванове (1802 г.) // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 5. С. 198.

³⁵ *Панченко А.А.* Русские скопцы: кастрация как религия // http://sex-ity.ru/arhiv_publ/religiya_i_kastraciya.php.

³⁶ *Гнездилов П.* Черный корабль (Судебный процесс саратовских кулаков-«скопцов»). Саратов, 1930; *Горский Е.* Изуверы (Ленинградская секта скопцов). М., 1930; *Холодовский В.* Корабль изуверов. (Скопцы-контрреволюционеры). Л., 1930. Советской власти так и не удалось «приручить» скопцов, которых считали прогрессивным элементом крестьянства, стихийными коммунарами. Ничего не вышло и из так называемого «проекта Бонч-Бруевича», изучавшего скопцов и тесно с ними связанного. См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. СПб., 1908. Вып. 1. С. 69–73; 4; *Эткинд А.М.* Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. М.–СПб., 1996. Вып. 19. С. 275–319; *Энгельштейн Л.* Скопцы и царство небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002. С. 20–23, 192–197. Влияние русского сектантства на революционное движение и большевиков (*Шмулевич А.* Русская религия: царь духов и вождь сионского народа // Русский журнал. -- 12 февраля 2007. <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Russkaya-religiya-car-duhov-i-vozhd-sionskogo-naroda>) вообще не стоит переоценивать.

³⁷ Духовное скопчество было разрешено самим К. Селивановым в 1819 г.

³⁸ *Казьмина О.Е.* Скопцы // Народы и религии мира. М., 1998. С. 831.

Скопцы считали, что Христос постоянно пребывает в России, переходя из одного тела в другое. Одним из его воплощений был особенно почитавшийся ими Петр III, другим – Е.И. Пугачев. После смерти Петра III воплощением Христа стал Кондратий Селиванов. А.И. Шилов («предтеча», «святой») был реинкарнацией графа Чернышова, а Мартын Родионов («Мартынушка», «благовестничек Христов») – возрожденный генерал из рода князей Дашковых. Верили скопцы и в перевоплощения Богородицы: Елизавету почитали «истинной непорочной Богоматерью», которая затем переродилась в Акулину Ивановну, «царицу небесную», «владычицу» и «матушку»³⁹. Активной духовной работой каждый может достичь такого состояния, когда Бог воплотится в нем. Для этого использовалась особая медитативная практика хлыстовских «радений»⁴⁰ – коллективных плясок, верчений, тряски и прыжков, сопровождавшихся хоровым пением. Делались особые дыхательные упражнения (ср. с грофовской техникой холотропного дыхания) во время молитвы и не только; произносились особые тексты и звуки⁴¹. Иногда упоминается групповой секс как элемент раде-

³⁹ Волков Н.Н. Секта скопцов. Л., 1930. С. 40.

⁴⁰ Ритуалы скопцов повторяли хлыстовские.

⁴¹ Радения были коллективными и одиночными. Человек вихрем вертится на месте «посолонь» (т.е. по солнцу), так что глаз не видно, волосы встают дыбом, рубаха раздувается парусом. Общие радения: круговое, «крестиком», «кораблем», «стенкой». Во время кругового участники ходят друг за другом хороводом, убыстряясь, кружатся, подскакивают как можно выше, хлопают в ладоши, бьют себя по груди и голове, приговаривая: «Ой Дух! Святой Дух! Накати, накати!» – пока не дойдут до иступления. Со стороны иногда кажется «как бы и подлинно плавающий по воздуху или воде круг, колеблющийся и изтиха поднимающийся... единой машиной». В радении «крестиком» быстро перебегают из угла в угол, притоптывают и кричат в такт песни: «Ой Дух! Святой Дух! Накати, накати!», сильно гоняют ногами в лад, машут руками, дышат сильно и отрывисто одновременно с тономом, а когда почувствуют в себе Дух, ускоряют бег. Это уже радение «кораблем». Потом поворачиваются боком, ходят кругом, скачут и машут руками (радение «стенкой»). При этом поют сочиненные ими песни со всхлипыванием и прерывистыми трелями, производят гоготание и какой-то необыкновенный тихий свист, все время повторяя: «ой Дух, ой Дух, ой Бог, ой Бог, царь Бог, царь Бог, царь Дух, царь Дух» или «о ега, о ега, о ега!». Кружатся, как дервиши, до бесспамятства (некоторые падают замертво). Когда, как они полагают, «скатывает» на них «весь Бог», «вся Святая Троица», выходят «пророки» и «пророчицы», произ-

ний (так называемая «Христова любовь», или свальный грех), но современные ученые отрицают его, как и обрядовый инфантицид, полагая, что в это не верил даже суд⁴² (скопцы проповедовали строгий аскетизм: целомудрие, отказ от мяса, спиртного и матерной брани). Затем «исполнившиеся духа» выходили в центр круга и начинали пророчествовать. Экстатические, до изнеможения пляски, прыжки, кружения с учащенным дыханием под громкую, визгливую музыку в культе Кибелы – те же радения⁴³, та же практика приурочивания призванного (у русских скопцов «новика») к инициации и слиянию с божеством (апофеоз Аттиса и Кибелы после смерти и воскресения Аттиса)⁴⁴.

Скопцы, ни на йоту не отступая от Священного Писания (они даже использовали терминологию и заповеди Ветхого Завета, причем именно в еврейском их понимании), исходили из буквального значения некоторых его положений, по сути, искажив христианство. В основе учения – фраза из Евангелия от Матфея (19,12): «Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного (καὶ εἰσὶν εὐνοχοὶ, οἵτινες εὐνοχίσαν ἑατοὺς διὰ τὴν βασιλείαν τοῦ οὐρανοῦ = et sunt eunuchi, qui se ipsos castraverunt propter Regnum Caelorum). Кто может вместить,

нося скороговоркой или нараспев бессвязные речи (*глоссолалия*). Радения эти после строгих постов продолжались всю ночь, а в целом – неделю. Пот лился градом, нередко после такого моления пол казался только что вымытым, а мокрые рубахи не высыхали часами даже летом (отсюда название радений «духовная баня», «купель духовная»). Участники уверяли, что эта пляска приносит такую неизъяснимую радость, что они всякий раз с нетерпением ждут моленья, называя его «пивом духовным, чувствительным»: «человек плотскими устами не пьет, а пьян живет». Понимая, чего стоит такое духовное упоение, они имитовали радельные неистовства «работой израилевой» и сравнивали их с последним молением Христа в Гефсиманском саду. См.: *Мельников-Печерский П.И.* Указ. соч. С. 305–311.

⁴² *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 153.

⁴³ В скопческих песнях упоминаются похожие музыкальные инструменты: «трубы окованные», «гусли беспрестанные», «орган грому страшного», «на кимвалах бьют, на литаврах льют, на златых гусях, на святых псалмах» (Скопческие духовные песни // *Даль В.И.* Указ. соч. С. 141).

⁴⁴ *Торчинов Е.А.* Указ. соч. С. 122–131.

да вместит». И хотя здесь имел место неправильный перевод⁴⁵, определенные основания для нужного скопцам толкования были⁴⁶. Так, в Ветхом Завете:

да не говорит евнух: "вот я сухое дерево". Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, – тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится (Ис. LVI. 3–5). В Новом Завете: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф. XVIII. 8–9; Марк. IX. 43–45). «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления» (Посл. к колос. III. 5–6).

Жития святых, ходившие в народе книги вроде «Указания пути», «О должностях христианина» также содержали рассуждения, благоприятные для скопцов. Так, в «Указании пути в Царствие Небесное», занимающем почетное место в чтении для народа, сказано:

Во всяком человеке есть грех, и грех есть такая язва, которая сама собою, то есть без лекарства не излечивается, и у некоторых людей эта язва так глубока и опасна, что излечить ее можно не иначе, как прижиганием и вырезыванием⁴⁷.

Не последнюю роль сыграло и непонимание русскими крестьянами исторического смысла обрезания Господня, что, в конце концов, стало трактоваться как божественное оскпление, которо-

⁴⁵ На это указывал уже русский философ и писатель В.В. Розанов: предлог *διὰ* требует аккузатива как обстоятельства причины, *διὰ τὴν βασιλείαν τοῦ οὐρανοῦ* – не для Царствия Небесного, а вследствие, по причине, т.е. по воле Божьей, случайно. См.: *Розанов В.В. Апокалиптические секты (хлысты и скопцы)*. СПб., 1914. С. 117–121.

⁴⁶ Богословы толкуют это место иносказательно. Священное Писание запрещает уродовать человека, созданного по образу и подобию Бога, который заповедовал людям: «Плодитесь и множитесь» (*Розанов В.В. Указ. соч. С. 117–118; Розенков Е.А. Скопцы – ошибка трактовки // Духовный вестник высшей школы. № 1 (17)*). Однако прямое значение слов *ἐβουχον* и *castraverunt* ясно указывает на телесное оскпление.

⁴⁷ *Пеликан Е.В. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. Часть вторая (судебно-медицинская)*. СПб., 1872. Стб. 91.

му надо подражать⁴⁸. Развитая мифология скопчества утверждала, что Иисус Христос, Иоанн Креститель, а также апостолы были скопцами (и оскопил их сам Иисус во время Тайной Вечери). Верили и в то, что скопцами были русские императоры Петр III, Александр I и его брат Константин. Первое крещение было водным (Иоанн Креститель), второе огненным (выжигание яичек – «ключей ада» раскаленным железом: топором, ножом и т. п.). Позже от огня отказались и скопились «холодным» способом, оставив огонь только для прижигания и сожжения ампутированных органов. Основатель (и на протяжении полувека бессменный лидер секты) К. Селиванов, благословляя своего сподвижника А.И. Шилова, почитавшегося за Иоанна Предтечу, вручил ему крест, свечу и меч (нож, употреблявшийся потом при осклоплениях) со словами: «Вот тебе мой меч, будешь у многих деревьев сучья сечь»⁴⁹. На одной из икон был нарисован скопец в белой рубахе, прикрывающийся мечом с изображением креста от летящего к нему с луком и стрелами купидона с подписью: «плоть». Стрелы отскакивают от щита и падают по ногам скопца⁵⁰.

Русское скопчество вышло из келий московских монастырей, и это объяснимо: требование безбрачия плохо сочеталось с заповедью «плодитесь и множитесь». «Убеление» (то есть осклопление) было сочувственно принято духовными особами⁵¹, а лидерами в общинах-кораблях были чаще всего монахи и старицы⁵², что также способствовало оправданию и укреплению идейных основ скопчества. «Странное явление представляет наше духовенство того времени: гоняясь за двуперстием, как за страшной, от Бога отводящей ересью, оно держало под своим крылышком секты изуверные. Мало того, сами духовные лица увлекались в эти секты, за что иногда

⁴⁸ Отсюда и обозначение скопцов в ряде губерний «обрезонец», «обрезанец», «обрезанница». См.: *Панченко А.А.* Христовщина. С. 372–373.

⁴⁹ *Мельников-Печерский П.И.* Указ. соч. С. 324.

⁵⁰ *Волков Н.Н.* Секта скопцов. С. 72.

⁵¹ Известно, что на Руси и в XII–XIII вв. некоторые духовные лица были скопцами.

⁵² Зачастую крестьянского происхождения, поэтому хлыстовская традиция впитала и народные представления, и церковно-богослужебную практику, и монастырский фольклор, и «посадскую» культуру.

и расплачивались головами», – писал П.И Мельников-Печерский⁵³. И это несмотря на целый ряд церковных правил, запрещавших добровольное оскпление и приравнивавших его к самоубийству⁵⁴. Впрочем, кастрационные мотивы так или иначе входили в средневековую аскетическую топику и западного христианства в силу того же требования celibата. Примечательна подборка рассказов в «Молоте ведьм» об ангелах, которые в ночных видениях оскпляют подвижников, борющихся с плотским вожделением. При этом описания вполне реалистичны. Так, некий настоятель бежит в пустыню из руководимого им женского монастыря. Во сне ему являются ангелы, вопросившие, согласится ли он вернуться, если будет освобожден от искушения. Тот согласился. Тогда один ангел взял его за руки, другой за ноги, а третий взял нож и вырезал его яйца, после чего монах испытал большое облегчение. Вернувшись в монастырь, он руководил им еще 40 лет и не испытывал больше никакого соблазна⁵⁵.

Ритуал оскпления и его виды.

Хирургия, операционные, инструменты, снадобья

Об обезболивании и обеззараживании в древних культах неизвестно. Согласно римским авторам, галлы совершали этот ритуал при помощи острого камня (возможно, кремня) или самосского черепка (*samtia terra*)⁵⁶, что якобы, позволяло избежать смерти (Plin. NH. XXXV. 165):

*Острый он камень схватил и тело терзает и мучит,
Длинные пряди волос в грязной влачатся пыли.
Он голосит: «Поделом! Искупаю вину моей кровью!
Пусть погибают мои члены: они мне враги!
Пусть погибают!». Вскричал и от бремени пах облегчает,
И не осталось вдруг знаков мужских у него.*

⁵³ Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 258.

⁵⁴ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 82–83, 173.

⁵⁵ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 173–174.

⁵⁶ Самосская бытовая керамика представляла собой простую, легко бьющуюся посуду для бедняков.

*Это безумство вошло в обычай. И дряблые слуги,
Пряди волос растрепав, тело калечат себе.*

Овидий. Фасты. IV. 237–244. Пер. Ф. Петровского.

Лишь Лактанций говорит о железе (Lact. Inst. divin. V. 9). Видимо, с железом было связано большее число послеоперационных осложнений. Причем это был не специальный хирургический инструмент, а меч или жертвенный нож. О кровоостанавливающих средствах неизвестно, но бинты и тугие повязки явно были, ведь священное дерево сосну обматывали шерстяными повязками в память о том, как Мать пыталась остановить кровотечение у Аттиса. О летальности сведений нет, но скорее всего тогда она была очень высокой.

О технике осклопления в русском сектантстве стало известно во время работы первой комиссии. И хотя до 1860 г. эта тема была закрыта для общественного обсуждения, будоражащие слухи распространялись, став вскоре секретом полишинеля. Поскольку скопцы часто лжесвидетельствовали и изворачивались на суде, нужно было сделать так, чтобы за них говорили их тела. С 1830-х гг. власти стали привлекать экспертов, прежде всего врачей, для предоставления объективных свидетельств. Первые исследователи скопчества (Н.И. Надеждин, В.И. Даль, П.И. Мельников, Е.В. Пеликан) являлись, по сути, чиновниками на полицейской службе⁵⁷. Они были хорошо знакомы с документами расследования, а нередко и сами принимали участие в допросах. То же относится и к советскому периоду. Исследователь скопчества научный сотрудник Института антропологии и этнографии АН СССР Н.Н. Волков до этого служил в органах НКВД. В качестве эксперта он был приглашен на Ленинградский процесс 1930 г. и при написании своей

⁵⁷ В.И. Даль и Н.И. Надеждин писали одноименные работы по поручению Министерства внутренних дел. Изданные мизерным тиражом (около 20 экземпляров), исключительно для внутреннего пользования, работы Н.И. Надеждина, В.И. Даля и Е.В. Пеликана являются библиографической редкостью. Писатель-популяризатор истории русского сектантства П.И. Мельников-Печерский, будучи чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, а потом при Министерстве внутренних дел, пользовался архивами Министерства. Кроме того, он и сам общался с сектантами, и как лицо официальное (лично присутствовал при допросах особой следственной комиссией), и как частное, имевшее доверие у некоторых «людей Божьих».

работы использовал документы 1929–32 гг. Особое место занимает судебно-медицинское исследование Е.В. Пеликана, остающееся актуальным. Евгений Венцеславович Пеликан (1824–1884) – профессор Медико-хирургической Академии, директор медицинского департамента в Петербурге, заведующий редакцией «Военно-медицинского журнала», с 1852 г. профессор кафедры судебной медицины, медицинской полиции и гигиены, блестящий, разносторонний специалист, владевший несколькими европейскими языками. Его работа, написанная как руководство для медицинских экспертов, привлекаемых для расследования и суда над скопцами, отличается скрупулезностью и научной добросовестностью. В материалах старых и новых судебно-следственных дел находились не только «вещдоки» и «признательные показания», но и фотографии и рисунки анатомического характера, заключения специалистов, а также в 20-х гг. XX в. фотографии обнаженных скопцов.

Оскопления у русских крестьян совершались, чем придется, где угодно, и кем попало. Никакого особого ритуала не было. Использовались топор, долото, сапожный нож, нож для сыромятной кожи, другие острые орудия, а то и кусок стекла. Представления о гигиене у деревенских «коновалов» было весьма приблизительное. В результате кустарно проведенных операций новообращенные нередко умирали от сепсиса или кровопотери⁵⁸. Отсутствие анестезии тоже представляло угрозу для жизни. Если человек и не терял

⁵⁸ Власти так и не смогли даже приблизительно определить число погибших при оскоплении людей. Мнение о сравнительной редкости смертных случаев (как пишет, Н.Н. Волков, не более 10–15 человек [Секта скопцов. С. 82]) неубедительно, т.к. основано на официальной статистике. Скрытность скопцов, хорошая конспирация позволяли им не оставлять следов, поскольку от трупов тайно избавлялись. См.: Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 81–82. У купца И.М. Лугинина, основавшего в своем доме «сионскую горницу», собирались на радения «белые голуби», и здесь же совершались оскопления. Что там происходило, никто не знает, т.к. чужих туда просто не допускали. В доме московского купца Ф.Е. Колесникова под полом была молельня, над которой был устроен горн, или большая печь, в которой раскалялся скопческий нож, называемый «булатным мечом»; в ней же сжигали тела тех, кто умер, не перенеся операции. Колесников был посажен в Шлиссельбургскую крестовую. По освобождении безбедно жил в Москве, каждый год насилием и обманом пополняя свой «ко-рабль» убежденными (Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 343–344).

сразу сознания от шока, то резко слабел и мог умереть от потери крови, будучи не в состоянии себе помочь. Поэтому операции всегда осуществлялись в присутствии других лиц (лица). Сами скопцы скрывали ее подробности из-за клятвы не выдавать скопившего, а также из страха каторги или ссылки (в 1816 г. было введено уголовное наказание за самооскопление, которое было приравнено к самоубийству). Поэтому произошедшее объясняли случайностью, сваливая то на какую-то умершую «бабку» или «деда», то на проезжего цыгана-коновала, а то и по пьяному делу (уснул – очнулся – не нашел). Или: «полез на черемуху, сук обломился, и я упал, зацепившись мошонкой за плетень. Так на плетне и остались висеть они». Вариант: упал с крыши на кусок железа. Один уверял, что нож за поясом нечаянно выпал из ножен при быстрой верховой езде и гладко отрезал половой член, не повредив нисколько соседних мягких тканей живота и бедер. Другого «лягнула лошадь в причинное место. Яички стали болеть и отгнили»⁵⁹. Третьего прицельно ударил рогами бык, четвертому отгрызли детородные органы свињи⁶⁰. Некий отставной солдат заявил, что во время войны с Наполеоном был ранен в мошонку. Поручик Радкевич, вырезавший себе одно яйцо, показал, что после лихорадочной болезни приключилась у него сильная горячка, «так что он совершенно был без чувств, и потому не помнит, каким случаем выпало у него левое яйцо»⁶¹ (!) Так же изворачивались и женщины-скопчихи (о них ниже): ссылались на случайность (хирургические и акушерские операции, трудные роды) или болезни (язвы, нарывы, грудница)⁶². При Николае I все рассказчики небылиц подводились под закон об умышленном самооскоплении и наказывались⁶³. Таким образом, притворяться уже не было смысла, и появились правдивые показания. К началу XX в. относятся следующие. Одного 14-летнего мальчика оскотил дядя, у которого тот жил в работниках. Понача-

⁵⁹ Волков И.И. Секта скопцов. С. 77.

⁶⁰ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 120.

⁶¹ Там же. Стб. 108.

⁶² Там же. Стб. 62.

⁶³ Каралась не сама ампутация (уголовно не наказуемая), а принадлежность к изуверской секте, пропагандирующей ересь «человекообожения» – веру в то, что их лидеры являются воплощением Бога.

лу дядя обходился с племянником хорошо, кормил, не особо утруждал работой. Затем стал уговаривать стать таким, как он сам: «будешь святой, и душа будет, как у ангелочка. Ходить никуда не надо будет, и семьи не будет. Будешь богатый, один жить». Подросток отказывался. Тогда дядя пообещал отписать ему дом, посулил четыре енотовых шубы, а также золотые и серебряные вещи.

Потом мы сходили в баню, потили чаю. Дядя сходил и принес нож. Острый, острый. Чем-то мазал его, весь блестит. Перевязал мне бечевкой, потом принес такой дерева брусок и велел мне стать к печке. Он поставил брусок на скамейку и положил их на него. А потом поставил нож и по ножу молотком как стукнет – они и отскочили. Сначала не больно было, а потом больно⁶⁴.

Нередко односельчане или родственники сами скопили друг друга или самооскоплялись, обычно в избе или в хозяйственной пристройке (чулан, клеть, сарай, овин, баня, погреб, отхожее место), – вообще в удаленном месте: на реке, в овраге, на дороге, в лесу, в поле⁶⁵. Потом оскопленный несколько дней приходил в себя в каком-нибудь укромном углу, вдали от чужих глаз (на чердаке, в подполье, в той же бане). Ключевую роль играли умение «хирурга», его «квалификация». Особенно ценились мастера своего дела, как правило, путешествовавшие из общины в общину. К примеру, еще в 30-х гг. XX в. особое уважение снискал живший в Москве Алексей Максимович Гарминов, пользовавший своих клиентов даже в Финляндии. Вместо варварского способа прижигания раскаленным железом он останавливал кровотечения льдом и смолой⁶⁶.

Малая и большая печать существовало несколько видов, или этапов оскопления. Так называемая «малая печать» («первая печать», «первая чистота», «оскопление по первой части», «первое убеление», «сесть на пегого коня»): мошонка стягивалась выше захваченных яичек ниткой, тесьмой или веревкой. После операции рана покры-

⁶⁴ Волков Н.Н. Указ. соч. С. 78–79.

⁶⁵ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 116.

⁶⁶ Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 74.

валась тряпкой, смоченной в холодной воде или смазанной деревянным маслом, разными мазями или свежим салом; иногда для остановки кровотечения посыпалась порошками квасцов, медного купороса и др. Недели через четыре рана затягивались рубцом, обычно подковообразной формы, шедшим поперек остаточной части мошонки. Поскольку отнятие «удесных близняг» не гарантировало победу над «лютым змеем-лепостью», впоследствии стали отрубать и penis, «ключ бездны» (вагины). Это «вторая», или «царская печать», «вторая чистота», «второе убеление», «пересесть на белого коня», «складать белый камешек», «одеть белую ризу». Операция осуществлялась или вместе с отнятием кутикулы, или спустя несколько лет после «первой печати», дабы не допустить вероятность летального исхода. Использовался топор или стамеска. Рана затягивалась одним-двумя рубцами, в отверстие мочеиспускательного канала устанавливался оловянный или свинцовый шпенец. Такие посвященные стояли выше других братьев и именовались «белыми голубями»⁶⁷ (в отличие от «сизых голубей» – хлыстов). Реже использовалась «третья печать» – удаление сосков или грудных мышц. Н.Н. Волков упоминает и «четвертую печать» – вырезание на боку треугольника (в знак прободения копьем тела Иисуса). Всего было до пяти печатей в честь пяти ран Христовых (все вышеперечисленные одновременно)⁶⁸. Высшую, совершеннейшую степень оскопления, «шестикрылых ангелов», представляли изуверы, у которых рубцы от резаных ран и ожогов располагались на плечах, спине и лопатках⁶⁹. К числу редких принадлежит особый род скопцов – перевертыши Тамбовской губернии, которые перекручивали себе, вероятно, с детства семенные канатики. В секте проколышей Куткина оскопление достигалось посредством прорезывания или прокалывания семенных канатиков⁷⁰.

Случай массового оскопления изложен в рукописной автобиографии скопца по обеим печатям (то есть «белого голубя») Г.М.

⁶⁷ А также «белые овечушки», «белицы-белоризцы», «Христовы вонны Небесного царя» и проч.

⁶⁸ Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 77.

⁶⁹ Панченко А.А. Христовщина. С. 370–371.

⁷⁰ Даль В.И. Указ. соч. С. 38.

вания или прокалывания семенных канатиков⁷⁰. Случай массового оскпления изложен в рукописной автобиографии скопца по обеим печатам (то есть «белого голубя») Г.М. Это описание интересно тем, что дает практически полное представление о подготовке, условиях, инструментах, проведении операции и о послеоперационном периоде.

В одну роковую ночь... оскопили... 5 человек мужского пола за одним махом, на моих глазах, поочередно, – я был последним... В нижнем помещении в одну большую горницу... мы собрались... по возрасту [от 18 до 45 лет – Л.С.]... Мне шел 10-ый год. И... хирург Яков Иванович, 50 или 55 лет. Никаких приспособлений не было, в комнате тепло, на полу рубочное деревянное корыто..., окна занавешены; заранее приготовлены подвязки и пластырь на раны; из чего приготовлена мазь – не знаю. При всех... четверых операций я присутствовал и смотрел, как происходило обрезание детородного уда. Подходил человек... без кальсон, к корыту, становясь вплотную ногами к нему. Мошонка перевязывалась тонким шнурком или просто толстой суровой ниткой, обыкновенный, вроде столового нож, остро наточенный. Яков Иванович берет его и раз! – уды шлеп на пол; кровь пошла в корыто; пока не стекает надлежащее количество крови, оскпленный стоит, а затем накладывается намазанная мазью тряпка, чисто холщовая, накладывается ватная подушечка и подтягивается повязкой, прикрепленной к поясу, нарочно для этого сшитого из материи или холста; протягивается между ног, соединяется с поясом на пуговице, – и процедура готова, человек хоть куда идет, и не заметно для постороннего глаза, что с рваной раной главной части тела... Таким манером второй, третий, четвертый – только уды шлепаются на пол, и образовалась целая гора яичек человеческих. Так очередь за мной – пятый... Подошел к корыту ближе, и Яков Иванович берет ножик, чирк – и готово дело, наверное, я все-таки испугался. Кровь не пошла сначала, я... отошел от корыта, прошел по комнате, все смеются надо мной – вот-де, какого молодца... подстрелили. Кровь пошла, сколько требовалось, и так же подвязали, завязали, и все конечно, вылили воду с кровью на двор, сожгли в топившейся печи уды с десятью яичками, только треск стоял в печи, как дулись и лопались негодные⁷¹.

Дело кончилось тем, что одна из женщин дома, заподозрив неладное, побежала к попу и все ему рассказала, он сообщил исправнику, а тот – судебному следователю. Полиция окружила

⁷⁰ Даль В.И. Указ. соч. С. 38.

⁷¹ Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 79–80.

сектой, рассказывал, что особо нестерпимой была боль после второго «убеления»:

8 месяцев я мучился, особенно тяжело было садиться. И все это время за эти 8 месяцев надо носить в мочевом канале свинцовый гвоздик, а то зарастет, совсем затянется⁷².

При отсутствии стерилизации, обезболивания и надлежащего послеоперационного ухода последствия могли быть очень тяжелыми. Сохранились воспоминания некоторых скопцов о пережитых ощущениях:

какой-то зверь хватил меня зубами и сразу вырвал полживота. Я, лежа в корыте, подплывал горячей кровью. Несколько раз появлялась сильная тошнота. В глубине раны разыгрывалось какое-то возбуждение, отчего рана вдруг начинала делаться выпуклой, так что чувствовалось сильное давление на повязку. Потом, как-то странно дрогнув, выпуклость опала и при этом кровь, ударяясь в повязку (слышалось даже журчание), лилась из-под нее теплыми струями. Чувствуя приближение такого симптома и стараясь не допустить такого мучительного вздрагивания, я каждый раз изгибался в клубок, но бесполезно: явление все повторялось и повторялось. В продолжение целой недели меня каждое утро подымали из лужи крови; застывшие куски ее, пристав к рубашке, тряслись на мне, как студень⁷³.

Порядок и последствия обоих «убелений» раскрывает один из известнейших скопцов новейшего времени М. Бирюков.

... учитель приказал мне лечь на печь и греться... Наконец, я очень разогрелся... Учитель велел мне сбросить исподнее платье... Осмотрел он меня и сказал: "Вот мы и забыли подстричь волосы около уготовляемых к жертве частей. Возиться долго, а ты остынешь". Ну, да верно уж тому и быть. Берет он ножницы и стрижет. Острижиши, плотно перевязывает ниткою мешочек выше ядер. Потом берет бритву заржавленную (sic! – Л.С.) и говорит: "Христос воскрес!" – и с этими словами моих ядер не стало у меня... Я так и обомлел, однако ж чувство сохранилось во мне: вижу, что кровь из жил двумя большими струями полилась в две стороны, образуя довольно широкий угол. Я и говорю учителю: "Да так вся кровь вытечет", – нет, говорит, "она сама знает, сколько нужно вытечь". А кровь все лилась и лилась; натекли целые лужи; я изнемог окончательно и хотел упасть. Учитель поддержал меня и положил на кровать. На кровати также натекла целая лужа крови, и кровь вся запеклась... Учитель

⁷² Там же. С. 81.

⁷³ Прудковский Г.Е. Голос из могилы живых мертвецов // http://murders.ru/Sk_pr_2.html.

говорит: «Вот теперь, Матвеюшка, я вижу, что ты человек целомудренный: кровь из тебя течет почти алая; а когда приходится оскоплять мужчину, имеющего дело с женами, у того кровь темная...». Болея я после этой операции долго.

Второе оскопление (царская печать) произошло в Духов День 1861 г.: «... учитель взял ту же приснопамятную бритву... и со словами: «Христос воскрес!» полоснул ею по стволу у самого корня; только от тупости бритвы не порезал ствола сразу». Бирюков обомлел, но устоял, думая только: «Пусть делает, что хочет, потому что я страдаю ради батюшки родимого». – «Полоснул учитель в другой раз, ствол отлетел, причем жилы так и ушли у меня в живот». От испуга кровь сначала не пошла, через несколько минут мало-помалу стала капать, а потом течь. При втором оскоплении, Бирюков «одурел больше, чем в первый раз», не мог устоять, чувствуя себя «окончательно обмершим», учитель посадил его на коник.

Наконец, хотя и опомнился, но боль чувствовал ужасную: начались для меня страдания нестерпимые, продолжающиеся несколько недель. Страдал я ужасно: бывало, лягу, вдруг кровь во мне до того забьется, что меня будто гвоздем кто толкнет к месту отрезанного ствола, толкнет так, что кровь хлынет вон из тела, и я вставал с постели облитый кровью. Сколько тут смочено кровью попон! В этих страданиях думал я, что смерть моя неизбежна; однако ж прикладывание мази из свечи и постного масла стало мало-помалу заживлять раны, и я чувствовал в себе некоторое облегчение, и недель через шесть... я уже пошел в Мокрецы к учителю⁷⁴.

Оскопление женщин⁷⁵ появилось позже, уже после заточения К.Селиванова в 1820 г. в Суздальский монастырь, и отличалось большим хирургическим разнообразием⁷⁶. Как правило, им частично иссекали грудь, отрезали соски, но зачастую и полностью груди. Иногда на этом не останавливались и отрезали малые половые губы и клитор, а порой вместе с ними и большие половые губы. В качестве инструментов использовались ножи, ножницы, бритвы и т. п. Раны обычно прижигались железом. Самым распро-

⁷⁴ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 117–118.

⁷⁵ Обычай будто бы ввел скопческий пророк Громов. Селиванов был убежденным противником этой практики, говоря: «Сестринская чистота – пост и молитва». См.: Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 45, прим. 1. Считают, что ее преградили преемник Селиванова Кузьма Лисин (*Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 88).

⁷⁶ Панченко А.А. Христовщина. С. 370.

страненным видом оскопления была полная ампутация молочных желез⁷⁷. Таким образом прозелитка превращалась из «пегой кукушки» в «белую голубку»⁷⁸. Учитывая, что многие операции проводились без всякой анестезии, страдания женщин-скопчих не поддаются никакому описанию. Только очень высокая степень экзальтированности с сознанием своего мистического предназначения помогали выдерживать адскую боль. С другой стороны, непереносимые условия жизни (и породившие скопчество в крестьянстве), когда даже для мужчин семья оказывалась тяжелой обузой, двойным бременем ложились на женщин. Не случайно из проходивших по первому скопческому процессу 20% составляли женщины⁷⁹. Массовый их уход в скопчество, освобождавший от безрадостной мирской жизни, был реакцией на невыносимый социальный и экономический гнет. Поскольку собственно кастрации, в медицинском смысле (овариэктоми), не происходило, женщина не теряла своей репродуктивной функции и могла рожать (но не вскармливать). Бесследно, однако, для здоровья это не проходило, женщины быстро увядали в расцвете лет и казались безжизненными⁸⁰. Поэтому чтобы не отпугивать потенциальных adeptов, скопцы оставляли неоперированными очень красивых девушек, которые своим цветущим видом маскировали существование «корабля» (общины). Их называли «богинями», «дочерьми живого бога», «богородицами», «сестрицами» и отводили им роль приманок для вовлечения в секту новых членов⁸¹. Приводу «новика» скопцы придавали больше значения, чем оскоплению⁸².

⁷⁷ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 60–61;37.

⁷⁸ Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 61.

⁷⁹ Там же. С. 24–25.

⁸⁰ Даль В.И. Указ. соч. С. 36.

⁸¹ Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 340; *Добрый Роман* (Антропов Р.Л.). Белые голуби и сизые горлицы // Путилин И.Д. Среди убийц и грабителей: записки начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции. М., 1995. С. 215–218; *Дилакторская О.Г.* Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // *Philologica*. 1995. Vol. 2. № 3/4. С. 59–86.

⁸² Панченко А.А. Христовщина. С. 371.

Готовящиеся стать галлами юноши совершали акт самооскопления без насилия, спонтанно⁸³, однако, выйдя из транса, некоторые испытывали настоящий шок и горько жалели о содеянном. Отчаяньем непреодолимой зависимости от мрачного, иррационального могущества Великой Богини проникнуто стихотворение Катуллы «Аттис» (LXIII. 61–73. Пер. С.В. Шервинского)⁸⁴, в котором вначале говорится об Аттисе как о муже, а после оскопления – как о «новойявленной жене» (а галлы – «девы»). Это стоны мужчины, который приходит в себя после совершенного в состоянии богоохваченной одержимости:

*Горе, горе! Вечно плакать – вот отныне участь моя.
Кем я был и кем я не был? Сколько я обличий сменил!
Нынче дева, был я мужем, был юною и мальчиком был.
Был я цветом всех гимнастов и красюю был я борцов...
... Мне ли быть богам служанкой? Мне ли быть Кибеле
рабой?
Я ли буду оскопленный жить менадой, частью себя?
[...] Что же, что же я натворила! Как ужасно ныне
казнюсь!*

Стихотворение отражает общий взгляд античности на кастрацию: ужас греков перед уродованием красоты человеческого тела и отвращение римлян к потере мужественности и власти.

Известно самооскопление в состоянии экзальтации и у русских скопцов. Так, в июле 1849 г. с окровавленными руками и ногами, с неотпавшим ще, висевшим на коже удом был обнаружен 49-летний крестьянин Тобольской губернии и уезда Дмитрий Данилов Рымарев. Растрепанный, бледный, с диким, блуждающим взглядом он быстро ходил по завозне, оглашая окрестности несвязной речью и криками. Боли он не чувствовал, часто становился на колени и молился Богу перед образом, брал образ в руки и ходил, читая молитвы, чтобы отогнать бесов. Окружающих называл демонами, дьяволами и чертями. По заключению врача, крестьянин находился в иступлении, которое следует причислить «к временно-

⁸³ Есть только один глухой намек на то, что Аттис стал жертвой насилия: он был найден под сосной, при этом рана, лишившая его пола и жизни, была нанесена не им (Serv. ap. Aen. Virg. IX. 115).

⁸⁴ Написано оно редким и трудным размером – галлиямбом, связанным с экзотическими песнями галлов (Kirby J.T. The galliambics of Catullus 63: “That Intoxicating Meter” // Syllecta Classica I. 1989. P. 63–74).

му помешательству ума от ложных понятий о религии» (Дело д.о.д. 12 сент. 1849 г. № 238 и 18 сент. 1851 г. № 790)⁸⁵.

Вот пример женского самооскопления. В Красноярском округе девка села Арейского Анна Терскова 31 года показала, что в 1833 г., отправившись в Киев на поклонение святым мощам, вздумала по дороге осуществить давно задуманное намерение. Для чего, отойдя с дороги в сторону, складным ножиком отрезала себе обе груди и зарыла их в землю вместе с ножом. От потери крови она не смогла двигаться дальше и пробыла там трое суток, после чего возвратилась домой и объявила о содеянном. Перед тем «от чтения Библии и святых книг она часто была больна до лишения рассудка и ходила 5 лет тому назад в г. Иркутск» поклониться мощам Св. Иннокентия, где получила от иеромонаха Израиля Евангелие, прочитав которое, «удостоверилась в необходимости оскопления» (Дело канц. м.в.д. 2 янв. 1835 г. № 3⁸⁶).

Обращает на себя внимание, что в обоих случаях самокастрация сознательная, давно замысленная и подготовленная, кроме прочего и чтением духовных книг. Очевидно также, что организация чтения и соответствующим образом направленное сознание приводили к ожидаемым вербовщиками результатам.

Самооскопления по религиозным мотивам происходят и в наше время (нередко под влиянием так называемого «иерусалимского синдрома» – обострения психических расстройств во время паломничества в Святую Землю). Пожалуй, наиболее интересен случай, описанный английскими медиками Томпсоном и Абрахамом в 1983 г. 37-летний безработный, доставленный в больницу с сильной кровопотерей после попытки самокастрации, утверждал, что в своем предыдущем рождении он возглавлял религиозное движение в России XVIII века, был преследуем и кастрировал себя раскаленной кочергой⁸⁷.

Русские скопцы вели активную прозелитическую деятельность, вербуя людей всеми средствами. Когда не помогали убеждения (а даром красноречия, внушения, красивого пения они обладали) или подкуп, не останавливались и перед прямым насилием и

⁸⁵ Пеликан Е. В. Указ. соч. Стб. 107.

⁸⁶ Там же. Стб. 111.

⁸⁷ Панченко А. А. Христовщина. С. 367–368.

обманом, опаивая свои жертвы «сонной водицей»: отваром ядовитых грибов, болиголова, волчьей ягоды, наркотической травы «адамова голова» (*Mandragora*), приводящей к обездвиживанию и галлюцинациям, териакром, содержащим опий, или вином, водкой, самогоном⁸⁸. Так они приближали Царство Божие на земле, веря: когда их число достигнет 144 000, наступит страшный суд, а за ним торжество скопчества (ссылались при этом на Откр. 7:4). Мнение, будто скопцы никогда не кастрировали насильно (чаще всего высказываемое представителями художественной интеллигенции⁸⁹, из современных исследователей так считает А.М. Эткинд⁹⁰) и даже оставляли решение за самим посвящаемым, противоречит фактам⁹¹. Ниже приводится случай из практики начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина в художественном изложении Романа Доброго⁹²:

⁸⁸ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 119–120.

⁸⁹ Под обаяние хлыстовства и скопчества подпали многие писатели и поэты: Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок, С.А. Есенин, поэты модерна. В.В. Розанов находил музыку хлыстовства даже в стихах М.Ю. Лермонтова, видя в нем «человека Божия, не опознавшего себя хлыста» (*Розанов В.В.* Указ. соч. С. 178–179, 183). Николаю Клюеву принадлежит своего рода скопческий гимн:

О скопчество – арап на пламенном коне,
Гадательный узор о незакатном дне,
Когда безудный муж, как отблеск Маргарит,
Стокрылых сыновей и ангелов родит!

В мемуарах «Гагарья судьбина» Н. Клюев описал историю своей незавершенной инициации, когда он якобы был в скопческом корабле «царем Давидом» (т.е. певцом и пророком). Юношей он жил в Соловецком монастыре, носил вериги и бил поклоны, пока пришедший к нему старец с Афона не посоветовал «во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть». Старец «сдал» его в общину «белых голубей-христов», где через два года того стали готовить к принятию «великой царской печати». Трое суток братья молились за него, а потом опустили на шесть недель в «купель» (особый погреб). О том, какое именно посвящение его ждет, поэт узнал случайно и, позабыв свои собственные восторженные строчки: «Любовь отдам скопцу ножу, Бессмертье ж излучу в напеве», поспешно сбежал из «купели». См.: *Клюев Н.* Гагарья судьбина // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–102.

⁹⁰ Эткинд А.М. Хлыст: Секты, литература и революция. М., Хельсинки, 1998. С. 292–303.

⁹¹ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 119; Торчинов Е.А. Указ. соч. С. 357.

⁹² *Добрый Роман* (Антропов Р.Л.). Указ. соч. С. 225–226.

... едва мы разместились, как дверь бани открылась, и послышалось пение старческого голоса на протяжно-заунывный мотив:

Убить врага не в бровь, а в глаз.

Разом отсечь греха соблазн,

Попрать телесно озлобленье,

Окрутить ада средостенье...

Признаюсь, меня мороз продрал по коже. Эта необычайная обстановка, этот заунывный напев, эти непонятные мне, какие-то кабалистические слова...

– Иди, иди, миленький!.. – раздался уже в самой бане тот же высокий, тонкий старческий голос. – Иди, не бойся! Ко Христу идешь, к убелению, к чистоте ангельской.

Вспыхнул огонек. Теперь мне стало все видно. Старичок, худенький, небольшого роста, вел за руку высокого стройного молодого человека. Он зажег тонкую восковую свечу и поставил ее на стол, на котором лежали на белом полотенце крест и Евангелие. Старик был в длинной холщовой рубахе до пят, молодой человек тоже в белой рубахе, поверх которой было накинуто пальто.

– А ты теперь, миленький, пальто-то скинь. Жарко тут, хорошо, ишь как духовито! Благодать! Пока я крест раскалять буду, ты, ангелочек, почитай Евангелие. От евангелиста Матфея. Почитай-ка: “И суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небесного”.

Страшный старикашка подошел к ярко пылавшей печке, вынул острый нож с длинной деревянной ручкой и всунул его в огонь, медленно поворачивая. Нож, накаляясь, стал быстро краснеть. Я не спускал глаз с молодого человека. Лицо его было искажено ужасом. Широко раскрытые глаза были устремлены на скорчившуюся фигуру старика, сидевшего на корточках перед печкой и все поворачивавшего в огне свой нож. Время от времени в глазах его вспыхивало бешенство. Казалось, он готов был броситься на проклятого гнома и задавить его. Губы его, совсем побелевшие, что-то тихо, беззвучно шептали...

– Страшно... страшно... не хочу... – пролепетал он.

– Страшно, говоришь? И-и, полно, милушка! Сладка, а не страшна архангелова печать... И вот поверь, вот ни столечко не больно... – утешал молодого человека страшный палач. – Ну, пора! – поднялся на ноги старик. – Пора, милушка, пора! А то и так вчера дьявол явился в страшной пелене. Не к добру это!.. – И он с раскаленным добела ножом стал приближаться к молодому человеку.

– Встань, Митенька, встань, милушка! Дело божеское, благодатное... Одно слово: “Духом святым и огнем”... Не робей, не робей, не больно будет.

Молодой человек вскочил как безумный. Он весь трясся. Пот капал с его лица.

– Не хочу, не хочу! Не подходи!

– Поздно, миленький, поздно теперь! – сверкнул глазами старик. – Ты уже причастие наше принял.

– Не дам... убегу... вырвусь... – лепетал в ужасе молодой человек.

– Не дашь? Хе-хе-хе! Как ты не дашь, когда я около тебя с огненным крестом стою? Убежишь? Хе-хе-хе, а куда ты убежишь? Нет, мишука, от нас не убежишь! Сторожат святые, чистые, белые голуби час вступления твоего в их чистую, святую стаю. Поздно, Митенька, поздно!.. Никто еще отсюда не уходил без убеления, без приятя чистоты... Брось, мишука, брось, не робей! Ты закрой глазки да “Христос воскрес” затяни.

– Спасите меня! Спасите! – жалобно закричал молодой человек голосом, в котором зазвенели ужас, мольба, смертельная тоска.

– Никто не спасет... никто не спасет, Христос тебя спасет, когда ты убелиться! Слышишь? – прошептал “мастер” с перекошенным от злости лицом.

И он решительно шагнул к молодому человеку, одной рукой хватая его за холцевую рубаху, другой – выставя вперед нож.

– Я спасу! – раздался в эту страшную минуту голос Путилина.

Быстрее молнии он выскочил из засадки и бросился на отвратительного старика. Одновременно два страшных крика пронеслись в адской бане – крик скорпещеского “мастера”-пророка и крик молодого человека... Он упал в глубоком обмороке. Страшные пережитые волнения да еще испуг при внезапном появлении Путилина дали сильнейший нервный шок. Путилин боролся с проклятым стариком. ... Быстрым движением Путилин надел на него железные наручники и, выйдя из бани, дал громкий сигнальный свисток.

В саду бродили какие-то тени людей. Это “чистые, белые голуби” ожидали с каким-то мучительным наслаждением крика осконляемого. Для них не было, как оказалось, более светлого, радостного праздника, как страшная ночь, в которую неслись мучительные вопли жертв проклятых изуверов.

Крики ужаса старшего приказчика и несчастного Вахрушинского были поняты “белыми голубями” именно как крики “убеления”. И вот они, дожидавшиеся этого сладостного мгновения, выскочили из горенок своего флигеля и приблизились к зловецей бане. Не прошло нескольких секунд, как в сад нагрянула полиция... Начался повальный осмотр-облава этого страшного изуверского гнезда, оказавшегося знаменитым скорпещеским кораблем.

Последствия операции

Посткастрационный синдром сопровождается рядом гормональных, обменно-эндокринных, вегетативно-сосудистых, нервно-психических и других нарушений, наиболее тяжело протекающих в детском, а также репродуктивном возрасте. Самое заметное – изменение голоса. У кастрированных в детстве на всю жизнь оставался дис-

кант или сопрано, иногда появлялась картавость⁹³, у оскопленных в зрелости голос слабел⁹⁴ и становился более хриплым⁹⁵. Происходило множество других изменений, вызванных гипогонадизмом. Среди них: отсутствие адамова яблока и волос на теле (кроме лобка). Волосы на голове редкие и мягкие, выпадают меньше (плешивых или лысых у кастратов нет), а на лице растут только у кастрированных взрослых.

Отсутствие тестостерона приводит к активизации женских гормонов, вследствие чего развиваются молочные железы, объем мышечной массы и даже скелет приближаются к женскому, распределение жира по телу тоже идет по женскому типу (пресловутый целлюлит). Тучность колоссов вкупе с писклявым, почти детским голосом, производили гнетущее впечатление. Представленная выше фигурка Аттиса также изображает его с круглым животом и признаками гинекомастии⁹⁶. Согласно мифу, когда Рея оскопила Аттиса, он перестал быть мужчиной, стал похож на женщину, одевался в женскую одежду и, скитаясь по земле, справлял оргии, рассказывая о постигшей его участи и воспевая Рею. Бронзовая статуя другого паредра богини Комбаба представляла его с телом как бы женщины, но в мужской одежде (Luc. De dea syr. 15, 50–53; 26). Тело приближается к женскому типу фигуры, по выражению Е.В. Пеликана,

не придавая, однакож, ему ни одной из тех прелестей... которыми природа так щедро наделяет молодую, созревающую девушку. Все тело, при избытке в нем влаги, получает вялый, одутловатый вид, лицо делается бледно-желтым, безжизненным, но моложавым, а иногда напротив – старообразным, морщинистым; кожа получает особенную мягкость и бледность; клетчатка и мышцы становятся дряблыми. В преклонном возрасте у кастратов обыкновенно замечается большой живот, толстые ноги, отечные стопы, и поступь их делается затруднительною, тяжелою. Потребность в пище...

⁹³ С другой стороны, операции над женщинами тоже негативно сказывались на гормональном фоне. Известно, что некоторые женщины-скопчихи говорили басом и казались мужеподобны; эти изменения происходили после удаления груди. Другим проявлением было преждевременное старение.

⁹⁴ Преображения из хлыста в «белого голубя»: «голос его стал бабым, уже шеки его стали похожи на пузыри, словно налитые растопленным салом». См.: *Добрый Роман (Антропов Р.И.)*. Указ. соч. С. 220.

⁹⁵ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 77.

⁹⁶ Селиванова Л.Л. Кабир или Аттис? С. 336–341.

уменьшается; пот становится кислым, моча...содержит меньше мочевины и других продуктов метаморфоза азотистых веществ⁹⁷.

При этом у кастратов реже бывают грыжи, ломота, мочекаменная болезнь, кожные болезни, плешивость. Они почти не подвержены проказе и редко страдают умопомешательством. Бывали даже случаи, когда после оскопления проходили душевные расстройства и эпилепсия⁹⁸.

«В 50-60 лет», — пишет Н.Н. Волков, — «старые скопцы трудноотличимы от старухи. Дряблое, сильно ожиревшее тело, часто с отвисшими, жирными грудями; бледное, сморщенное безбородое лицо; пытливые, подозрительные глаза — таков внешний облик большинства скопцов в старости. На женщин сколь-нибудь заметного влияния в смысле изменения общей конституции организма оскопление не производит»⁹⁹.

Характер часто менялся в сторону меркантильности, жадности, стяжательства, хитрости, скрытности, лицемерия, ханжества, особой нелюбви к родным и близким. Волков, правда, объяснял это социально-психологическими особенностями того класса, из среды которого вербовались члены секты: торгаши, кулаки¹⁰⁰. На интеллект операция, как правило, не влияла¹⁰¹.

Либи́до и возможность коитуса. Неполная кастрация (первая ступень, «малая печать») не подавляла, а иногда усиливала плотское вожделение, что помимо соблазна стяжательства влекло новых членов. О том же говорит и Лукиан:

Женщины страстно влюбляются в галлов, которые, в свою очередь, безумно к ним стремятся; такая любовь не вызывает никакой ревности и почитается даже священной (De dea syr. 22).

Описывая бродячих жрецов сирийской богини, Лукиан дает им самую уничижительную характеристику. Их глава, «старый греховодник» Филеб вместе со своими «распушенными пособни-

⁹⁷ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 79–80.

⁹⁸ Там же. Стб. 80.

⁹⁹ Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 70.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Так, большим умом был одарен скопец Савельев, мещанин, а затем купец, помнивший еще «предтечу» Шилова. Этот старик обладал удивительной по его летам памятью: он рассказывал о смерти императора Иоанна Антоновича, содержащегося в том же каземате, где сидел и он сам (Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 340–341, прим. 1).

ками», которых сам называет «девочками»¹⁰², заставляет богиню «просить милостыню» на сельских праздниках во время показательных самоистязаний. Отправляясь «на работу», бесстыдники не постеснялись обворовать местное святилище, а одного деревенского юношу завлекли к себе и «воспользовались от него всем, что обычно и приятно таким безбожным развратникам» (Лукиан. Лукий, или Осел. 35–41). Н.Н. Волков справедливо указывает на связь кастрации с проституцией и гомосексуализмом в древности. В Римской империи странствующих скопцов, служащих Великой Матери, называли *metragirtes* – «те, кто копят в живот»¹⁰³. В.И. Даль сообщает, что «неполные, то есть не возложившие на себя *царской печати* скопцы... в недрах скопич своих предаются с полной свободой всем крайностям распутства,.. избирая... в друзья и сожители молодых и благообразных юношей своей секты, с которыми они имеют тогда все общее: стол, ложе, дом и имущество». Арестант Соловецкого монастыря Кудинов, знавший все тайны скопчества, показывал:

*они... плотоугодию, сладострастию и мамону служат как своему идолу, говоря, что брачные гости не постыятся, когда с ними женях; прежде имели они подружек женщин, как и сам их лжехрист, но теперь каждый скопец соединен с другим скопцом же непотребным дружеством»*¹⁰⁴.

Св. Василий Великий утверждал, что скопцы возмужалого возраста в плотских похотях развратнее других людей. В этом и кроется причина казни некоторых евнухов, стражей гарема на Востоке. Полагали также, что женщины-скопчихи, избличавшие себя желтой кожей, вялыми, маленькими грудями (если они были) и общей изнуренностью, выглядели так из-за неумеренных, извращенных и слишком продолжительных совокуплений, став жертвами своих «братцев»¹⁰⁵. Впрочем, общение с непомерно похотливыми скопцами калечило и нормальных женщин¹⁰⁶. К. Селиванов наказывал братьям избегать близких отношений с сестрами, дабы не возбуждать «лепость»:

¹⁰² Имеются свидетельства, что галлы пользовались косметикой и благовопиями (Luc. De dea syr. 15; *Hepding H.* Op. cit. S. 103).

¹⁰³ Волков Н.Н. Скопчество. С. 40–43.

¹⁰⁴ Даль В.И. Указ. соч. С. 35–36.

¹⁰⁵ Там же. С. 37.

¹⁰⁶ Так, один богатый петербургский скопец постоянно имел на содержании немка, доставляемых ему из Кенигсберга. Редко кто из них выдерживал

Храните девство и чистоту. Не заглядывайтесь братья на сестер, а сестры на братьев¹⁰⁷, и не имейте праздных разговоров и смехов... от сего рождается злая лепость, которую не без труда искоренить можно... удаляйтесь злой лепости и не имейте братья с сестрами, а сестры с братьями праздных разговоров и смехов, отчего уже происходит лепость: ибо она, как магнит-камень... так и женская лепость, по врожденному свойству своему, каждого близко общающегося брата с сестрою привлекает к себе и неприметно вкрадывается в сердце человеческое, и, яко моль, точит и поедает всю добродетель и изгоняет благодать Божию¹⁰⁸.

Известно, что итальянские кастраты, буквально сводившие публику с ума, были донжуанами не только в гостиных, но и в альковах. Многие имели любовниц, которых манила не только волшебная сила голоса и чувственная привлекательность двойственного пола, но и секс без последствий. Кастрация могла и уменьшить либидо, и сделать его непредсказуемым, о чем свидетельствуют многочисленные любовные истории кастратов с женщинами и мужчинами, а также браки. Оскопление не препятствовало ни эрекции, ни эякуляции, но сперма не содержала сперматозоидов. Медицина и церковь того времени признавали, что кастраты страдают бесплодием (*impotentia generandi*), но не бессилием (*impotentia coeundi*)¹⁰⁹. По мнению Е.В. Пеликана, способностью к совокуплению обладали только те, кто был оскоплен взрослыми (но не в преклонном возрасте). У оскопленных в детстве или мла-

больше года. Уезжали они от него, щедро наделенные, но с безвозвратно потерянным здоровьем (*Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 74, сн.2*).

¹⁰⁷ Это было главной причиной расхождения К. Селиванова с хлыстами и отделением от них. В беседах с А.И. Шиловым он сетовал: «Исходил я по всем кораблям, но все лепостью перевязаны, то и норовят себе, где бы с сестрой в одном месте посидеть. Уж бить змею, так бей скорее до смерти, покуда на шею не вспрыгнула да не укусила... сказано в Писании: “аще рука твоя или нога твоя соблазняет тя, отсецы ю и верзи от себя, и аще око твое соблазняет тя, изми е и верзи от себя”. Посему и в прочем следует поступать. Что соблазняет, то и отсеки» (*Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 326–327*). Хлысты возражали: «Не великое дело бороться с врагом зарезанным, а ты поборись с живым!» Но хотя «сизые голуби» и презирали «белых голубей», сами они на своих «кораблях» нередко имели скопцов, а чаще скопчих.

¹⁰⁸ Так называемые у скопцов «Страды» Лже-Христа Селиванова // Даль В.И. Указ. соч. С. 106–108.

¹⁰⁹ *Барье П. История кастратов. Пер. с фр. СПб., 2006. С. 162–174.*

денчестве эрекция отсутствовала или была слабой. В первые месяцы после оскопления человек может не только совершать половой акт, но и ощущать что-то, вроде эякуляции (возможно, секрет предстательной железы). Постепенно эрекция слабеет, бывает изредка и лишь как «сладострастная греза, без чувства излияния семени»¹¹⁰. Но на практике сексуальные аппетиты варьировались иногда существенно. Все зависело от затронутых операцией органов и обстоятельств ее проведения.

Эти знания о скопцах были использованы в знаменитой пушкинской «Сказке о золотом петушке», созданной в период болдинской осени 1834 г. Сказка оказывается вовсе не детской, в ней зашифрованы многие смыслы¹¹¹. Звездочет-скопеч дарит царю золотого петушка, предупреждающего внешнюю угрозу государству. Дадон обещает за это исполнить любую волю мудреца, но обманывает его, когда тот просит подарить ему «девицу, Шамаханскую царицу». При этом он задает примечательный вопрос: «Я, конечно, обещал, Но всему же есть граница. И зачем тебе девица?». Старик продолжает настаивать и получает сначала ответ: «Ничего ты не получишь. Сам себя ты, *грешник* (выделено нами – Л.С.), мучишь», а потом и жезлом по лбу. А, действительно, зачем скопцу девица, если он, с точки зрения православного человека, не грешник? Только ли дело в том, что мудрец, прозревая опасность, пытался спасти царя? Шамаханская царица в сказке играет зловещую роль. Она появляется ниоткуда, губит влюбленных в нее сыновей Дадона

¹¹⁰ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 71–74.

¹¹¹ Так, В.А. Кошелев находит в ней «гамлетовский» пласт, позволяющий понять запрещенный цензурой «намеки», из которого следует извлечь «урок» – суждение о противоестественном устройстве мира, только кажущемся сказочным и «обыкновенным»: «Какая-то в державе датской гниль». См.: Кошелев В.А. Царь Дадон и принц Датский // Русская литература. 2002. № 2. С. 138–145. В сказке видели злую пародию (царствование «лежа на боку»), оборонительный союз царя и пророка, страх и поклонение женскому началу, скопческий эротизм власти и др. По Эткинду, сказка – первая русская антиутопия, формулирующая центральную идею: благополучие человека не может быть обеспечено ценой своей природы, потерей пола. Кроме того история союза царя Дадона и скопца-звездочета, якобы, детально предсказала судьбу отношений Николая II и Распутина. См.: Эткиндо А.М. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 135, 169.

и странным образом обе его рати («Было, не было сраженья»), выманивает и обольщает самого царя, провоцирует конфликт со звездочетом и его убийство под «хи-хи-хи да ха-ха-ха», дожидается смерти царственного жениха и, выполнив свою миссию, внезапно пропадает. Между звездочетом-скопцом и роковой красавицей существует определенная связь. Владения царицы в Шемахе, «шамаханским мудрецом» постоянно именуется звездочета А.С. Пушкин в своих черновиках. Из Шемахи, древнего центра Ширванского ханства, исходит угроза царству Дадона (петушок постоянно кричит, обратившись на восток). С одной стороны, эта область современного Азербайджана является одной из зон распространения мистического ислама, впитавшего в себя идеи маздеизма и йезидизма. Тогда и звездочет, и царица – обладатели древнего восточного эзотерического знания, вызывающего подсознательный страх, несомненно, являются темной силой, враждебной православному государю. Анна Ахматова в статье «Последняя сказка Пушкина» объясняла сюжет сказки мстью мудреца царю-завоевателю, захватившего его родину в 1820 г. Однако звездочет погибает, единственным, кто выигрывает во всей этой истории, оказывается таинственная царица, исчезнувшая со странным хихиканьем. Ахматова установила, что одним из источников пушкинской сказки была «Легенда об арабском звездочете» писателя-мистификатора Вашингтона Ирвинга в его книге «Альбрагма», вышедшей в 1832 г. в Лондоне¹¹². Вкратце сюжет этот длинной псевдоарабской сказки таков. На старого мавританского короля Абен-Габуза нападают враги. Его советник арабский звездочет Ибрагим рассказывает о талисманах, предупреждающих о нападении (медных петухе и баране), и дает свой – медного всадника, за что ему обещают награду. В горах находят готскую принцессу, король влюбляется и отказывается отдать ее звездочету. Происходит ссора, принцесса и звездочет проваливаются в его подземное жилище. Талисман теряет свою силу, превратившись в обычный флюгер, и враги вновь нападают на ослабевшего царя. Здесь акценты другие: царь восточный – принцесса европейская, звездочет-нескопец в итоге побеждает и получает желанную добычу – без-

¹¹² Ахматова А.А. Последняя сказка Пушкина // Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 18–42.

гласную христианскую пленницу. Другим источником «Сказки» были слухи о секте К. Селиванова в конце 1810 – начала 1820-х гг. (в частности, о встречах ересиарха с императорами Павлом и Александром), а также книга 1919 г. «О скопцах» бывшего лицейского надзирателя М. Пилецкого, изобразившего скопцов невиннейшими людьми. На Кавказ, после присоединения его к России в начале XIX в., ссылали хлыстов и скопцов отовсюду¹¹³, и под Шемахой образовались их поселения. И, может, «шамаханский скопец» (как иногда в черновиках Пушкина называется звездочет) – «никакой не восточный евнух, а ссыльный русский сектант»¹¹⁴. Тогда активная, самостоятельная царица напоминает хлыстовских богородиц, богинь, власть которых в кавказских кораблях была неограниченной¹¹⁵. Так

¹¹³ В романе Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», действие которого разворачивается на фоне Закавказья, скопцы упоминаются постоянно.

¹¹⁴ *Эткинд А.М.* Указ соч. С. 164, 169–173. Эткинд полагает, что «Сказка» могла отразить историю так называемого проекта Еленского. А.М. Еленский – бывший камергер последнего польского короля и статский советник русской службы, скопец и видный член скопецкого корабля Петербурга, поспешествовавший освобождению из богадельни Смольного монастыря К. Селиванова. Думая, что скопцы находятся под покровительством императора, Еленский подал в 1804 г. Александру I проект переустройства государства Российского в скопецкую теократию. Тонем библейского пророка он поучал императора слушать во всем «богвдохновенный сосуд», Настоятеля – К. Селиванова, а также учредить «божественную канцелярию» из хлыстов и скопцов, и возглавит это правительство сам Еленский. Дотоле мягкий к скопцам (как и прежние цари), государь приказал его арестовать и сослать, как сумасшедшего, в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где оный прожектер и окончил свое земное существование (*Мельников-Печерский П.И.* Указ. соч. С. 351; *Панченко А.А.* Христовщина. С. 178–180), Спасо-Евфимиевский монастырь был не столько обителью для подвижников, отказавшихся от мира, сколько острогом для опальных духовных и светских лиц. Сюда заключали и ересиархов, и некоторых декабристов. «Урок» сказки, по Эткинду, в том, что «скопцы и их проекты обещают, но не принесут счастья ни царям, ни добрым молодцам» (*Эткинд А.М.* Указ соч. С. 135).

¹¹⁵ О кавказских хлыстах говорили, что они «стоят на своем, как слоны неповоротливые. Фанатизм невероятный, и повиновение. Слово, жест их богородицы – и село готово кинуться в огонь, готово зарезать или зарезаться». Одна такая богородица Лукерья устроила в степи свое царство. Губернатор, относясь к ней с уважением, обратился во время Русско-Турецкой войны: «Вызвольте, матушка». Та выставила целые табуны и денег не взяла. Ездил в коляске в сопровождении конвоя, одетого в форму его величества, всюду ее сопровождал конный строй. «Едет, как царица, как икона... Лицо действительно было поразительное».

считает и Розенков: Шамохань была деревней скопцов во главе с женщиной (Шамаханская царица), сказка говорит о поочередном оскотлении влюбленных в нее царевичей, а золотой петушок – это мужской половой орган, причина всех бед¹¹⁶.

Версии психологические и психиатрические

Один из первых исследователей скопчества русский фольклорист, этнограф и врач В.И. Даль дал ему самую жесткую оценку:

... скопцы – не люди и никогда не могут быть превращены снова в людей: в них нет уже человеческих чувств; они оторваны от общества навсегда, а между тем представляют живой пример и соблазн для людей слабоумных, изуверных, лежковерных, корыстных... Это язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя¹¹⁷.

Единственный выход – выселить их туда, где они не смогут совращать и уродовать людей, лучше всего в места, заселенные иноверцами, особенно мусульманами¹¹⁸. Однако видеть в этих операциях только изуверство, радикальный способ избавления от плотского вожделения, будет неверным. «Отсекая голову змию», скопцы не просто боролись со «злой лепостью». Они формировали новые, безгрешные тела. Одна из легенд скопческого фольклора объясняла половые различия грехопадением. Бог создал Адама и Еву по своему образу и подобию, бесплотными. Но когда они, прельщенные дьяволом, отведали запретных плодов, у них выросли подобия этих яблок: у мужчин семенные ядра, у женщин груди¹¹⁹. Таким образом, «ампутируя» пол, скопцы приближали себя к первоначальному, райскому существованию. В.В. Розанов точно подметил женственный характер ересиарха, самокастрация которого стала средством удаления «лишней», дисгармонирующей детали¹²⁰.

тельно и... чрезвычайно красиво от особенного, никогда мной не виданного внутреннего блаженства, и блаженства гордого, но мягко-властительного, религиозно-властительного» (Розанов В.В. Указ. соч. С. 54–58).

¹¹⁶ Розенков Е.А. Указ. соч.

¹¹⁷ Даль В.И. Указ. соч. С. 104.

¹¹⁸ Там же. С. 102–103.

¹¹⁹ Панченко А.А. Христовщина. С. 374.

¹²⁰ «Селиванов – девушка! ... сорвал с себя мужские детородные органы, не только ему совершенно не нужные, но и противоречившие всему его самоощущению – гадкие, противные» (Розанов В.В. Указ. соч. С. 20–21, 75).

И в мистериях Великой матери оргиазм плодородия переплетался с аскетическим самоограничением. Оттого избыток мужской силы, демонстрируемый на неистовых праздниках богини, неизбежно разрешался половым бессилием и асексуальностью, возведенными в ритуал, который был актом преодоления различий между мужчиной и женщиной путем самооскопления. Аттис, Адонис, Комбаб, Эшмун и др. подобные боги оскопляли себя, становились «девами» и носили женские одежды, чтобы приблизиться к Великой Богине, уподобляясь ей¹²¹. Они – «Матероохваченные галлы» (Μητρούχλητοι γάλλοι). Аттис – сын двуполого божества Агдитис, плоть от плоти мужской, отсеченной, и возлюбленный женской ипостаси божества. По сути, Аттис есть оскопленное Агдитис, которое соединилось с собой же и породило себя же¹²². Поэтому Аттис – мужская, а Кибела – женская составляющая одного целого¹²³. Замечательно тонкое наблюдение Розанова о хлыстах, относящееся и к скопцам: у них души женственные, ярко не мужские души, «умягченные особым умягчением, они искали Христа, чтобы не только выслушать его слова, но и слиться с ним в порыве восторга, покорности, повинования, слиться существом своим с существом Его»¹²⁴. При разности религий идея здесь одна – слияние с божеством в экстазе бесполого эроса. У хлыстов и скопцов оба пола почитались равными¹²⁵ со ссылкой на Новый Завет:

¹²¹ «Божества космического плодородия, – замечает М. Элиаде, – ... либо гермафродиты, либо же бывают погодно то мужского, то женского пола... Большинство божеств растительности (таких как Аттис, Адонис, Дионис) бисексуальны, равно как и Великие Матери (например, Кибела)». См.: *Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения*. М., 1999. С. 383.

¹²² *Селванова Л.Л. Самооскопление во славу Богини*. С. 35–36.

¹²³ Служитель Кибелы именовался «кибебос», как мужская ипостась богини, а ее верховный жрец в Пессинунте считался Аттисом (Polyb. XXI. 20). Аттис было обычным именем этого жреца (Polyb. XXI. 37). В развалинах Пессинунта была найдена обширная переписка пергамских Атталидов с одним из таких Аттисов. См.: *Cumont F. Attis*. Sp. 2252.

¹²⁴ *Розанов В.В. Указ. соч.* С. 75.

¹²⁵ Гендерное равенство отмечает американский исследователь украинского происхождения С.И. Жук и у шалопутов (последователей хлыстов, испытавших на себе также влияние скопчества), и у протестантов-штундистов (частично впитавших хлыстовские идеи) – сект, получивших распространение в южнорусских губерниях в XIX в. У шалопутов богородицами назывались не

*Павел, апостол старого Христа, говорил: "несть мужеск пол, несть женский: все бо едины во Христе", а у нас и подавно так*¹²⁶.

Такое понимание вело к пересмотру христианского догмата о Троице: если мужское начало в лице Христа неотделимо от женского, то Христос отождествляется с Богородицею, а Святой Дух соответственно является собственным Отцом. Такой Христос больше напоминает языческого Диониса¹²⁷. Женщина («богиня, богородица») вообще занимала центральное место в хлыстовском и скопческом культе. Эту женскую составляющую очень хорошо чувствовали поэты, писатели, философы второй половины XIX в.¹²⁸ В романах «Пророчица», «Завещание Каина», «Душегубка» австрийский писатель Л. Захер-Мазох, этот «галицийский Тургенев», по словам французов, и «малороссийский Шопенгауэр» (как называли его русские) описал ритуалы закарпатских хлыстов. В «Душегубке» героиня – сектантская богородица, загадочная и жестокая, как сфинкс, мучающая и убивающая без ненависти. Герой, молодой офицер влюбляется в нее, она же говорит примечательные слова о русских женщинах:

*С первого взгляда они кажутся одалисками, в сущности же скифские амазонки, неумолимые, неустрашимые и жестокие создания*¹²⁹.

Первой амазонкой, то есть «безгрудой» (Α-μαζών) называет Д.С. Мережковский невесту Атгиса, отрезавшую себе груди на брачном пиру. Это единственное в источниках упоминание, может быть, содержит глухой намек на какую-то единичную или локаль-

только женщины, но и мужчины, как «рождающие словом». С другой стороны, христом мог быть не только мужчина, но и женщина, ибо Бог вселяется одинаково и в мужчин, и в женщин. См.: *Zhuk Sergej I. Russia's Lost Reformation. Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. Washington, Baltimore, London, 2004. P. 12, 15–16, 101–107, 126, 266–267, 303, 307–308, 400.*

¹²⁶ Мельников-Печерский П.И. Указ. соч. С. 304, прим. 4.

¹²⁷ В воображении Мережковского, Бердяева, Ключева Христос был мужедевой. См.: *Эткинд А.М. Содом и Психея. С. 74.*

¹²⁸ В «Бесах» Ф.М. Достоевского, в «Серебряном голубе» Андрея Белого, «Пламени» Пимена Карпова, «Сатане» Георгия Чулкова, в «Антихристе» Валентина Свенцицкого сектантский заговор ведет интеллигентного героя через мучительную эротику к гибели, к ритуальному убийству.

¹²⁹ Цит. по: *Эткинд А.М. Содом и Психея. С. 36.*

ную попытку (возможно, со стороны жрецов) распространить обряд и на женщин, что не прижилось, так как он являлся частью мистерий женского божества в ипостаси Матери¹³⁰. И в русском скопчестве женское оскопление вторично, оно возникает позже, не является строго обязательным, а богородицы и кормилицы корабля не подвергались операции вообще.

Отдельная тема – страх перед кастрацией и желание ее. В Сирии эллинистического времени, например, было такое количество оскоплений, что царь Авиар приказал отрубать виновным руки, но это не помогало: мученики Аттиса летели на «кровавую жатву», как на огонь мотыльки. Помимо социально-экономических и политических причин, традиционных у сектантов эсхатологических и апокалипсических ожиданий, на которые справедливо указывают историки, рассматривающие это явление в контексте социально-экономической и политической истории России XVIII–XX вв., для каждого, принимающего решение, этот акт всегда остается глубоко личным. Известно, что такое часто происходило под влиянием сильных душевных потрясений, тоски, после перенесенных болезней, во время эпидемий чумы и холеры, падежа скота¹³¹. Так, оскопивший себя в январе 1847 г. крестьянин Григорий Васильев 49–50 лет показал на допросе, что до этого сильно болел. После поправки ощущал сильный жар в теле, крайнее расслабление и необыкновенную сердечную тоску, которая после падежа у него коровы достигла такой степени, что он решил что-нибудь сделать с собой, почему выйдя на двор и взяв косу, отрезал себе уд с мошонкой и бросил их с косою в навоз; после чего объявил об этом домашним (Дело д.о.д. 25 июля 1850 г. № 968¹³²). В другом случае крестьянин Ф. Головастов во время эпидемии холеры в 1849 г. почувствовал себя «сильно виноватым» в частом совокуплении с женой, и, страшась болезни, а также

¹³⁰ Мнение Л. Моц, что Кибела – не богиня материнства, а божество, противное продолжению жизни (ибо ей служат евнухи, а в мифах имеет место неестественное рождение – см.: *Motz L.* Op. cit. P. 117, 295, n. 41), противоречит общей традиции, представлявшей Кибелу как Мать. Но, разумеется, среди множества ипостасей и функций Великой Богини, имеется и разрушительная.

¹³¹ *Панченко А.А.* Русские скопцы; *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 37–39.

¹³² *Пеликан Е.В.* Указ. соч. Стб. 107.

чтобы не иметь детей, оскотился¹³³. Политический ссыльно-каторжный Иосиф Зыгзон 42 лет, осужденный на 12 лет за тройное убийство, вырезал у себя яички и мошонку. В «отобранном показании» пояснил, что сделал это «в неудовольствии на самого себя, вследствие своей бедности» (Дело д.о.д. 26 мая 1870 г. № 153)¹³⁴.

Поэтому многие ответы надо искать в области психологии. Специальных работ по этой теме практически нет. В 1908 г., правда, вышла монография «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» ученого-богослова Д.Г. Коновалова, который специально для этого занимался неврологией и психиатрией. Он описал психосоматические эффекты, сопровождавшие ритуалы «энтузиастических» сект. Медики начала XX в. активно использовали «неврологический» подход к различным явлениям народной религиозной культуры (в частности, кликушества и одержимости). Однако из-за формального подхода к предмету богословский дискурс у автора был просто заменен медицинским, вырванным из общего контекста. Так, в «трететании сердца», о которых говорили участники радений, он видел только «возбуждение кровеносной системы». Нельзя не согласиться с В.В. Розановым: «Мы ощупываем физиологию, а души за нею не видим»¹³⁵.

То же можно отнести и к психиатрическому подходу, рассматривающему данный феномен как психическую болезнь¹³⁶. Большое сомнение вызывает и фрейдистская трактовка: наличие у большинства людей так называемого «кастрационного комплекса», или «комплекса Эшмуна»¹³⁷, выражающегося в боязни потери гениталий. З. Фрейд полагал, что этот комплекс присущ и женщинам, поскольку некогда у них тоже был пенис, который они потеряли

¹³³ Там же. Стб. 27.

¹³⁴ Там же. Стб. 110.

¹³⁵ Розанов В.В. Указ. соч. С. 59.

¹³⁶ Примеры единичны. По подсчетам Е.В. Пеликана, при рассмотрении всех дел о скопцах набралось всего 14 человек. Из них шестеро (все мужчины) представляли исключительно клинические случаи, 3 имели душевные расстройства до оскотления, 1 (мужчина) -- после, у оставшихся 4-х (2 мужчин и 2 женщины) помешательство было притворным или вымышленным. См.: Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 106–114.

¹³⁷ Эшмун – финикийский бог, оскотивший себя, убегая от богини Астарты.

из-за «плохого поведения» (известное положение, что биологическая природа женщин предопределяет зависть к пенису). Перефразируя высказывание Андрея Белого о психологии, можно сказать, что психоанализ – «тоже способ рассмотреть в себе то, что требуется отсечь»¹³⁸. Вольные психоаналитические фантазии заводят порой весьма далеко. Например, И.П. Смирнов находит упомянутый комплекс в поэзии А.С. Пушкина¹³⁹. Е.В. Пеликан считал скопцов психически вменяемыми, но умственно ограниченными, чему способствовали радения, ослаблявшие рациональное мышление:

*Скопцы суть жертвы грубого невежества, но мозги их не расстроены болезнью, следовательно, они не должны быть причисляемы к помешанным, а только к заблуждающимся*¹⁴⁰.

А.А. Панченко объясняет появление секты скопцов массовым социальным психозом, вызванным ожиданиями конца света, страшного суда, наступления «тысячелетнего царства Христа» и проч.¹⁴¹ Близка к этому мнению и американская исследовательница, профессор Йельского университета Лора Энгельштейн: среди причин возникновения скопчества как духовно мотивированного коллективного порыва были массовые страхи и эсхатологические ожидания из-за эпидемии чумы 1771–72 гг. в Москве и Подмоскowie. При этом она не считает скопчество психопатологией¹⁴². В том же духе, что и А.А. Панченко, хотя и с выраженной позиции классовой борьбы, объясняет древнее скопчество Н.Н. Волков: «религиозная одержимость, связанная с различными слоями рабовладельческих деспотий древнего Востока, является следствием депрессивных общественно-экономических отношений, определивших готовность народных масс к религиозному отчуждению и самокастрации»¹⁴³. Суть этой одержимости, пожалуй, лучше всех выразил Александр Блок, увлеченно занимавшийся историей катул-

¹³⁸ Белый А. Символизм и миропонимание. М., 1994. С. 180.

¹³⁹ Смирнов И.П. Кастрационный комплекс в лирике Пушкина // Russian Literature. 199. Vol. 29. P. 205–228.

¹⁴⁰ Пеликан Е.В. Указ. соч. Стб. 103–106.

¹⁴¹ Панченко А.А. Русские скопцы.

¹⁴² Энгельштейн Л. Указ. соч. С. 36–38.

¹⁴³ Волков Н.Н. Скопчество. С. 41.

ловского «Аттиса»¹⁴⁴: «кровопролитие... становится тоскливой пошлостью, когда перестает быть священным безумием»¹⁴⁵ (выделено нами – Л.С.). Схожим образом характеризует русское скопчество А.М. Эткинд, определяя его как реакцию на русское Просвещение. «Рациональная культура капиталистического города вызывала ожесточенное сопротивление. Освящая собственность и семью, разделяя частную и публичную жизнь, монополизируя насилие в руках государства, делая культ из абстракций науки и права, очищая жизнь от страсти и карнавала, буржуазия вызывала к жизни встречные социокультурные движения – отрицающие собственность, семью и рациональность, сливающие частную и публичную жизнь в мистике запоздалого карнавала». В итоге «антибуржуазные, агрессивно-архаические идеи народной мистики воплотились в проектах раннего большевизма»¹⁴⁶. По сути, везде речь идет о пассивном сопротивлении.

Наиболее перспективным при всей его неоднозначности представляется трансперсональный подход Станислава Грофа, американского психолога и психиатра чешского происхождения, одного из пионеров изучения измененных состояний сознания. В психоделических сеансах он заметил переживания религиозного характера: видения Великой Матери, Ужасной Богини-матери, ада, рая, царства небесного, мифологических сцен. Гроф выделил четыре базовые

¹⁴⁴ По мнению Блока, Катулл сам испугался того, что описал, и потому отрекся от Аттиса: «О Кибела, о богиня, ты, кого на Диндима чтут! Пусть мой дом обходят дальше, госпожа, раденья твои, Возбуждай других к безумству, подстрекай на буйство других!». Доказывая, что «Аттис» есть «создание жителя Рима, раздираемого гражданской войной», поэт создает свое произведение на злобу дня – очерк «Катилина. Страница из истории мировой Революции». Образ «римского большевика» сливается с образом Аттиса, а революция трактуется как кастрация, освобождение от тяжести и творение новой, более совершенной породы человека. См.: Блок А.А. Катилина. Страница из истории мировой Революции // Блок А.А. Искусство и революция. М., 1979. С. 264–268. Показательно, что ритм катулловских галлиямбов совпадает с размером поэмы «Двенадцать». Многие философы и писатели обращали также внимание на хлыстовскую природу блоковского Иисуса, а самого Блока современники воспринимали в «обличьи андрогина» (И. Анненский) и «демоном с улыбкой Тамары» (А. Ахматова). См.: Эткинд А.М. Содом и Психея. С. 73.

¹⁴⁵ Блок А.А. Собрание сочинений в 8 тт. М. – Л., 1961. Т. 6. С. 92.

¹⁴⁶ Эткинд А.М. Указ соч. С. 89–90.

перинатальные матрицы (БПМ), соответствующие стадиям беременности и родов¹⁴⁷. БПМ-I – симбиотическое единство плода с матерью, безмятежное внутриутробное существование, видения царства небесного или рая. БПМ-II – начало родов, сокращения матки, шейка еще закрыта. Переживания связаны с ощущениями космической поглощенности, кошмара замкнутого пространства, безнадежности, безысходности, мучительного одиночества, страха, вины. Воспоминания о попадании во власть могучей разрушительной силы без шансов на спасение, физиологически проявляющиеся напряжением и болью в гениталиях, сексуальной фрустрацией. БПМ-III – раскрытие шейки матки, движение плода, отчаянная борьба за выживание, сильнейшее механическое сдавливание, гипоксия, удушье. Переживается как титаническая борьба, садомазохизм, сексуальное возбуждение. Частые темы видений: шабаши, оргии, пытки, убийства, изнасилования, кровавые жертвоприношения, самопожертвование, распятие, отождествление себя с Христом, поклонение ужасным богиням, религиозные обряды, сочетающие секс с исступленным ритмическим танцем (фаллические культы, ритуалы, посвященные богине плодородия). Общим являются переживания смерти, извращенной сексуальности, страха, агрессии, искаженного духовного порыва – слияние агонии и экстаза («вулканического экстаза», по С. Грофу). Именно на этой стадии появляется стремление к членовредительству, в частности, к самокастрации, как избавлению от боли через причинение боли больному месту (известное каждому желание вонзить в ноющий зуб что-то острое – клин клином). БПМ-IV – роды. Мучительный процесс продвижения плода закончен, боль и напряжение сменяются релаксацией. Ребенок появляется на свет после долгого периода темноты, и с перерезанием пуповины его телесная связь с матерью прерывается. Символически эта стадия выражается как *опыт смерти-возрождения*. Ощущение физической гибели и сразу яркая вспышка белого или золотого света необыкновенной красоты, видения пробуждающейся весенней природы, освежающей грозы, человек испытывает чувство духовного освобождения, спасе-

¹⁴⁷ Гроф С. За пределами мозга. М., 1993. С. 140–141.

ния и искупления грехов. Смерть связывается с богами-разрушителями или с отождествлением себя с Христом, Осирисом, Адонисом, Дионисом и другими страдающими богами. Богоявление персонифицируется в образах великих богинь-матерей: Девы Марии, Исиды, Геры, Кибелы. Очевидно, что данные, полученные С. Грофом и его коллегами, выходят далеко за рамки психиатрии, психологии и психотерапии¹⁴⁸.

А.А. Панченко отрицает какие-либо аналогии с культом Кибелы и Аттиса¹⁴⁹. Напротив, К.Кутепов напрямую выводил историю русских скопцов от жрецов Кибелы¹⁵⁰. Новый политеизм, «во всем или в очень многом аналогичный политеизму азиатских, греческих и италийских племен» видел в русском скопчестве В.В. Розанов¹⁵¹. Н.Н. Волков, рассматривавший религию с позиций марксизма, связывал возникновение религиозного скопчества с христианством, впитавшим идеи гностицизма и сохранившим храмовое скопчество в Ватикане до XIX в. При этом он находил влияние славяно-финского язычества, которое, «как во всех шаманских религиях», было связано с волхованием и пляской в весенних обрядах¹⁵². Он также не считал древнее скопчество стремлением отдать богине свои целомудрие и пол, дабы приблизиться к ней¹⁵³. Современная американская исследовательница Лотта Моц утверждает прямо противоположное: Аттис и галлы дарят богине свое мужество, меняя пол, подобно переодетым в женское платье шаманам. Самого Аттиса она называет богом-шаманом, видит в его обрядах признаки шаманского камлания, где бубен заменен тамбурином, а жрецы-галлы, подобно богу, переживают агонию – шаманскую инициацию и так же, как он, демонстрируют дар провидения и целительства (здесь она не противоречит Н.Н. Волкову). При этом Кибела сама участвует в неистовстве Аттиса, в его оскотлении, лечении, в его шаманских пережи-

¹⁴⁸ Там же. С. 237.

¹⁴⁹ Панченко А.А. Христовщина. С. 366.

¹⁵⁰ Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 100, 106.

¹⁵¹ Розанов В.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁵² Волков Н.Н. Секта скопцов. С. 54, 67.

¹⁵³ По его мнению, лишённые семьи кастраты оставляли свое имущество храму, а сами своим экзотическим видом и поведением способствовали прозелитизму жрецов (Волков Н.Н. Скопчество. С. 46, 48, 52).

ваниях и получении магического дара¹⁵⁴. Разумеется, ни о каком, даже опосредованном христианством влиянии древних культов на русское скопчество говорить не приходится¹⁵⁵. Всякое культурно-историческое явление следует изучать в контексте того времени. Речь идет о единстве психотехники и общности эзотерических идей, к которым адепты приходят независимо, путем самостоятельных исканий. Практика медитации в движении известна давно и у многих народов. Это и длительное монотонное кружение под ритмичные удары музыкальных инструментов, когда нельзя зафиксировать взгляд, а также прыжки, специфические телодвижения с криками, пением и плясками. При нарастающих темпе и звуке вначале появляется боль в ногах, одышка, усиливается сердцебиение, а затем дискомфорт внезапно проходит (в спорте это называется «мертвой точкой») и открывается «второе дыхание», человек отрешается от реальности и погружается в транс, испытывая при этом прилив бодрости, сил и хорошего настроения. Такая пляска «до одурения... должна истощать силы, то есть ослаблять “злую лепесть”, а, с другой стороны, действуя на радеющих как бы наркотически, она доставляет им особого рода вожделение»¹⁵⁶. В этом, по-видимому, и состоит победа над ужасом самооскопления¹⁵⁷. Во время обряда выплескивались накопившиеся эмоции, что давало физическую и психологическую разрядку, а наступление экстаза знаменовало собой катарсис и слияние с божеством. Так было с древними галлами, корибантами (буквально «головотрясами»), римскими салиями («скакунами»), с мусульманскими дервишами, американскими шейкерами («трясунами»), с сибирскими шаманами, так было и с русскими скопцами.

Идейные корни нового и древнего скопчества кроются в недрах бессознательного. В основе идеи, определившей мифологию и культ обеих религий, лежат архетипы андрогина и Великой матери, ярко

¹⁵⁴ Motz L. Op. cit. P. 118–119.

¹⁵⁵ Cumont F. Gallos. Sp. 681.

¹⁵⁶ Пеликан Е. В. Указ. соч. Стб. 127.

¹⁵⁷ Член медицинского совета проф. К. К. Зейдлиц в августовском 1847 г. отчете министру внутренних дел отмечал: «Частое повторение этого странного наслаждения... привлекает сектаторов так же сильно к диким движениям, как вино привлекает к себе пьяниц» // Там же. Стб. 132.

О.В. ЧУРАКОВА

ПРИНЦЕССЫ И НИЩЕНКИ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЖЕНСКОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 1812 ГОДА

Où sont vos charmantes barrinnes et vos demoiselles?

(Где ваши очаровательные барыни и девицы?)

Французские офицеры в Москве в сентябре 1812 г.

«Любовь к Отечеству рождает Героев.

*Но желание быть полезным обществу
не заключается в одном только мужском поле»*

Из воззвания «Женского патриотического общества 1812 года»

1812 год принес России не только бедствия и разрушения. В ответ на брошенный врагом вызов была создана первая в стране женская организация – «Императорское патриотическое женское общество 1812 года». Цель «доброе усердие» россиянок была весьма благородна: помощь «бедным, от войны пострадавшим». Что же представляло собой «Патриотическое общество» и кем были его активистки – предшественницы будущих русских «равноправок» и «культурниц»?

В ноябре 1812 г. Россия уже справилась с нашествием врага. «Неприятель бежит! Мы преследуем его и уничтожаем, видно настал час для чудовища, который смутил всю вселенную...¹» – писала в эти дни историку Н.М.Карамзину сестра императора, великая княгиня Екатерина Павловна. Но враг уходил, оставляя за собой «на месте изобилия пепел». Главной болью страны была «Москва, спаленная пожаром». «Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено!» – сообщал поэт Константин Батюшков другу Николаю Гнедичу².

¹ Письма Великой Княгини Екатерины Павловны, читано в заседании Тверской Ученой Архивной Комиссии 13 апреля 1888 членом комиссии Е.А.Пушкиным. С двумя гравюрами. Тверь, 1888. С.60.

² Интересно, что одной из причин, которая якобы оправдывала грабежи и буйство оккупантов, было отсутствие в Москве «прекрасного пола». «Вы нас, гостей, безжалостно обрекли на одиночество и скуку: не только ушли ваши граждане, но и гражданки... Это бесчеловечно! *Où sont vos charmantes barrinnes et vos demoiselles?* (Где ваши очаровательные барыни и девицы?)», – такие реплики французских офицеров мы находим у романистов. Данилевский Г.П. Сожженная Москва. М.,1957. С. 106. Весьма интересна и трактовка событий, изложенная в книге мос-

Столичный Петербург не был захвачен неприятелем, но многие его жители ушли на войну, оставив семьи без кормильцев. И дамы града Петрова подали пример «добродетельного подвига»: в ноябре 1812 г. они объединились, дабы «по свойству пола своего ... облегчать участь бедствующих от нашествия врага»³. Месяц спустя император Александр I подписал рескрипт об учреждении «Патриотического женского общества 1812 года».

Весьма важный вопрос: был ли это указ, спущенный «сверху» или почин «снизу», а значит – общественная инициатива, первое проявление женского самосознания? По версии, изложенной в верноподданных юбилейных адресных подношениях императорской семье (1862 и 1912 гг.), Общество возникло «по благотворной мысли» императрицы Елизаветы Алексеевны, желавшей «по возможности облегчить бедствия всех пострадавших от войны русских подданных»⁴. Но если восстановить хронологию событий, то вначале столичные «патриотические дамы», как они сами себя называли, объединились в благом порыве помочь соотечественникам. Их поддержала залечивающая раны Москва, жительницы Рязани, Ярославля, Перми, Воронежа, Саратова, Астрахани, Томска, Киевской, Полтавской и других губерний. Все они «уделили от своих избытков в пользу нуждающихся соотечественников», тех, что вставали в 1812 г. «с неусыпным рвением на защиту престола и алтарей»⁵.

Гражданская инициатива в монархической державе – дело весьма непростое. Процесс институализации возникающего движения проходил следующим образом: докладывали государю, он принимал решение, и издавался указ. Таким образом, доброе начинание исходило как бы от «царя-батюшки». Глав организаций также назначал сам император.

В данном случае, поскольку движение приняло сразу общегосударственный масштаб, необходимо было поставить во главе его персону царских кровей, причем – женщину, поскольку общество было дамское. Таких титулованных особ у трона Александра I было трое: мать –

ковского градоначальника Ф.Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», изданную в Москве в 1823 г.

³ Сын Отечества. 1812. Кн.8. С. 53.

⁴ Шумигорский Е. С. Императорское Женское патриотическое общество. (1812-1912). Ист. очерк. СПб., 1912. С. 6.

⁵ Шумигорский Е.С. Указ. соч. С. 18.

вдовствующая императрица Мария Федоровна, жена Елизавета Алексеевна и сестра Екатерина Павловна.

Казалось бы, лучшей кандидатурой была Мария Федоровна, известная филантропка, имевшая отлаженную структуру благотворительных организаций – Ведомство императрицы Марии. Но, во-первых, под её опекой уже находилось более десятка заведений (Смольный и Александровский институты, Коммерческое училище, Воспитательный дом, Училище глухонемых, Вдовый дом, Повивальный институт и др.). Во-вторых (и, пожалуй, это первостепенно), надо было «идти в народ», а Мария Федоровна предпочитала общаться с узким кругом придворных дам.

Оставались жена и сестра царя. Обычно подобными организациями руководит первая леди государства. Но император предложил принять участие в организации общества сестре, полагая, вероятно, что на роль лидера всероссийской организации «тихая императрица», «кроткая Елизавет» не подходит. Другое дело его любимая сестра. Современник говорил о ней: «В ней нет никакой женской пустоты, сентиментальности, она обладает мужским умом, особенной силой мышления, в ее взоре чистые мысли, высшие интересы»⁶. «Император советовался с нею, как со своим доверенным лицом, во всех важных вопросах» – уверял он и «с восторгом» рассказывал, что «брат и сестра исполнены совершенной любви друг к другу и доверчивы между собою»⁷.

У Екатерины Павловны, к тому же, были свои, особые счеты к Наполеону: в 1807 г. Бонапарт делал неудачную попытку свататься к ней. После отказа со стороны невесты Наполеон захватил родовое гнездо принца Ольденбургского, ставшего мужем Екатерины, а её тестя выгнал из герцогства. С первых дней Отечественной войны великая княжна пыталась уговорить московского градоначальника графа Ростопчина организовать дворянское ополчение, а после неудачи этого проекта занялась комплектацией народных дружин. Её егерский батальон участвовал в Бородинском сражении. После занятия Москвы французами Екатерина Павловна писала гневные письма брату-императору: «Вас обвиняют в общем разгроме и потере чести государства и Вашей лично» и сожалела

⁶ Воспоминания о вдове почившей королеве Виртембергской Екатерине Павловне. СПб., 1872. С. 66.

⁷ Там же. С. 80, 139.

что, «не была мужчиной в 1812 году». Александр Павлович в ответ советовал сестре заняться благотворительностью.

Возможно, государь предложил сестре заниматься устройством патриотического общества, желая отвлечь её от горестных переживаний: осенью 1812 г. Екатерина Павловна потеряла двух дорогих её сердцу мужчин. В сентябре от ран, полученных при Бородино, скончался её близкий друг Петр Багратион, а в декабре супруг Екатерины, осматривая госпиталь, «где лежали раненые, и свои, и чужие, заразился больничною горячкой и скончался»⁸. Екатерина осталась вдовой с маленькими сыновьями.

Екатерина Павловна отказалась заниматься патриотическим обществом. Некоторые историки полагают, что это связано с её нежеланием афишировать и как-либо организационно оформлять свою общественную активность⁹. Думается, все же, что главными были мотивы личного характера: во главе женского союза уже фактически стояла императрица Елизавета Алексеевна, а Екатерина Павловна не желала сотрудничать с нелюбимой золовкой. Но «тверская полубогиня» сделала очень характерный для неё жест: она пожаловала на нужды Общества сумму, вдвое превышающую пожертвования государыни. Император был вынужден утвердить в роли августейшей покровительницы патриотических дам свою супругу Елизавету Алексеевну.

С занятием «должности» жизнь императрицы приобрела новый смысл. По отзывам своих фрейлин, она точно «пробудилась ото сна». Как известно, Елизавета Алексеевна не была счастлива в браке, супругов называли «обреченно-обрученными». Эту пару из «высших соображений» поженили рано: невесте было 14, а жениху – 16 лет. Екатерина Великая признавалась, что рано женит внука. «Я поступаю с ним по дьявольски» – писала она своему корреспонденту Гриму. И тринадцатилетняя Лиза, которую везли в Россию на смотрины, по воспоминаниям ее фрейлины, «трепетала от мысли о том, что ей придется подчинить свою будущность произволу молодого варвара»¹⁰.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Жукова Ю. Первая женская организация России (Женское Патриотическое Общество в Петербурге 1812-1826 гг.) // Все люди сестры. Бюллетень ПЦГИ. Вып. 5. СПб., 1996. С 38-56.

¹⁰ Сироткина Н.М. Личная жизнь Александра I. М., 2012. С. 24-25.

Придворный поэт Гаврила Державин в день свадьбы поднес молодоженам стихотворение «Амур и Психея»: «так будь, чета, век нераздельна/, Согласием дыша. /Та цепь тверда, где сопряжена/ С любовью душа». Увы, сравнение с Амуром и Психеей оказалось пророческим. Ведь в древнем мифе юную Психею изводила свекровь, богиня Венера. И в жизни Елизаветы масса неприятных моментов была связана с отношением к ней императрицы Марии Федоровны¹¹.

Трагедией для Елизаветы Алексеевны стало и ее материнство: две её дочери умерли в младенчестве. При этом отцовство первой девочки молва приписывала князю Адаму Чарторыйскому, а вторая была от «сердешного друга» Алексея Охотникова, умершего незадолго до рождения ребенка. Император признавал обеих девочек своими, хотя, например, во время Венского конгресса устраивал супруге сцены ревности из-за князя Чарторыйского¹². Сам Александр Павлович в течение 15 лет имел практически вторую семью с Марией Нарышкиной и отношения с супругой были натянуто-официальными. Думается, нелегко жилось немецкой принцессе в российской «золотой клетке»¹³.

«Гроза двенадцатого года» существенно повлияла на восприятие Елизаветой Алексеевной своей национальной идентичности. В письмах матери Елизавета признавалась, что именно теперь она окончательно почувствовала Россию своей. В этот период она смогла многое сделать для своих русских соотечественников. Так, из своих «туалетных денег» (жене императора полагался миллион рублей в год на личные расходы, хотя Елизавета обходилась меньшей суммой) с 1812 г. Елизавета Алексеевна «оставляла себе лишь четверть, а остальное отдавала на пособия раненым»¹⁴. И когда представилась возможность, императрица взяла Патриотическое общество под свое покровительство. Забота об обездоленных жителях столицы стало главным делом ее жизни. «Дотоле забытая всеми, Елизавета явилась ангелом-хранителем всех страждущих» – писал о ней её биограф, великий князь Николай Михайлович. Вероят-

¹¹ *Соболева И.* Принцессы немецкие – судьбы русские. СПб., 2008. С. 68.

¹² *Маркиз де Кюстин.* Николаевская Россия. М. 1990. С.264.

¹³ Императрица Елизавета Алексеевна в воспоминаниях ее фрейлины // Русские императоры, немецкие принцессы. М., 2007; Записки о России маркиза де Кюстина. М., 1990.

¹⁴ *Исмаил-Заде Д.И.* Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. М., 2001. С. 125, 189-190.

но, работая в Обществе, императрица чувствовала то, что современные психологи назвали бы «социальной востребованностью». Кроме того, новое дело расширяло круг общения государыни, не находившей себе близких людей внутри семьи, раздвигало рамки конвенциональной дворцовой культуры, давало выход искренним чувствам. Не случайно маркиз де Кюстин говорил о Елизавете: «Сквозь вынужденную дворцовым этикетом сдержанность видишь... что у неё есть сердце. Она – более, чем императрица, она – женщина»¹⁵.

И все же главными «застрельщицами» филантропического движения были петербургские «патриотические дамы». Их было двенадцать: Варвара Алексеевна Репнина, Мария Васильевна Кочубей, Екатерина Алексеевна Уварова, София Григорьевна Волконская, Елизавета Марковна Оленина, Мария Артемьевна Воронцова, Софья Петровна Свечина, Мария Дмитриевна Нессельроде, Анна Ивановна Орлова, Екатерина Владимировна Новосильцева, Екатерина Ивановна Бахсрафт.

Каждая из учредительниц Общества 1812 года заслуживает отдельного рассказа: знамениты либо они сами, либо в российскую историю вписаны имена их мужей. Первая председательница Патриотического общества, княгиня Варвара Алексеевна Репнина прославилась в период предыдущей войны с Наполеоном: она добровольно разделила с мужем, плененным под Аустерлицем, тяготы неволи. Графиня Мария Васильевна Кочубей была замужем за другом юности императора Александра. А вот слава супруга Екатерины Алексеевны Уваровой – Сергея Семеновича – будущего президента Академии наук и министра народного просвещения – была еще впереди; в годы войны он был скромным попечителем Петербургского учебного округа. Не ведала и светлейшая княгиня София Григорьевна Волконская, что брат её станет бунтовщиком-декабристом и отправится в сибирскую ссылку, а сама она будет свидетелем ухода из жизни императорской четы и унесет с собой в могилу тайну смерти Александра и Елизаветы¹⁶.

Среди «патриотов» в 20-30е гг. XIX века были друзья А.С.Пушкина (Елизавета Марковна Оленина по прозвищу «ходячая доброта» – супруга

¹⁵ *Маркиз де Кюстин*. Николаевская Россия. М. 1990. С. 85.

¹⁶ В старости княгиня Волконская прославится своими «чудачествами»: одевалась кавалерственная дама как нищенка, подбирала на улице поленья, приносила из гостей в карманах сухари и сахар, экономила буквально на всем. Но при этом княгиня щедро раздавала свои огромные средства бедным.

президента Академии художеств А. Н. Олснина¹⁷ – и другие) и будущая «ненавистница» поэтат-дама графиня Мария Дмитриевна Нессельроде (единственная из патриотических дам, заслужившая у мемуаристов нелестные отзывы: «Женщина ума недалекого, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга» – характеризовал её князь П.В.Долгоруков). В Обществе соперничали приверженцы «русской партии» при дворе (графиня Мария Алексеевна Толстая, та самая, именем которой заканчивается комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах! боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексевна») и поклонницы всего французского (писательница Софья Петровна Свечина даже уехала с иезуитами в Париж, где очень почиталась).

В разные годы членами общества были дочери великих русских полководцев А.В. Суворова и М.И. Кутузова, внучка П. А. Румянцева. Кстати, внучка Прасковьи Михайловны Кутузовой-Толстой Дарья по иронии судьбы стала графиней Богарне: она вышла замуж за правнука Жозефины, первой жены Наполеона.

Содействовали работе Общества 1812 года (кто деньгами, кто пропагандой идей) многие известные поэтессы и писательницы: княгиня А.С.Голицына, эпатировавшая всех «вследствие эксцентричности» мужской шинелью и сюртуком в сочетании с чепцом, Е.В. Новосильцева – автор рассказов «очевидцев о двенадцатом годе» и знаменитая «царица муз и красоты» княгиня Зинаида Александровна Волконская. Впрочем, восторженных эпитетов удостоена была в то время не только Волконская. Еще одной ревнительнице милосердных дел, «разумной, городской и барышне любезной, с которой Музы все и Аполлон знаком» – Екатерине Пучковой расточал любезности поэт граф Дмитрий Хвостов. Увы! – добрый человек, но на редкость бездарный стихотворец стал предметом насмешек молодого повесы Александра Пушкина, а заодно перепало и корреспондентке Дмитрия Ивановича. Екатерина Наумовна, пытаясь заниматься «фандрайзингом» в пользу инвалидов войны, писала патетические статьи в журналы и удостоилась язвительной эпиграммы Александра Сергеевича:

¹⁷ В первый же день Бородинского сражения один из сыновей Олениных был контужен и уцелел лишь чудом, а другому вражеское ядро пробило грудь. Из свидетельства очевидца: «Николай убит ядром, которое вырвало у него сердце. Петр получил в шею сильную от ядра контузию».

*«Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам»¹⁸.*

В русской литературе вообще со временем возникла традиция чуть ироничного отношения как к Патриотическому женскому обществу (точнее, к конкретным его деятельницам), так и к самому концепту «патриотизм». Вспомним, что их не жаловал Лев Толстой, упомянем и реплику Фамусова в грибоедовском «Горе от ума»: «К военным людям так и льнут, а потому что патриотки!». Но ведь это все – настроения более позднего периода. А в конце печально знаменитого 1812 г., когда «Москва – еще пустыня», и страна только освобождается от разорения, дамы подали пример милосердия и пошли в петербургские трущобы.

«Должность вводила членов Общества в печальные обители скорби: там видели они отцов отчаянных среди голодающего семейства, вдов и сирот, ожидающих в нищете прекращения горестной жизни»¹⁹.

Более всего в «особом попечении», по мнению членов Общества 1812 года, нуждались девочки сироты. И потому первым учреждением Общества стало «Училище женских сирот, потерявших отцов своих», куда были приняты 50 дочерей штаб и обер-офицеров, убитых в отечественную войну. Для училища нашли пустующее помещение, сердобольные жители столицы несли сюда кровати, комоды, столы, патриотические дамы снабжали посудой и кухонной утварью. Графиня Остарман обязалась доставлять училищу ежегодно 150 сажень дров²⁰, купцы Гостиных дворов пожертвовали пять пудов мыла²¹. То есть, вначале был налажен быт воспитанниц, а затем и учебный процесс²².

Кроме того, в разных частях города были учреждены «частные школы», куда принимали сирот «женского пола» из разных сословий, дабы «сделать из них добрых жен, попечительных матерей и хозяек,

¹⁸ Пушкину принадлежит и еще более ехидная эпиграмма на Пучкову: «Зачем кричишь ты, что ты дева, / На каждом девственном стихе? / О, вижу я, певица Ева, / Хлопочешь ты о женихе».

¹⁹ Шумигорский Е.С. Указ. соч. С. 80.

²⁰ Бардовский А. Ф. Патриотический институт: Исторический очерк за 100 лет. СПб., 1913. С. 14.

²¹ Рогушина Л.Г. Попечение о девочках-сиротах в царствование Александра I // История Петербурга. Вып. 3 (49). 2009. С. 44-45.

²² РГИА. Ф.1035. Оп.1. Д.634.

способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять себе и семейству средство к существованию». Особое внимание уделялось тому, чтобы «предохранить» воспитанниц «от праздности, источника самых губительных последствий», то есть забота о девочках-сиротах была вызвана еще и борьбой с проституцией и растлением малолетних.

После окончания Отечественной войны благотворительный энтузиазм пошел на спад. В 1812 году в Обществе состояли 74 дамы, в 1813 г. в его ряды вступило еще 48, но уже в 1814 г. – 27, в 1815 г. – 12, в 1816 г. – 9 человек²³. Кроме того, в 1814 – 1816 гг. императрица сопровождала мужа в заграничном походе²⁴ и ее отсутствие пагубно сказалось на работе общества. Когда Елизавета Алексеевна вернулась в Россию, в рядах Общества остались лишь те, кто руководствовался чувством долга, либо особы, для которых престижно было находиться рядом с императрицей. В 1816 г. императрицу постигло очередное несчастье: ушла из жизни после тяжелой болезни её воспитанница Лиза Голицына. По настоянию Елизаветы Алексеевны в этом же году был взят под опеку общества основанный в 1806 г. «Дом трудолюбия», куда принимали «простых» девочек от 10 до 15 лет. Воспитанниц обучали закону Божьему, чтению, письму, арифметике, рисованию, а также рукоделию, дабы у девушек была возможность «снискивать себе пропитание честным трудом». Императрица купила в 1816 г. для Дома трудолюбия каменный двухэтажный особняк на Васильевском острове, пополняла из своих сумм расходы воспитанниц, снабжала книгами из своей библиотеки.¹² Дом трудолюбия со временем превратился в престижное учебное заведение – Елизаветинский институт.

В эти же годы Елизавета Алексеевна достроила здание Патриотического института, обеспечила его материально, передала дела помощницам и вскоре ушла из жизни²⁵. После смерти императрицы Елизаветы Алексеевны и Патриотический институт²⁶, и Дом трудолюбия были

²³ В следующие годы поток энтузиасток вообще иссяк: в 1817 г. в обществе было 6 новых членов, в 1820 г. – 2, в 1823 г. – 1.

²⁴ Кстати, сопровождала брата в 1813-1914 гг. и любимая сестра. При въезде в Париж Екатерина Павловна сняла траур по мужу, а в Вене брат закатил такой бал по поводу её именин, что поразил даже выдавшую виды столицу Австрии.

²⁵ То, как готовилась императрица в последний путь, подтверждает народную легенду, что государыня не умерла, а ушла молчальницей Верой в монастырь.

²⁶ В 1845 г. Дом трудолюбия был объединен с Патриотическим институтом, в 1847 переименован в Елизаветинское училище, в 1892 г. – в Елизаветинский институт. См. Краткий исторический очерк действий СПб. Женского Патриотическо-

переведены в Ведомство учреждений императрицы Марии (на казенный счет). Со временем эти учебные заведения стали привилегированными, попасть в них можно было лишь по рекомендации дамы из патриотического общества, либо за взятку. Prestиж Патриотического института усиливался тем, что члены императорской фамилии посещали выпускные экзамены и праздники, а дети императора играли с его воспитанницами. Великая княжна Мария Николаевна даже носила форменное платье институтки. У девочек были лучшие учителя (кстати, Н.В. Гоголь преподавал там некоторое время и отмечал: «не могу излюбоваться здешним порядком²⁷»), прекрасная обстановка в дортуарах, серебряная посуда. Не случайно попасть в число пансионеров или хотя бы «приходящих» стремились дочери баронесс и внучки контр-адмиралов. Содержать такие учреждения было не по силам общественной организации, несмотря на то, что император Николай отдал на финансирование институтов драгоценности императрицы Елизаветы. Патриотический и Елизаветинский институты были переведены под опеку казны.

В ведении Общества 1812 года остались частные школы, их стали называть «патриотические». У них была другая цель – развитие, говоря современным языком, женского профессионального образования. В первой половине XIX века в России существовала строгая дифференциация в обучении и воспитании девушек «благородных» и «подлой породы». Женское образование давалось «смотря по месту, которое девицы должны занять в обществе». Выпускницы Патриотического и Елизаветинского институтов становились, как правило, гувернантками, и потому главными предметами для них были иностранные языки и грамотность. Даже уроки танцев и рисования вначале проводились за отдельную плату. Выпускницы частных школ Общества 1812 года не могли претендовать на социальный статус выше белошвейек. И потому их учили лишь одному – рукоделию; шесть дней в неделю девушки сидели в тесных помещениях, склонившись над шитьем или вышиванием.

го общества. СПб., 1848; Пятидесятилетие СПб. Женского Патриотического общества, 12 ноября 1862 г. СПб., 1862; *Селезнев И.* Хроника ведомства Учреждений императрицы Марии. СПб., 1878.

²⁷ *Бардовский А. Ф.* Указ. соч. С.17.

В середине XIX века патриотические школы оказались в весьма бедственном состоянии. В период начавшихся в Европе революций 1848 г. школам запретили устраивать маскарады, ограничили проведение концертов, балов, драматических утреншиков и благотворительных аукционов, доход от которых, по сути, и наполнял школьные кассы²⁸ (например, концерт 1840 г. дал Обществу чистого дохода 12.493 рублей ссребром²⁹). Результат не замедлил сказаться: 1849 г. Общество уже заканчивало с дефицитом бюджета в 6.000 рублей. Пришлось ввести режим жесткой экономии. Показательно, распоряжение Совета общества в этот период: «не допускать в одежде воспитанниц роскоши, не заводить платьев из камлота, а одевать в ситец и холстинку»³⁰. Чтобы прокормить себя и своих воспитателей, девушки занимались рукоделием с утра до ночи.

Подобное положение продолжалось, пока патроном женского образования в России не стал принц Петр Георгиевич Ольденбургский, сын Великой княгини Екатерины Павловны. Рожденный накануне битвы у Бородино, он в том же 1812 г. лишился отца, а спустя несколько лет матери. Воспитывал Петра дед в Ольденбурге в европейских традициях гуманизма, но юного принца вызвал в Россию император Николай I, мечтая сделать из племянника военного. В 22 года Петр был уже генерал-лейтенантом, но подал в отставку после того, как «по должности» оказался свидетелем экзекуции: солдаты его полка пороли шпицрутенами женщину. Петр Георгиевич гневно писал: «Ни у какого народа, даже самого жестокосердного, не существовало такого!»³¹ Николай Павлович нашел племяннику иное применение: назначил куратором женского и юридического образования. Как раз в это период (40-60е гг. XIX века) в России шла смена образовательной парадигмы, что сопровождалось актуализацией учебных программ, созданием новых уставов учебных заведений. Относительно женского образования сформировались две концепции: традиционная и новаторская. Первая линия предполагала подготовку законопослушного верноподданного сообразно его сословию. Что касается гендерной составляющей, то уравнение

²⁸ РГИА. Ф.759.Оп.27.Д. 1720, 3053, 3063, 3080, 3104, 3122, 3183, 3954, 3964.,

²⁹ Шумигорский Е.С. Указ. соч. С. 69.

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб., 2004. С.166.

женщин и мужчин в правах на образование считалось нарушением установленного Природой и Богом незыблемого миропорядка. Потому для аристократок полагались «эстетические» занятия (рисование, пиитика, языки, танцы, театральные постановки), «увеличивающие прелесть женского существа», ибо «женщина сотворена единственно для того, чтобы нравиться мужчине»³². Для девушек «подлой породы» главным было рукоделие. Серьезные умственные занятия считались несоответствующими природе женщин, опасными и вредными для нее. В качестве аргументов приводилась теория доктора Торбуерна, доказывающая, что в «критические дни», «около четверти месяца, а следовательно, учебного года ... девяносто девять девиц из ста не могут заниматься, не рискуя ослабить умственные или физические способности»³³. Как раз таких консервативных подходов придерживались кураторы учебных заведений патриотического общества, исходя из того, что это поощрялось императорской семьей. Как отмечала фрейлина Анна Тютчева «целые поколения будущих жен и матерей подданных воспитывались в культе тряпок, жеманства и танца «с шалью»³⁴.

Тем не менее, во второй половине XIX века в России росло число приверженцев демократической / гуманистической парадигмы воспитания и образования, которая считала девушек равноправными членами общества. Новая российская педагогика, разработанная Н. И. Пироговым, П.Ф. Каптеревым, К.Д. Ушинским предполагала образование и воспитание гражданина (гражданки), с учетом гендерной специфики, но не подготовку «попугаев, кукол»³⁵. О пользе женского образования писали С. М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.Михайлов и др. Поборником данного направления можно считать и принца П.Г.Ольденбургского, вынужденного стать не только теоретиком, но и практиком гендерно-ориентированного обучения и воспитания. Петр Ольденбургский сам составил «Наставление для образования воспи-

³² Шумигорский Е.С. Указ. соч. С. 62-63

³³ Торбуерн Д. Женское образование с физиологической точки зрения. Лекция доктора медицины и профессора обстетрики. СПб., 1884. С. 11.

³⁴ Марченко Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005. С. 197.

³⁵ Шнырова О.В. Проблема женского образования в российской общественной мысли 60х годов XIX века // Женщина в отечественной науке и образовании. Материалы научной конференции. Кострома. 24-25 ноября 1997 г. Кострома, 1997. С. 37.

танниц женских учебных заведений»³⁶. Он не делил подопечных по условиям, мечтал о том, чтобы ученицы «правильно говорили и писали по-русски», изучали математику – «гимнастику для ума», географию с «описанием каждой страны ... и образа правления (впрочем, упоминая о сем последнем предмете как можно короче)»³⁷. В большинстве женских учебных заведений новые программы были приняты, но не в патриотических институтах и школах.

Главной целью «патриотических школ» значилось «образование добрых жен и полезных матерей семейства». А потому надзирательницы школ полагали, что «образование отвлекает у девиц время для усовершенствования в рукодельях, без всякой существенной пользы для будущей их пользы». Учебная программа (там, где она имелась) воспитанниц знаниями не обременяла. «Учатся Закону Божьему, Священной Истории, Русскому письму и Четырем Правилам Арифметики, что мне кажется достаточно для образования в их общественном положении» – отчитывалась одна из надзирательниц и добавляла: «Для изучения всему этому достаточно было бы мне кажется четырех уроков в неделю» и сетовала, что «учителя не всегда исправно приходят, так как они не получают никакого возмездия». В большинстве же школ уроков не было вовсе. «Учителей в Отделении никаких нет, ходит только один раз в неделю Священник, который читает с ученицами Евангелие и другие духовный книги». Главная причина крылась в том, что рукоделие было «единственное средство поддерживать школу».

«Зимний день так короток, что если употреблять 1-2 часа на учение, да еще час на гуляние, тогда не будет доставать времени на исполнение заказных работ»³⁸ – признавались школьные начальницы.

При этом условия труда девушек были ужасающими:

³⁶ Петр Георгиевич выступил в этом вопросе как продолжатель дела И.И. Бецко-го, педагога и общественного деятеля времен Екатерины Великой. Кстати, по одной из версий, изложенной, впрочем, весьма солидными исследователями XVIII века, Бецкой был, возможно, отцом Екатерины II, и соответственно – прадедом принца Ольденбургского. Петр даже купил дом Бецкого в Петербурге.

³⁷ Наставление для образования воспитанниц женских уч. заведений. 1852 г.// Устав женских уч. завед. Ведомства учр. имп. Марии. 1855. СПб., 1884. С. 253-256.

³⁸ Мнения по замечаниям Его Императорского Высочества Петра Георгиевича Ольденбургского. Приложение к книге: *Шумигольский Е. С.* Императорское женское патриотическое общество. (1812-1912). Исторический очерк. СПб., 1912. С. 41-62.

«шитье белья или платьев в продолжении от 10 до 12 часов в сутки хуже и труднее всякой барщины. Барщина производится взрослыми людьми на открытом воздухе, наша работа похожа на фабричную, где также работают молодые руки в спертom воздухе; зато они получают обыкновенное достаточное вознаграждение. Девуцы в рукодельном отделении ничего не получают» – писала в отчете о проверке школы дочь принца Ольденбургского Александра.

Кроме того, многие девушки страдали глазными болезнями, «происходящими от вышивания по тюлю». О положении дел было доложено августейшей покровительнице общества Александре Федоровне, но императрица отвечала, «что не следует вовсе выводить сего рода рукоделия, как весьма небезвыгодного»³⁹.

Петр Георгиевич провел проверку школ общества и дал рекомендации: увеличить число учебных часов, заменить в школах преподавателей на преподавательниц, увеличить помещения классов, одеть и обуь девиц «тепло по времени года» («сделать салопы с рукавами и обуь потеплее»). На замечания принца попечительницы школ отвечали, что «девицы занимаются шесть дней недели учением шитья платьев и мод и это нельзя назвать барщиной», так как «занятия уже есть им награда, дающая им возможность приобрести способы к пропитанию себя». Кроме того, «после обеда им дается более часу отдыха» и что «хотя нет сапогов на меху, но им даются шерстяные чулки, и рантавы сапоги ни байке»⁴⁰.

Весьма трудным оказался и кадровый вопрос, точнее – его гендерная составляющая.

«Найти опытных преподавательниц затруднительнее, чем найти учителей». «Женщин образованных трудно найти на места столь скудно вознаграждаемые, а чтобы давать даже поверхностные уроки Русского языка, непременно нужно уже в некоторой степени высшее образование».

Дело в том, что учительницы, зная, что спрос на их профессию велик, запрашивали жалование большее, нежели мужчины!

Важно было и мнение монарших особ. Например, великая княгиня Мария Александровна (будущая императрица) «неоднократно повторяла, что Школу и детей должно содержать без всякой роскоши и излишества, чтобы, возвращаясь к родителям своим, оне не находили слишком большой разницы дома во всех отношениях».

³⁹ Там же. С. 70.

⁴⁰ Там же. С.42.

«Патриотические дамы», курировавшие школы, вынуждены были расписаться в собственной беспомощности: «Должно откровенно сознаться, что Патриотические школы не достигают предположенной им цели и никогда, при нынешнем состоянии, не могут ее достигнуть. Причиной тому – необходимость зарабатывать руками воспитанниц средства, необходимые для содержания самой школы»⁴¹.

Тем не менее, стараниями принца Ольденбургского и, в соответствии с начавшейся модернизацией российского общества, к концу века в старших классах некоторых патриотических школ стали готовить учительниц, помощниц надзирательниц, «детских садовниц» (нянек в детские сады и больницы).⁴² В начале XX века питомиц патриотического общества уже обучали счетоводству, бухгалтерии, в столице был даже открыт «класс обучения работе на пишущих машинах», а в пригороде, «в виду близости фарфорового завода» стали преподавать рисование по фарфору⁴³. Кроме того, педагогами-стажерами можно считать пепиньерок: из каждого выпуска нескольких лучших выпускниц оставлялись в институте в качестве помощниц воспитателей. Пепиньерки были на особом положении в обществе. Их приглашали на «взрослые» балы, парады, праздники и приемы ко двору. Возможно, это была своеобразная «ярмарка невест» для состоятельной публики.

Было бы не вполне справедливо приписывать все заслуги по улучшению работы Общества 1812 года только одному поборнику женского образования принцу Петру Ольденбургскому. Многие для развития образовательных учреждений Патриотического общества сделали представительницы дома Романовых. В числе действительных и почетных членов общества были дочери и внучки Николая I и его брата Михаила, будущие императрицы Мария Александровна и Мария Федоровна в бытность ими великими княгинями, да и почти все женщины семьи Романовых. Неслучайно в конце XIX века общество получило

⁴¹ Там же. С. 43-56.

⁴² Пятидесятилетие Санкт-Петербургского женского патриотического общества. СПб., 1862; Записка об устройстве школ Императорского женского патриотического общества. СПб., 1898; Отчет попечительств школ Санкт-Петербургского женского патриотического общества за 1885/6 уч.г. СПб. 1887; Отчет попечительств школ Санкт-Петербургского женского патриотического общества за 1886/7 уч.г. СПб. 1888.

⁴³ Отчет Совета Императорского женского патриотического общества за 1912. СПб. 1913. С. 25-98.

название «императорского». Таким образом, Патриотическое общество выполняло еще одну функцию – служило «бизнес-инкубатором» для принцесс. Традиционно патронирование общественных организаций входило в «должностные обязанности» монарших жен и дочерей: так реализовалась коммуникация: двор – народ, а девочки августейшего семейства проходили процесс социализации. Цель прохождения практики социальной работы была благородна: «открыть юному сердцу, пылающему желанием облегчить участь страждущего человечества, поприще, сего высокого чувства достойное»⁴⁴. Но мотивы и степень активности этой деятельности были у всех разные: от «дежурной роли» до полной самоотдачи. Жена великого князя Михаила Павловича Елена писала:

«Положение великой княгини не есть преимущество. Не есть право наслаждаться тем, что другие не имеют; а трудная и великая должность перед престолом и государством, для исполнения которой нет пределов в усилиях»⁴⁵.

Очень много для школ патриотического общества сделала дочь Елены Павловны Екатерина Михайловна, проработавшая в Обществе более 45 лет. Активными «патриотками» были жена великого князя Константина Николаевича (брата императора Александра II) Александра Иосифовна, великая княгиня Мария Павловна-старшая, супруга Великого Князя Владимира Александровича (сына Александра II), принцессы Мария Максимилиановна (внучка императора Николая I и правнучка Жозефины Богарнэ), Евгения Максимилиановна Ольденбургская и многие другие.

Благодаря помощи женской половины августейшего семейства были учреждены санаторий для воспитанниц учебных заведений Общества 1812 года, Бюро помощи выпускницам, открыты лавки для продажи рукоделий и мастерские, в которых воспитанницы могли работать по окончании школ⁴⁶.

Для некоторых из попечительниц общества (например, княгини Елены Павловны, потерявшей четырех дочерей, императрицы Елизаветы Алексеевны) забота о девочках-сиротах, вероятно, восполняла неистраченную любовь к детям (здесь мы имеем дело с компенсаторной

⁴⁴ Шумигорский Е.С. Указ. соч. С.59

⁴⁵ Перскевич З.А. Великая княгиня Елена Павловна – хозяйка Михайловского дворца // Великая княгиня Елена Павловна. СПб., 2011. С. 87.

⁴⁶ Патриотический институт: Ист. очерк за 100 лет. СПб., 1913. С. 160-182.

функцией социального служения). Помощь сиротам и малоимущим позволяла преодолеть кризис гендерной идентичности бездетным великим княгиням Елизавете Федоровне и Ольге Александровне (их мужья были гомосексуалисты). Таким образом, принцессы служили Обществу, Общество служило им. Не забудем также о религиозной составляющей этой помощи. Русская поговорка гласит: «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается». Но благодаря милосердию российских женщин, вставших под знамена Общества 1812 года, была оказана за столетний период его деятельности реальная помощь множеству обездоленных соотечественников.

К началу XX века на попечении общества состояло 21 заведение, в которых опекалось более 2 100 детей и около 200 взрослых; общество имело капитал более 650 000 рублей и недвижимость на сумму более 250 000 рублей. И наконец – главное. «Количество бедных девиц, получивших образование и приют» в учебных заведениях за сто с небольшим лет общества достигло 150 тысяч. Их судьбы могли сложиться иначе (скорее всего, не лучшим образом!), если бы на помощь к ним не пришли «патриотические дамы».

Императорское Патриотическое общество просуществовало, как и другие подобные филантропические учреждения, до свержения самодержавного строя. Весной 1917 г. учреждения Общества вошли в систему образованного Временным Правительством Министерства общественного призрения. В октябре 1917 г. были закрыты общежития институтов⁴⁷. В 1918 г. все средства, банковские счета, недвижимость и имущество Общества были национализированы большевистским правительством, а само Патриотическое общество прекратило своё существование. Но опыт первой в истории России женской гражданской инициативы достоин изучения и ныне, спустя двести лет.

⁴⁷ РГИА Ф.759.Оп.67.Д.237.

Н.Ю. БИКЕЕВА

**ОБРАЗ КОРОЛЕВЫ-МОНАХИНИ
В АГИОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА**

*«...Жизнь ее была святою,
Ласковым и чистым – ее взор...»*

Венанций Фортунат¹

Святая Радегунда² – «аскетическая королева»³, «духовная мать меровингов»⁴ и основательница одного из крупнейших женских монастырей во франкском королевстве второй половины VI века. Эта женщина пользовалась большим авторитетом при жизни и не была забыта после смерти. О ее жизни и деяниях повествуют несколько произведений, написанных в конце VI – начале VII веков. В их числе два Жития, первое из которых принадлежит Венанцию Фортунату⁵, одному из «последних римлян», самому значительному латинскому поэту VI века. Но с полным правом его можно назвать и поэтом меровингских королей⁶. Фортунат был одним из образованнейших людей своего времени. Он получил риторическое образование в Италии, но в 565 г. отправился в Галлию. В течение двух лет он в качестве поэта побывал при дворах разных франкских королей, а затем окончательно обосновался в Пуатье, где и

¹ Цит. по: *Карсавин Л.И.* Культура Средних веков. М., 2003. С. 68.

² См. о ней: *Бикеева Н.Ю.* Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. № 13. С. 7-17; *Она же.* Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. № 19. С. 98-118.

³ *Harrison D.* The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe. Lund, Nordic Academic Press. 1998. P. 87.

⁴ См. в кн.: *Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда / Пер. С франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С. 205, 231.

⁵ Полное имя Венанций Гонорий Клементий Фортунат (лат. Venantius Honorius Clementinus Fortunatus).

⁶ См. в кн.: *George J.* Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul. Oxford: Clarendon Press, 1992. 234 p.

скончался в 600 г.⁷ В последние год жизни он получил сан епископа Пиктавийского⁸.

Около двадцати лет Фортунат прожил при монастыре Св. Креста, который основала Радегунда, будучи ее духовным наставником⁹. К ней он испытывал искренние дружеские чувства¹⁰ и сильно горевал после ее смерти¹¹. Он сразу же стал хлопотать, чтобы церкви Галлии почтили покойницу в качестве святой. Через несколько лет Фортунат составил первую книгу «Жития Радегунды»¹².

Сочинение состоит из пролога и 38 глав. В прологе Венанций Фортунат подчеркивает женскую сущность святой, но, говоря о физической слабости Радегунды, автор противопоставляет ей духовную силу своей героини.

Во второй главе, самой большой по объему, автор повествует о детстве и юности будущей святой. Как следует из текста Фортуната, уже в этот период Радегунда обладала качествами, необходимыми монахине. Интересно замечание автора о том, что «девушка среди прочих занятий, *подобающих ее полу* (курсив мой – Н.Б.), обучалась письму».

С третьей по одиннадцатую главы рассказывается о жизни Радегунды при дворе ее супруга, короля Хлотаря I, до того времени, как она ушла от него и посвятила себя Богу. Фортунат обращает внимание на ее аскетизм, милосердие и набожность. Будучи королевой, она избегала любых атрибутов королевской власти (напри-

⁷ Некоторые исследователи называют 609 г.

⁸ Пиктава – латинское название Пуатье.

⁹ Он познакомился с Радегундой приблизительно 567 г., вскоре после того, как был основан ее монастырь. Фортунат остался жить в Пуатье, в монастыре Святого Креста, где в том же году принял постриг. Он стал духовником и биографом Радегунды, сохранились две поэмы, написанные ими в сотрудничестве. Также он посвятил ей много стихотворений, прославляющих её ум, достоинство и благочестие. В 576 г. благодаря поддержке Радегунды, поэт был рукоположен в сан священника. В монастыре Св. Креста он проживал вплоть до ее смерти в 587 г.

¹⁰ См. об этом: *Бикеева И.Ю.* Частная жизнь святой женщины... С. 105-107.

¹¹ Радегунда умерла 13 августа 587 г., и Фортунат, искренне оплакивавший смерть близкого друга, на некоторое время уехал из Пуатье, чтобы залечить свою душевную рану. По возвращении, он написал ее Житие, вероятно, в начале 590-х гг.

¹² Вторая книга была написана в начале VI в. века Баудонивией, монахиней монастыря Св. Креста

мер, главы 3, 9); использовала свое положение, чтобы раздавать милостыню бедным и передать богатые дары разным монастырям, при этом становясь все более известной за свою щедрость (главы 3, 4). Кроме этого, рядом с королевской виллой в Атье она организовала приют для нуждающихся женщин (глава 4). Во время королевских пиров Радегунда под разными предлогами покидала пирующих, чтобы молиться и раздавать пищу беднякам, собиравшимся у дверей (глава 4). Она спасала от смерти осужденных на казнь ее мужем или способствовала освобождению из тюрьмы заключенных (главы 10, 11). Фортунат не обходит стороной и тему ее взаимоотношений с королем. Он пишет, что Радегунда всячески избегала плотских отношений со своим мужем (глава 5). Фортунат сообщает нам, что, несмотря на грубость в обращении с ней, Хлотарь, осознав свою неправоту, просил у нее прощения, при этом одаривая ее дорогими подарками (глава 7).

Для Фортуната (глава 12), как и для Григория Турского (История франков. III, 7), решающим моментом в принятии Радегундой решения стать монахиней была смерть ее младшего брата, который, также как и она, был захвачен в плен в 531 году во время войны франков с тюрингами. По неизвестным нам причинам, он был убит Хлотарем в 550 году. Венанций Фортунат расценивает этот инцидент как решающий в решении королевы принять монашеский сан. Покинув короля, она отправилась прямо к епископу Медарду в Нуайон, упрашивая его о посвящении в монахини. Медард был тем самым поставлен в очень трудное положение. Замужним женщинам не дозволялось убежать от своих мужей и оставаться в монастырях. По мнению Фортуната, этот шаг Радегунды расценили как побег, тут же появились представители франкской знати, в грубой форме запретившие Медарду исполнить просьбу беглянки. И в этой непростой ситуации Радегунда нашла аргументы, чтобы склонить епископа на свою сторону (глава 12). В итоге епископ сумел найти компромиссное решение: он посвящал ее Богу, но не как простую монахиню. Радегунда становилась диаконисой.

В качестве диаконисы, Радегунда продолжала показывать свою христианскую щедрость даже более явно, чем в бытность ее королевой (главы 13, 14) Она поселилась на вилле в Со, неподалеку от Тура и Пуатье, где она прожила несколько лет (главы 15-20).

Она постоянно заботилась о еде для бедняков, мыла их и давала им новую одежду (глава 17). Венанций Фортунат не рассказывает об основании Радегундой монастыря и ее переезде из Со в Пуатье. Он непосредственно переходит к рассказу о ее жизни в монастыре, подробно описывая, как Радегунда умерщвляла свою плоть на пути достижения святости (главы 21-26).

Почти треть духовной биографии Венанций Фортунат посвятил описанию ее чудес. Автор хотел подчеркнуть святость Радегунды, доказать благосклонность к ней Бога, наделившего ее чудотворной силой. Это и способность лечить больных и слепых (главы 20, 27, 29, 32, 34, 35, 38), воскрешать из мертвых (главы 34, 37), исцелять одержимых (главы 28, 30, 33), освобождать заключенных (глава 38), умирять природные силы (глава 31) и другие чудеса (например, перенесение цветущего дерева или рассказ о мыши-землеройке, главы 30, 33). Описания подобных чудес довольно часто встречаются в агиографической литературе этой эпохи.

Конечно, в повествовании Фортуната немало общих мест, характерных для других агиографических сочинений данной эпохи. Как правило, герой или героиня жития должны были обладать рядом определенных черт. Так, например, в описании черт набожности и благочестия Радегунды, Фортунат использует ставший к тому времени стандартным набор основных монашеских добродетелей: аскетизм, скромность в быту и отказ от удобств и роскоши, презрение к мирскому, проповедь бедности, любви к ближнему, милосердия и заботы. Автор описывает частые и продолжительные молитвы Радегунды и посты, раздачу пищи со своего собственного стола паломникам и нуждающимся, обмывание ног больных собственными руками и умерщвление плоти. Тем не менее, несмотря на следование определенной схеме и наличие клише, присущих агиографической литературе, «Житие Св. Радегунды» Венанция Фортуната представляет несомненный интерес для исследователей. Помимо того, что мы можем выявить характерные черты системы ценностей и норм поведения эпохи меровингов, в нем, хотя подчас в завуалированной форме, содержатся биографические сведения о

Житие святой Радегунды¹

Пролог

1. Щедрость нашего Спасителя столь велика, что он воспевает великие победы женского пола, и, несмотря на хрупкое телосложение женщин, дарует им славу и величие, упрочивая их дух. Тех, кто рождены слабыми, Христос делает сильными верой настолько, что считавшиеся немощными увенчаются своими достоинствами во славу Создателя, сокрывшего небесное сокровище в глиняных сосудах; ибо и сам Христос Вседержитель пребывает с его богатыми дарами в их чреве. Те, кто умершвляли себя в миру, презрели земных супругов, не запятнали себя мирскими пороками, не уповали на преходящее и не упорствовали в заблуждениях, жили для Бога, во славу Христа Спасителя, к которой они присоединятся в Раю. К их числу принадлежит и та, о ком мы собираемся рассказать, хотя речь пойдет лишь о времени ее земной жизни, которая отмечена мировой славой, как и всех тех, кто живет во Христе. Так завершается пролог.

Здесь начинается Житие

2. Итак, благословенная Радегунда, из племени варваров в Тюрингии², чьим дедом был Безин (*Bessino*)³, дядей по отцу Герменефред (*Hermenefredo*)⁴, а отцом - король Бертахар (*Bertechario*)⁵, была самого высокого земного ранга; но она превзошла свое высокое происхождение еще болес возвышенными делами. Недолгое

¹ Перевод выполнен Н.Ю. Бикеевой по изданию: *Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis. Liber I. Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum. Vol. 1. Hanover, 1888. P. 364–377.*

² Тюрингия – независимое королевство, расположенное между Везером, Эльбой и Заале. Была завоевана и присоединена к франкскому королевству, вероятно, в 531 г.

³ Безин (также Базин или Бизин) – король тюрингов (ок.459–ок. 507), основатель королевства Тюрингия.

⁴ Герменефред (около 507–534) – последний независимый король Тюрингии, убит в 534 г.

⁵ Бертахар (ок. 507–525), предположительно, сын короля Безина. Соправитель своих братьев Герменефреда и Бадериха. В 525 г. он подвергся нападению со стороны Герменефреда и был убит. После смерти Бертахара его дети (в том числе Радегунда) были воспитаны при дворе своего дяди Герменефреда.

время она жила со своим знаменитым родственниками⁶, так как в хаосе бедствий и потрясений после победоносного вторжения франков и опустошения своей страны, она, подобно народу Израиля, была вынуждена покинуть свою родину. После этого из-за знатной пленницы между самими победителями⁷ возникла ссора, и если бы короли не сумели прийти к согласию, то пошли бы с оружием друг на друга. Став частью трофея прославленного короля Хлотаря, она была доставлена в Вермандуа (*Veromandessem*), на королевскую виллу в Атье (*Adteias*), и ее воспитание было возложено на опекунов. Эта девушка среди прочих занятий, подобающим ее полу, обучалась письму⁸. В беседах с другими детьми она часто говорила о своем желании стать мученицей, если ей представится такая возможность. Таким образом, еще отроковицей она проявила достоинства зрелого человека, частично получив то, что искала. Ибо хотя церковь процветала в миру, ей приходилось терпеть притеснения в своем собственном доме. Повзрослев, но будучи еще совсем юной, она сохраняла все, что оставалось на столе из еды, чтобы раздать детям, каждому из которых она мыла голову; вымыв головы, усаживала на стульчики, с величайшим смирением предлагая воду из своих рук; при этом она сама словно становилась ребенком. Также она исполнила то, что заранее задумала с молодым священнослужителем Самуилом. Неся впереди себя деревянный крест⁹, она и дети, следовавшие за ней, с пением псалмов торжественно, как взрослые, шествовали к часовне. Там Радегунда в своих пышных одеждах сама вытирала каменный пол. И собирая пыль вокруг алтаря в салфетку, не вытряхивала ее, а с благоговением выносила за дверь. А когда вышеупомянутый король, пожелал с

⁶ Принято считать, что Радегунда родилась до 520 г.

⁷ Сыновьями Хлодвига – Теодорихом I и Хлотарем I.

⁸ Венанций Фортунат в VIII книге своих поэтических проихведений приводит список авторов, которых читала Радегунда: Григорий Назианзин, Василий Кесарийский, Афанасий Александрийский, Иларий Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Аврелий, Целий Седулий, Павел Орозий (*Venantius Fortunatus. Carmina. Monumenta Germaniae historica: Auctoum Antiquissimorum..* Т. II. Vol. 4, Bk. VIII. Ch. 1. 1881.).

⁹ Это единственное упоминание в тексте Фортуната преданности Радегунды реликвии Святого Креста. Возможно, здесь он осторожно намекает на получение этой реликвии для монастыря Радегунды в Пуатье.

большой роскошью обставить ее приезд в Витри (*Victoriacon*), она сбежала ночью из Атье через Биаш (*Beralcha*) с несколькими спутниками. Когда они с королем бракосочетания поселились в Суассоне¹⁰, она всячески избегала атрибутов королевской власти, поскольку ее величие предназначалось не для этого мира, но для Бога, которому она посвятила себя; и ее не изменила земная слава.

3. Хотя Радгунда и состояла в браке с земным правителем, она не была отделена от небесного, и, чем больше мирской власти было ей дано, тем более смиренно склонялась она; больше, чем подобало в соответствии с ее королевским положением. Всегда покорная Богу, следуя наставлениям священнослужителей, она была больше соратницей Христа, чем спутницей мужа. Мы собираемся рассказать о некоторых из многих ее деяний, которые она совершила в этот период ее жизни. Опасаясь, что она умалит свой статус пред Богом, поскольку она возвысилась в мирском звании, она со всем пылом стала раздавать милостыню. Всякий раз, когда к ней поступали подати, она отдавала десятую часть из всего, что получила, прежде чем принимать что-либо для себя. Затем то, что оставалось, она отдавала в монастыри, посылая подарки тем, до кого она не могла добраться пешком. Не было отшельника, который избежал бы ее щедрости. И, чтобы не быть раздавленной бременем, она отдавала все, что получала. Голос нуждающегося не звучал напрасно, ибо она никогда не оставалась глуха к нему. Часто она раздавала одежду, полагая, что под одеждой бедных сокрыто тело Христово, и она считала утерянным то, что не было роздано нищим.

4. Обратив свой взор в дальнейшем на дела милосердия, она построила дом в Атье, где были со всей тщательностью приготовлены постели для нуждающихся женщин; собрав их там, Радегунда сама мыла их теплой водой в ванне и лечила их гноящиеся раны; она мыла головы людей, словно прислуга, и, вымыв, она готовила для них лекарства своими руками, чтобы возродить тех, кто обессилел от тяжелого труда. Таким образом, благочестивая дама, королева по рождению и браку, хозяйка дворца, прислуживала бедным, как служанка. На столе среди королевских яств прямо перед собой, чтобы никто не заметил, она ставила блюдо с бобами, по

¹⁰ Столица владений Хлотаря I. Бракосочетание состоялось около 540 г.

примеру трех отроков¹¹, и наслаждалась даже чечевицей. И если во время трапезы наступало время молитв, то сославшись королю на неотложные дела, она спешила отдать свой долг Богу, избавляя себя от застолья. Выходя, она читала молитвы во славу Господа и заботливо расспрашивала, какая еда была приготовлена для нищих, стоящих за дверью.

5. Ночью, когда ей приходилось ложиться в постель со своим коронованным мужем, она просила у него позволения выйти для отправления своих человеческих нужд, и, покинув комнату, очень долго в уединенном месте склонялась ниц в молитвах, набросив власяницу, лежала, пока холод не пробирал ее насквозь, и только душа ее оставалась согретой; умерщвляя плоть, не заботясь о теле, она в своих мыслях пребывала в Раю, считая свои страдания незначительными, лишь бы не умалить себя перед Христом. Вернувшись в комнату, она с трудом могла согреться у очага или в постели. Поэтому говорили, что король взял себе в жены монахиню, а не королеву. Ее доброта вызывала у него сильное раздражение, но Радегунда отчасти успокаивала его, отчасти терпела, осторожно возражая супругу.

6. Достаточно будет знать, как она держала себя в дни Великого поста, наказывая себя под королевскими одеждами. Перед началом Великого поста, она обратилась к одной монахине по имени Пиа (*Pia*), которая в соответствии с их тайным уговором, должна была передать ей завернутую в холст власяницу. Святая носила ее на теле под пышной одеждой весь Великий пост как сладостное бремя. По завершении поста она продолжала носить власяницу. Но если король был далеко, кто мог бы поверить, что она будет изливать свое сердце в молитве; как она припадет к стопам Христа и, переполненная восторгом, так долго будет воздерживаться от пищи, насыщаясь лишь слезами? Она с презрением относилась к чревоугодию, ибо ее единственной пищей был Христос, и весь ее голод был ради Христа.

7. С каким благочестием она заботилась, чтобы в молельне и святых местах всю ночь напролет горели свечи, сделанные ее руками! Когда в поздний час, если она задерживалась допоздна, ко-

¹¹ Вероятно, здесь у Фортуната отсылка к Книге пророка Даниила (Дан 1: 11–16), хотя в этих главах речь идет о чстверых отроках, а не о троих.

роль посылал за ней к столу, и ему сообщали, что она задерживается, занятая Божьими делами, это приводило к ссоре с супругом, но затем король, поднося ей подарки, просил прощения за все, что он ей наговорил.

8. Если она получала сообщение, что кто-либо из слуг божьих был на пути к ней, либо по собственному желанию или по ее приглашению, она чувствовала себя полной небесной радости; и, несмотря на поздний час, спешила с несколькими приближенными навстречу путнику по снегу, грязи или пыли; и сама мыла ноги раба Божьего нагретой заранее теплой водой и вытирала их¹², почтительно приветствуя и кланяясь до самых ног, и предлагала чашу с питьем. На следующий день, поручив заботу о домашнем хозяйстве доверенным людям, полностью посвящала себя гостю, беседе с ним, учению о спасении, целый день проводя подобным образом. И если должен был прийти епископ, она радовалась возможности увидеть его, дарила ему подарки и была очень огорчена, когда должна была отпустить его обратно домой.

9. И как благоразумно она заботилась о своем спасении! Так всякий раз, когда окружающие хвалили, как самое красивое, новое полотно из грубого льна, богато украшенное золотом и драгоценными камнями и надетое ею согласно обычаям варваров, она считала себя недостойной носить такой наряд; торопилась снять его с себя, чтобы отправить его в какое-нибудь из святых мест, находящихся поблизости, где оно могло быть положено в качестве покрова на алтарь Господа.

10. И если король, по обыкновению, отправил виновных в преступлениях на смерть, кто, как не святая королева, был рядом с осужденным на мучительную казнь, чтобы обвиняемый не погиб от меча? Кто, как не она, пытался через своих самых доверенных лиц, священников и знати, воздействовать на разгневанного правителя, до тех пор, пока он не успокоится и весть о спасении не прозвучит там, где прежде был вынесен смертный приговор?

11. В угоду Божественному Милосердию она совершала праведные деяния, еще в то время, когда пребывала в своем земном дворце, и щедрость Господа явилась через чудеса, творимые ею. Однажды на вилле в Перонне (*Peronne*), когда святая после пран-

¹² Подобно сюжету омовения ног апостолов Иисусом Христом.

диума¹³ гуляла в саду, заключенные в тюрьму преступники громко воззвали к ней о помощи. Она спросила, кто это мог быть, и слуги солгали, что это была толпа нищих, просящих подаяние. Поверив в это, она поручила удовлетворить их требования. Тем временем скованных заключенных судья заставил замолчать. Но, как только наступила ночь, и Радегунда стала читать молитвы, цепи заключенных прорвалась, и, освободившись, они бежали из тюрьмы к святой женщине. Видя это, те, кто солгали святой женщине, осознали себя истинными виновниками, а бывших осужденных освободили от их оков.

12. И как это часто бывает, несчастный случай с Божьей помощью приводит к спасению; так и после убийства ее невинного брата, Радегунда посвятила себя Богу. Покинув короля¹⁴, она направилась прямо к святому Медарду (*Medardus*) в Нуайон (*Novomago*) и, упав на колени пред ним, умоляла, чтобы ей позволили сменить одежды и посвятить себя Богу. Но, помня слова апостола: «Если кто соединен с женой, то не ищи развода»¹⁵, тот не спешил позволить ей сменить наряд королевы на одежду монахини. К тому времени святого человека (Медарда) привели в замешательство представители короля, которые ворвавшись в базилику, оттащили его от алтаря, чтобы он не скрывал супруги короля, и не думал, что может забрать у правителя его законную королеву, как будто она всего лишь публичная женщина¹⁶. Святая, узнав об этом, вошла в ризницу, надела там монашескую одежду, направилась прямо к алтарю, и, обращаясь к блаженному Медарду, сказала: «Вы отказываетесь посвятить меня, и боитесь человека больше, чем Бога, но из рук ваших, Пастырь, он потребует души овец своих». Он был поражен этим доводом и, положив руки на нее, посвятил в диакониссы¹⁷.

¹³ Грандиум – в Древнем Риме второй завтрак.

¹⁴ Из текста Фортуната неясно, как это произошло – с разрешения короля или без него.

¹⁵ 1 Кор. 7: 27. Необходимо заметить, что Павел говорит о муже, а не его жене

¹⁶ У Фортуната в тексте противопоставлены два термина – «*publica*» и «*publicana*». Тем самым, подчеркивается высокий статус Радегунды, официальной жены короля, а не его наложницы или незаконной супруги.

¹⁷ Латинская церковь официально не признавала статуса диакониссы. Соборы в Ниме 396 г. и Оранже 441 г. недвусмысленно осудили античный

13. Вскоре она избавилась от пышной одежды, в которой привыкла выходить во главе процессии, окруженная свитой, в дни больших торжеств; она возложила на алтарь Божественной Славы как дар в честь Господа пурпурные одежды, драгоценные камни и украшения. Она отдала тяжелый золотой пояс на нужды бедняков. Кроме этого, придя однажды к келье святого Имье (*Iumerus*) в своих украшенных с королевским великолепием одеждах (как сказали бы варвары одним словом *stapione*¹⁸), она положила на алтарь свои сорочки, браслеты, гребни, фибулы, украшенные золотом и драгоценными камнями себе во имя своего спасения. Придя в другой день к келье почтенного Дадона (*Datdonus*), превосходно одетая, как подобает королеве, она все, что было на ней, все богатство женщины ее положения, передала аббату в пользу монастыря. Точно так же, придя к убежищу святого Гундульфа (*Gundulf*), впоследствии епископа Меца, она не меньше усилий направила на обеспечение его монастыря.

14. Потом провидение привело ее в Тур, и возможно ли словами выразить то, какой ревностной и щедрой она показала себя там? Как она обошла вокруг атриумов, храмов и базилики Святого Мартина, плача неутолимыми слезами, падая ниц на каждом пороге; после мессы, она положила на Святой алтарь одежду и украшения, которыми она имела обыкновение украшать себя во дворце. И когда, раба Божия отправилась оттуда в поселение Кондате (*Condate*), откуда славный Мартин, верный слуга Христа, отошел в мир иной, она одарила его не меньше во славу Господа.

15. Оттуда она надлежащим образом прибыла на виллу в Со (*Saix, Sueda*) рядом с городом Пуатье (*Pictava*), благополучно завершив путь; и как подробно описать, сколько всего она совершила? За столом она тайно ела ржаной и ячменный хлеб, который прятала под пирог, чтобы никто не заметил. Ибо после того, как она была посвящена Богу св. Медардом и надела покров монахини,

институт диаконисс. Медард не мог посвятить в монахини состоявшую в официальном браке Радегунду. Тем не менее, если мы допускаем реальность этого события (Фортунат далее (гл. 15) еще раз говорит об этом: «...после того как она была посвящена Богу св. Медардом и надела покров монахини...»), то мы можем предположить, что епископ Медард освятил Радегунду официально и с почестями, а не тайно.

¹⁸ Германский термин, обозначающий, вероятно, одежду для выхода.

даже в болезни она не ела ничего, кроме бобов и зеленых овощей: ни фруктов, ни рыбы, ни яиц; и она ничего не пила, кроме мультсума (*mulsa*)¹⁹ или сидра из груш (*piracium*), не прикасаясь ни к неразбавленному вину, ни к медовухе или пиву.

16. И, подражая обычаю святого Германа, она велела принести себе ступку, и на протяжении всего Великого поста молола муку своими руками каждые четыре дня, постоянно обеспечивала хлебом святые места, оставляя себе лишь количество, необходимое для пропитания. Вследствие этого у святой женщины благих забот было не меньше, чем тех, кто просил; и на всех хватало ее милостей, и удивительно то, что все просящие были удовлетворены. Откуда столь многочисленные сокровища у изгнанницы; откуда пришло богатство паломницы?

17. Сколько ежедневно тратила она на оказание помощи нуждающимся, известно было только ей самой. Кроме пищи, которой она ежедневно кормила приходивших к ней нищих, два раза в неделю, в четверг и субботу, она готовила ванну; и, подпоясавшись полотенцем, она мыла головы беднякам, удаляя все, что она могла там найти – струпья, грязь или вшей; и, не испытывая отвращения, она, бывало, избавляла их от червей и очищала гнойники на коже, сама лично расчесывала волосы на головах тех, кого она мыла. Открытые раны, которые не могли зарубцеваться из-за того, что новую кожу несчастные постоянно раздирали ногтями, она смазывала маслом, как в Евангелии, смягчая зуд. Когда женщины опускались в ванну, она сама мыла их с головы до ног с мылом. После этого, если она замечала у вышедших из ванны ветхую одежду, то забирала ее, и давала новую; таким образом, она нарядила всех тех, кто пришел в лохмотьях. Когда все собрались вокруг стола, она, готовая прислуживать им, сама приносила воду и салфетки для каждого гостя, и немощным сама вытирала рот и руки. Затем внесли три подноса, наполненные вкусной едой, поставили их перед ними, и Радегунда, сама не евшая в то время, пока они угощались, была внимательна к гостям и резала им хлеб и мясо и подкладывала каждому. Ослабевшим и слепым она сама предлагала пищу, кормила их с ложки; и хотя при ней были две служанки, только она одна

¹⁹ Мультсум – мед, вино с медом.

прислуживала им, и, словно новая Марфа²⁰, хлопотала до тех пор, пока братья, напившись и наевшись, не становились радостными. И когда она вышла помыть руки, она была полностью удовлетворена тем, как прошла трапеза. И если кто-то роптал, она просила, чтобы они продолжали сидеть за столом, до тех пор, пока не захотят встать из-за него.

18. По воскресеньям летом и зимой она следовала похвальному правилу – первому нищему, из собравшейся пред ней толпы, давала из своих рук молодое неразбавленное вино; затем поручив служанке напоить всех остальных, сама спешила к обедне; и по ее окончании она приглашала священников к столу, продолжая придерживаться такого обычая, подобающего королям; и она никогда не позволяла им вернуться домой без подарка.

19. Разве возможно без единого содрогания исполнить то, что она делала с такой любовью? Когда пришли прокаженные и, прозвучал предупреждающий сигнал колокола, она, преисполненная благочестивого рвения, направила свою служанку выяснить, откуда они пришли, и сколько их было. Узнав все, готовила стол, ставила блюда, ложки, ножи, миски, вино, кубки и чаши, затем тайком уходила к себе, так что никто не мог ее увидеть. Но сама прокаженных женщин, покрытых пятнами, заключала в объятия, целовала их лица с любовью в сердце. После этого сидящим за столом приносила теплую воду, омывала их лица, руки, ногти и язвы, и опять лечила их и кормила каждую. Уходящим дарила золото или одежду, и никто другой не видел этого. Только одна служанка все же узнала об этом, и тихонько упрекнула ее: «Пресвятая госпожа, кто захочет вас поцеловать, когда вы обнимаете прокаженных?» Она любезно ответила: «Если ты действительно не хочешь целовать меня, это меня совершенно не беспокоит».

20. С Божьей помощью, она прославилась разными чудесами. Например, когда некто покрылся волдырями, служанка святой протянула ему виноградную лозу, ложно заявив, что она необходима для лечения. Но как только святая осенила лозу крестом и положила на рану, доставлявшую страдания, та вскоре затянулась. Точно так же, если кого-то лихорадило, и, будучи очень слабым, он говорил, что он узнал во сне о том, что для своего исцеления он должен

²⁰ Намек на Марфу из Вифании. Лк 10: 38–42.

поспешить к святой женщине, то ему через служанку передавали свечу, которая горела всю ночь, и болезнь проходила, а больной исцелялся. И всякий раз, когда становилось известно, что кто-то лежал прикованный к постели, кто, как не она, приносил фрукты больному, и благодаря мягкости и теплу плодов больной восстанавливал силы; так что тот, кто не ел в течение десяти дней, получал от нее не только исцеление, но и пищу. Однако Радегунда приказала, чтобы никто не рассказывал об этом.

21. А сколько собралось людей в тот день, когда святая решила уединиться в келье²¹, так что те, кто не мог уместиться на улице, залезли на крыши? Но так как святая воздерживалась от пищи, была покорной, смиренной, милосердной, трудолюбивой, усердно подвергала себя мучениям, то за все это она, в конце концов, была провозглашена исповедницей и мученицей. Поэтому для нее самым почитаемым днем великого поста было воскресенье, когда она наспех перекусывала только чечевицей или зелеными овощами, ибо она не принимала в пищу ни птицы, ни рыбы, ни фруктов, ни яиц. Она ела ржаной или ячменной хлеб, который она прятала под пирогом (*flado*²²), чтобы никто не заметил, что она ела. Она не пила даже мультсума и грушевого сидра, но лишь небольшим количеством воды утоляла жажду.

22. В первый раз она затворилась в своей келье во время Великого поста, и до тех пор, пока не завершилось ее уединение, она не ела хлеб, разве лишь в воскресенье, а только корни травы или зелень мальвы без капли масла или соли. Поскольку в течение всего поста она выпила только два секстария²³ воды, она так страдала от жажды, что она едва могла читать молитвы из-за сухости в горле. На теле вместо мягкого полотна она носила власяницу, непрерывно читала молитвы, часами продолжая ночные бдения; зола служила ей постелью, которую она покрывала власяницей; это не давало ей отдыха, но она не заботилась о своем бедном теле.

²¹ Здесь, по всей видимости, Фортунат намекает на основание монастыря Радегунды, расположенного внутри стен Пуатье приблизительно между 552 и 557 гг.

²² Flado – праздничный пирог.

²³ Секстарий – в древнем Риме единица объема – 0, 547 л. У Фортуната в тексте написано «*sestaria*».

23. В то время как все монахини спали глубоким сном, она чистила и смазывала ботинки. Во время других Великих постов она была более расслабленной, ела по четвергам и воскресеньям. Все остальное время, когда здоровье позволяло, кроме Пасхи и других главных христианских празднеств, она предавалась аскезе во вла-сянице и пепле, с раннего утра начинала читать молитвы, до того, как другие проснутся. Больше всего ей нравилось целиком посвя-тить себя выполнению монашеских обязанностей, и она упрекала себя, если кто-то сделал доброе дело, прежде чем она его соверши-ла. Когда была ее очередь подметать внутренний двор монастыря, вместе с закоулками, она без отвращения выносила все мерзости, собранные ею там, на которые другие не могли смотреть без содро-гания. Она даже не уклонялась от очистки уборных, выносила зло-вонные экскременты, полагая, что умалит себя, если не выполнит эти омерзительные обязанности. Она своими руками носила дрова, разводила огонь в очаге, щипцами перемешивала угли и не вздра-гивала, если случайно обжигалась, а кроме этого, каждую неделю она сама заботилась о немощных, готовила им пищу, омывала лица больным, предлагала им калидум²⁴ (*calidum*), навещала немощных, о которых она заботилась, и только после всего этого возвращалась голодной и обессиленной в свою келью.

24. Разве может кто-нибудь описать, с каким рвением как она торопилась на кухню готовить пищу, выполняя свои еженедельные обязанности? Ни одна из монахинь не приносила столько дров, сколько было необходимо, и только она доставляла от задних ворот нужное количество, связав их. Она носила воду из колодца и раз-лиwała ее по небольшим сосудам. Чистила овощи, мыла бобы, и раздувала потухший очаг так, что могла приготовить пищу; дож-давшись закипания, она снимала посуду с огня, мыла и складывала тарелки. После этого, приготовив еду, сама ополаскивала малень-кие бокалы, и начищала кухню до блеска, не оставляя даже пят-нышка грязи. После этого приводила больных, и даже прежде, чем она приняла Устав из Арля, еженедельно совершала все это, приго-тавливая для всех теплую воду. Святая смиренно омывала и цело-вала больным ноги и просила прощения за любую свою провин-ность, которую она, возможно, допустила.

²⁴ Вино, разбавленное теплой водой.

25. Но кто не содрогнется, узнав о мучениях, которым она себя подвергала, сверх всех этих забот! Однажды во время Великого поста она сковала свою шею и кисти рук тремя широкими железными кольцами, и три цепи крепко держали ее тело, покрыв тяжелым железом нежную плоть. И после того, как она завершила пост и захотела снять цепи, впившиеся в ее кожу, она не смогла этого сделать, спина и грудь под железной цепью были рассечены по кругу так, что потекла кровь, почти до последней капли излившись из ее хрупкого тела.

26. В другой раз она велела изготовить медные пластины в виде монограммы Христа²⁵, раскалила их в своей келье и прижала к телу в двух местах так сильно, что сожгла свою плоть. Так ее пламенная душа заставила гореть тело. Во время одного из Великих постов она придумала для себя еще более страшные мучения пытками в дополнение к строгому голоданию и жажде; она велела положить себя в ванну, полную раскаленных углей, несмотря на то, что ее нежное тело было покрыто незаживающими ранами из-за жесткой щетины власяницы. Она была готова к этому, и хотя ее тело содрогалось, душа была закалена в муках, хоть уже и миновали времена гонений, так, что она может считаться мученицей. После этого, чтобы успокоить свою пламенную душу, она решила сжечь свое тело, бросившись на раскаленную добела медную пластину; тогда зашипели ее обожженные части тела, кожа сильно обгорела, и глубокий шрам остался там, где ее коснулся огонь. Молча, прятала она раны, но запекавшаяся кровь на них обнаружила то, что она не выдала голосом. Таким образом, женщина с готовностью претерпела такие муки ради Христа. Но о том, что она сама скрывала, не должны молчать чудеса, совершенные ею.

27. Так, благородная матрона из Гислада (*Gislaadi*) по имени Белла, долгое время страдавшая от слепоты, попросила привести ее из Франкии (*Francia*)²⁶ в Пуатье, чтобы с благоговением предстать перед святой. Однако она с трудом вымолила это, проведя в молчании ужасную ночь. Упав на колени перед Радегундой, она умоляла, чтобы та согласилась коснуться ее глаз. Как только святая осенила

²⁵ Вероятно, в виде двух первых греческих букв имени Христа.

²⁶ Вероятно, Фортунат под «Франкией» подразумевает область, расположенную к северу от Луары.

ее крестным знаменем во имя Христа, слепота ушла, свет вернулся; и дневной свет сиял для слепой до тех пор, пока не угас под покровом ночи. Таким образом, та, которую привели к святой, вернулась домой без сопровождения.

28. Кроме того, девушка по имени Фрайфледа (*Fraifledis*), в то время как ее жестоко пытали по наущению врага²⁷, и она так мучилась, что в Со на руках святой была вылечена без промедления. Не обойдем вниманием и другое чудо, которое явила в это время святая. Одна женщина по имени Левбила (*Leubila*), в то время в своей деревне была сильно одержима дьяволом; и на следующий день во время молитвы святой, этого нового христианского вида лечения, шорох донесся из-под кожи на плече одержимой и наружу выполз червь, и она полностью излечилась на глазах у всех, сама раздавила ногой червя, и, освобожденная, отправилась домой.

29. То, что она совершала тайно, должно стать известно людям. Одна монахиня весь год дрожала от холода днем, а ночью ее бросало в жар, в течение шести месяцев она неподвижно лежала, не в состоянии сделать шаг; затем об этом ее недуге другая монахиня сообщила святой женщине. Найдя несчастную почти безжизненной, Радегунда велела сестрам согреть воды, а больную принести к себе в келью и положить в эту теплую воду. Потом приказав всем выйти, она оставалась один на один с больной женщиной в течение двух часов, словно врач. Она ухаживала за больной, следя за положением ее тела, от головы до ног. Всюду, где ее руки касались тела, болезнь отступала, и та, что была положена в ванну двумя людьми, вышла из нее сама в полном здравии; и если она раньше не могла выносить даже запаха вина, теперь выпила его и повторила еще раз. Что еще можно сказать? На следующий день, когда она, как ожидалось, должна была перейти в мир иной, она, в полном здравии вышла к людям.

30. Во славу ее добавим рассказ еще об одном из чудес, которое по праву не должно быть забыто. Женщину, попавшую в страшную беду из-за происков дьявола, одержимую бесами, с трудом смогли привести к святой; святая велела лукавому пасть ниц перед ней на каменный пол, в почтительном страхе. Как только блаженная заговорила, он бросился вниз, так как она испугала того,

²⁷ Враг, противник, о котором пишет Фортунат, вероятно, дьявол.

кого боялась. Когда святая, преисполненная веры, наступила ногой на затылок, с потоком, вылившимся из живота женщины, был исторгнут демон. И малые деяния свершаются к великой славе Творца. Об этом гласит и случай с клубком ниток, которыми святая пряла; когда к нему, висящему под сводом, приблизилась мышшь-землеройка, чтобы сгрызть его, то прежде чем она перекусила нить, повисла мертвой, лишь только коснулась ее.

31. Расскажем еще об одном событии, достойном называться чудом. Один человек по имени Флор (*Florius*), по поручению святой был на рыбалке, когда море разбушевалось, поднялся вихрь, появились большие волны, и лодочник оказался в беде, так как волна вот-вот могла корабль захлестнуть водой; и в самый последний момент он воскликнул: «Святая Радегунда, пока мы повинемся вам, не дайте нам погибнуть в кораблекрушении, но упростите Бога спасти нас». Едва он произнес это, тучи ушли, спокойствие возвратилось, волны спали, и передняя часть корабля поднялась из воды.

32. Года (*Goda*), девушка-мирянка, которая затем посвятила себя Богу и стала монахиней, лежала печально на постели долгое время, и, чем больше она использовала лекарств, тем сильнее слабела; тогда была сделана свеча, величиной с ее рост, и Господь сжалился над нею во имя святой женщины; и в час, когда она ожидала холод, она зажгла свечу и держала ее, и, в результате холод отступил перед свечой, прежде чем та догорела.

33. Чем больше мы опускаем для краткости, тем больше возрастает наша вина. Поэтому, быстро отбросив лишнее, замедлим теперь ход нашего повествования. Итак, жена плотника долгое время была одержима дьяволом, и почтенная аббатиса²⁸, шутя, сказала святой женщине: «Поверьте, мать, я отлучу вас, если женщина не будет избавлена от козней дьявола в течение трех дней». Она заявила об этом публично, тем самым заставив святую женщину тайно сожалеть о том, что она так медленно лечит пострадавших. Она не стала тратить время зря, и уже на следующий день во время молитвы святой бесы с ревом выскочили из уха одержимой, оставив тело, которое они захватили; и женщина с мужем благополучно вернулись домой. Не следует пропустить и другой похожий случай. Блаженная попросила выкопать цветущее лавровое дерево с того

²⁸ Возможно, Агнесса.

места, где оно росло, и перенести в свою келью, чтобы она могла там наслаждаться. Но после того, как это было сделано, все листья у дерева высохли, поскольку после его пересадки корни не прижились. Аббатиса в шутку заметила, что святая лучше пусть молится за дерево, чтобы оно пустило корни в земле, или она сама лишится своей пицци. Слова не были сказаны напрасно, благодаря молитвам святой листья, ветви и корни засохшего лавра вновь ожили и зазеленели.

34. Когда одна из монахинь, страдавшая от того, что ее глаза были залиты кровью, оказалась близко к Радегунде, она схватила траву полыни, которую святая носила на груди рядом с сердцем, и, приложив к глазам, облегчила свои страдания, боль и кровь отступили; и от свежести зеленой травы засиял чистый свет. Вспомним то, о чем мы почти не говорили до сих пор. Некий Андеред (*Anderedus*) пожаловался блаженной женщине, что, каждый раз, когда у него рождался сын, он терял его, лишь только увидев, и ему приходилось думать о его погребении. Позвав святую на печальные похороны, скорбящие родители завернули младенца во власяницу святой. Как только ткань коснулась тела ребенка, к умершему вернулась жизнь, и того, кто был до этого мертвенно бледным, теперь румяным вынули из-под покрова.

35. Кто может рассчитывать на чудеса, которые совершаются милостью Христа? Монахиня Анимия (*Animia*) настолько распухла от водянки, что ее состояние здоровья было ужасным, и сестры ожидали, что она вот-вот испустит дух; и тогда во сне ей привиделось, что святая Радегунда велела сестрам с почтенной аббатисой ее раздетую опустить в ванну без воды. Затем, ей привиделось, что святая своей рукой поливает масло на голову больной и покрывает ее новой одеждой. После этого таинства, когда она пробудилась от глубокого сна, все следы болезни исчезли, и даже без капли пота излишек воды вышел из нее. В результате этого нового чуда, даже следа от болезни не осталось в ее теле. И когда та, о которой думали, что она вот-вот сойдет в могилу, поднялась с постели, ее голова все еще пахла маслом, свидетельствуя о свершившемся чуде, но болезнь отступила.

36. Теперь расскажем о том, что порадует всех христиан²⁹. Однажды вечером, когда сумерки отбрасывали тени, недалеко от монастыря среди гирлянд и кифар (*cithara*) миряне громко распевали песни, и в то время как святая беседовала с двумя слушателями, некая монахиня, шутя, сказала: «Госпожа, я узнала одну из моих песен среди тех, что поют танцующие. На что Радегунда ответила: «Это хорошо, что вам нравится слышать соединение благочестия с благоуханием мира». Тогда сестра заявила: «Верно, госпожа, две или три из только что услышанных моих песен, как мне кажется, соединяют святое и мирское подобным образом». Тогда святая ответила: «Бог мне свидетель, я не слышала сейчас никакой мирской песни». Таким образом, стало очевидно, что, хотя ее плоть оставалась на земле, душа пребывала на небесах.

37. Во славу Христа давайте представим еще одно из чудес нашего времени, совершенное в духе блаженного Мартина. Однажды, когда святая затворилась в своей келье, она услышала плач монахини, и, дав ей знак войти к себе, она спросила, что случилось. Монахиня ответила, что ее младшая сестра умерла, и, для обмывания охлаждающего тела уже готовили теплую воду. Соболезнуя ей, святая велела принести труп девочки в свою келью. Там она приняла его в свои руки, затем закрыла за собой дверь и велела остальным отойти подальше, чтобы никто не увидел, что она собирается делать; но то, что она тайком совершила, не могло долго оставаться сокрытым. Тем временем, пока готовили погребение, она в течение семи часов трудилась над телом умершей. И Христос, видя ее веру, не мог отказать ей, и позволил ей полностью воскресить ребенка; и во время молитвы святой, младенец воскрес из мертвых; и только тогда старая женщина встала, когда ребенок ожил. Снова подав знак, радостная, она возвратила ожившей ту, которую оплакивали как умершую.

²⁹ Фортунат в данном случае использует в тексте термин «region» (область, страна), то есть предложение дословно переводится «порадует всю страну», некоторые исследователи считают, что смысл данной фразы будет более понятен, если вместо «region», использовать «religio». См. об этом, например: *Sainted Women of the Dark Ages / Trans. and ed. by Jo Ann McNamara and John E. Halborg with Gordon Whatley. – Duke University Press, Durham and London, 1992. P. 84. N. 77.*

**Библиография материалов,
опубликованных в альманахе «Адам и Ева»
в №№ 11-20 (2006-2012)**

Поздравительное слово к юбилею Л.П. Репиной. №20. 2012. С.7-10.
Репина Л. П. От редакции. №18. 2010. С.7-11.

Статьи

Айзенштат М. П. Ганноверская династия: внутрисемейные отношения и власть. №15. 2008. С.111-129.

Айзенштат М. П. Некоронованная королева Британии: «дело» о разводе Георга IV. №13. 2007. С.18-38.

Багдасарова Ж. Репрезентация женщин в СМИ во время Первой Мировой войны. №11. 2006. С.209-229.

Беликов А. П. «Амог Greasogum» в Риме: проблемы и дискуссии. №14. 2007. С.170-177.

Бикеева Н. Ю. Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти. №13. 2007. С.7-17.

Бикеева Н. Ю. Поздняя античность в гендерной проекции: К.Купер, К. Лейзер, Дж. Смит. №14. 2007. С.72-86.

Бикеева Н. Ю. «Скандал в благородном семействе»: конфликт в женском монастыре в Пуатье в 589-590гг. №17. 2009. С.72-88.

Бикеева Н. Ю. Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких. №19. 2011. С.98-118.

Бордман Дж. Чудесное зачатие и рождение в греческой мифологии. №15. 2008. С.7-21.

Брандт Г. А. «Материнство» в русской классической литературе XIX века: к феминистской постановке вопроса. №11. 2006. С.187-198.

Веременко В. А. Дворянская семья и проблема «содержания» одним супругом другого в России во второй половине XIX – начале XX веков. №11. 2006. С.114-140.

Вишленкова Е. А. Гендерные коды в визуальном языке описания «русскости» (XVIII – первая четверть XIX века). №11. 2006. С.161-186.

Волчков А. С. Пророчица, девственница, блудница... Женщина и женское в раннем христианстве. №14. 2007. С.121-144.

Герштейн А. Б. Образ антихриста и гендерные роли в противостоянии императора Фридриха II и Григория IX. №18. 2010. С.12-29.

Голикова С. В. «Молчите, презлбннии хулители браков!»: старообрядческие «своды» как ритуал и социальная практика (по материалам Урала XIX – начала XX вв.). №15. 2008. С.130-138.

Елисеева О. И. «Девушка сама не глупая ...» Гендерные проблемы в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». №17. 2009. С.105-130.

Ермаков А. М. «Женщина – не только кухарка и уборщица»: гендерная идеология нацистских «феминисток». №16. 2008. С.93-126.

Ермаков А. М. Идеал женственности в Союзе немецких девушек. №15. 2008. С.185-210.

Ермаков А. М. Йозеф Геббельс и конструирование нацистской модели маскулинности. №19. 2011. С.63-97.

Желобецкая А. Женщины на перекрестках войны: компаративный анализ конструирования женской идентичности. №12. 2006. С.242-263.

Зверева В. В. Феминное и маскулинное в естественных историях Нового времени. №18. 2010. С.139-156.

Иващенко В. Ю. Проблемы европеизации частного быта: семейные отношения и домохозяйство в профессорской среде Харькова в начале XIX века. №19. 2011. С.223-241.

Ильичева М. Б. Изменения в брачной модели Великобритании 1950-х-1980-х гг.: основные тенденции. №17. 2009. С.152-161.

Ионов И. Н. Тема власти женщин в повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» и ее реминисценции в русской культуре. №15. 2008. С.243-265.

Карначук Н.В. Казус Агнесс Боукер: гендерные тревоги позднетюдоровского общества. №11. 2006. С.141-160.

Карначук Н. В. «Штаны и рюши», или что может рассказать символика костюма о гендерной напряженности в семье и социуме Англии конца XVI – начала XVIIвв. №15. 2008. С.159-184.

Квашнин В. А. Римские женщины в политической жизни Средней Республики (По поводу книги Р. Баумана «Женщина и политика в Древнем Риме»). №14. 2007. С.50-71.

Кириллова Е. Н. Портные и портнихи в Реймсе XVIII в. №18. 2010. С.157-176.

Кириллова Е. Н., Суприянович А. Г. По следам гендерных стереотипов, или «матохерат» Макса Фрая. №12. 2006. С.84-117.

- Ковтунова О. В.** «Женский вопрос» в конце XIX – начале XX вв. по материалам «Крымского вестника». №13. 2007. С.163-188.
- Королева Т. В.** Реформа среднего женского образования во Франции в 1900-1924 гг.: государственная политика и либеральное женское движение. №11. 2006. С.230-257.
- Короленков А. В.** Женщины в политике Сертория. №14. 2007. С.158-169.
- Короткова С. А.** Положение женщин в США по материалам российских журналов второй половины XIX века. №11. 2006. С.199-208.
- Крадецкая С. В.** Женщина и семья в дискурсе российских феминисток начала XX века. №19. 2011. С.293-307.
- Крылова Ю. П.** Лидия Мизинова: в поисках себя. Способы самоутверждения незамужней девушки в конце XIX в. №19. 2011. С.267-292.
- Кутурженко Л. А.** Перипетии англо-российских отношений во второй половине XIX в. и одна человеческая трагедия: в поисках Ольги Новиковой. №16. 2008. С.71-92.
- Кучеренко Л. П.** Семья в деятельности римских цензоров. №14. 2007. С.145-157.
- Лабутина Т. Л.** Женщина в допетровской России: этнические представления англичан. №17. 2009. С.189-201.
- Лисович И. И.** Репрезентация теории магнетизма в английской культуре XVII в.: У. Гилберт «О магните» и Б. Джонсон «Магнетическая леди». №19. 2011. С.171-198.
- Лях Е. Е.** Религиозный конфликт в семье в изображении новозаветных апокрифов. №11. 2006. С.42-55.
- Макарова О.** «Женский вопрос не вошел еще в общественное сознание...» Проблемы эмансипации в ранней журналистике А.С. Суворина. №19. 2011. С.242-266.
- Макарова О.** «Не будь Анюты, которая ... имела на меня большое влияние...» Штрихи к семейному портрету А.С. Суворина на фоне эпохи. №12. 2006. С.145-170.
- Милано А.** О женщине и мизогинии в Библии. №13. 2007. С.97-136.
- Неклюдова М. С.** Женский передел истории: галантная повесть и политическое воображение рубежа XVII-XVIII вв. №20. 2012. С.52-64.

Осинович Т. Е. «...Но совсем женщиной она не была»: Зинаида Гиппиус и проблема «женского» в русской культуре рубежа XIX – XX веков. №12. 2006. С.219-241.

Паителев А. Д. Семья и брак в валентинианском гнозисе. №14. 2007. С.178-191.

Петров Ф. П. «Мужское» и «женское» в учении Августина о душе. №16. 2008. С.7-14.

Петрова М. С. Государство и власть: частная жизнь Карла Великого и членов его семьи. №20. 2012. С.65-82.

Петрова М. С. Эйнхард и власть: жизнь при дворе. №17. 2009. С.40-51.

Посохова Л. Ю. «Сыскал для женитьбы место ...» Брачные стратегии священников в контексте социо-культурного конфликта в Украине в XVIII в. №13. 2007. С.39-54.

Романова М. И. Леди против рабства: женские аболиционистские общества в Англии в первой половине XIX в. №16. 2008. С.46-70.

Савицкий Е. Е. Перспективы феминистской политической практики и гендерной истории в свете полемики Джудит Батлер и Славоя Жижека. №13. 2007. С.137-162.

Сайнаков Н. А. «Деморализация» русского общества в XVI веке (гендерный аспект). №16. 2008. С.15-37.

Сальникова А. А. «Детское письмо» как опыт, как факт, и как знание. №15. 2008. С.266-290.

Сванидзе А. А. Дети и детство в сагах. №12. 2006. С.7-22.

Сванидзе А. А. Супружество в мире исландской саги. №11. 2006. С.56-75.

Селиванова Л. Л. «Белые голуби» и «матероохваченные» галлы. №20. 2012. С.116-165.

Селиванова Л. Л. Выстрел амазонской царицы. №18. 2010. С.177-206.

Селиванова Л. Л. Гендерные исследования в антиковедении. №14. 2007. С.7-36.

Селиванова Л. Л. Инцестный брак: мифологическая традиция и свидетельства истории. №11. 2006. С.7-41.

- Селиванова Л. Л.* Самооскопление во славу богини. №19. 2011. С.7-36.
- Сергеева Е. В.* «Не дочерью называл, но госпожой...»: из истории одного семейного конфликта. №15. 2008. С.22-52.
- Серегина А. Ю.* Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей. №18. 2010. С.119-138.
- Серегина А. Ю.* Гендерные и конфессиональные аспекты английской демонологии XVI – XVII вв.: ланкастерские ведьмы (1612 г.). №18. 2010. С.84-100.
- Серегина А. Ю.* Женщины католички в Англии XVI-XVII вв.: публичная роль в частной сфере? №20. 2012. С.83-115.
- Серегина А. Ю.* Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.). №19. 2011. С.119-147.
- Серегина А. Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII веков. №15. 2008. С.53-99.
- Серегина А. Ю.* «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII вв. №12. 2006. С.118-144.
- Скворцов А. М., Любчанский И. Э.* Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV вв. до н.э. №14. 2007. С.113-120.
- Солодянкина О. Ю.* Гувернантки в художественной литературе. №15. 2008. С.211-242.
- Солодянкина О. Ю.* Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги. №11. 2006. С.76-113.
- Стогова А.В.* Гендерная анатомия меланхолии: пол и гендер в тексте Роберта Бёртона. №17. 2009. С.162-188.
- Стогова А. В.* История одного непонимания: Кэтрин Филипс и Джереми Тейлор. №19. 2011. С.199-222.
- Стогова А. В.* «Умные женщины» во Франции второй половины XVII в.: Мадлен де Скюдери и проблемы идентичности. №12. 2006. С.171-218.
- Стогова А. В.* Эпистолярные практики в XVII в.: между частным и публичным. №20. 2012. С.37-51.

Суприянович А. Г. Представление гендерной истории в учебных текстах (на примере вузовских учебников по истории Средних веков). №15. 2008. С.291-306.

Суприянович А. Г. Проклятие Мелюзины. Гендер, преступление и наказание. №18. 2010. С.30-60.

Суприянович А. Г. Уильям и вервольф: репрезентация доминантных маскулинностей в средневековой романе. №19. 2011. С.37-62.

Суриков И. Е. Адам и ... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса). №12. 2006. С.23-47.

Суриков И. Е. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах. №14. 2007. С.87-112.

Суриков И. Е. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях). №17. 2009. С.7-39.

Тельменко Е. А. «Если ты, женщина... желаешь жить хорошо, ты больше не женщина..., а человек и обладаешь душой мужественной»: о савонаролианской проповеди «простоты христианской жизни» среди женщин. №15. 2008. С.139-158.

Тийainen Т. В. Особенности феминистского движения в Швеции во второй половине XIX – XX вв. №13. 2007. С.189-222.

Тогоева О. И. Жанна д'Арк между католиками и протестантами во Франции XVII в. №19. 2011. С.148-170.

Тогоева О. И. Как Жанна д'Арк стала ангелом: споры современников, мнение потомков (XV – XIX вв.). №18. 2010. С.61-83.

Тогоева О. И. Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI-XVII вв. №20. 2012. С.11-36.

Трофимова В. С. «Ученейшая дама» Батшуа Мейкин и проблема семьи в Англии XVII века. №16. 2008. С.100-110.

Трофимова В. С. Политика в жизни и творчестве Афры Бен. №15. 2008. С.38-45.

Уайлд Л. У. Действительно ли существовали амазонки? №17. 2009. С.52-71.

Фетисова Н. Ю. Женские образы во французской историографии 20-30-х годов XX века. №12. 2006. С.48-83.

Хэннинен М.-Л. Женщина в античности: финская историография. №14. 2007. С.37-49.

Чередникова А. Ю. Женская эмансипация в Веймарской республике (1919-1933): проблемы и противоречия. №17. 2009. С.131-151.

Черкашенина А. И. Власть как женщина: концепты женственности и власти в английской позднесредневековой культуре. №18. 2010. С.101-118.

Чернова Л. С. Леди Филпот в матримониальной политике правящей элиты Лондона XIV – XV в. №17. 2009. С.89-104.

Чикалова И. Р. Складывание женской политической элиты в США и политика в вопросах гендерного равноправия (1970-е – 1990-е гг.). №16. 2008. С.127-145.

Чуракова О. В. Принцессы и нищенки. императорское женское патриотическое общество 1812 года. №20. 2012. С.166-182.

Экштут С. А. Французская горизонталка, или Сексуальная революция, которую мы не заметили. №13. 2007. С.55-96.

Публикации источников

Веспасиано да Бистиччи. Заметки о некоторых замечательных женщинах XV в. / Пер., коммент. и вступ. статья И.А. Красновой. №18. 2010. С.207-237.

Авл Гелий. Аттические ночи / Пер., коммент. и вступ. статья А.А. Павлова. №13. 2007. С.223-260.

Маргарита Датини. Письма Маргариты Датини / Пер., коммент. и вступ. статья И.А. Ануприенко, И.А. Красновой. №12. 2006. С.264-312.

Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер., коммент. и вступ. статья А.А. Павлова. №16. 2008. С.146-181.

Франческо Петрарка. К императрице Анне поздравительное письмо по поводу рождения дочери и в связи с этим много похвального о женщинах / Пер., коммент. и вступ. статья Н.И. Девятайкиной. №11. 2006. С.258-281.

Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер., коммент. и вступ. статья А.А. Павлова. №17. 2009. С.202-242.

Секст Помпей Фест. О значении слов / Пер., коммент. и вступ. статья А.А. Павлова. №14. 2007. С.192-234.

Франсуа Пуллен да Ла Барр. О равенстве двух полов / Пер., коммент. и вступ. статья А.В. Стоговой. №16. 2008. С.182-230.

Мэри Ризли. Письмо Мэри Ризли, графини Саутхэмптон, отцу, виконту Монтегю / Пер., коммент. и вступ. статья А.Ю. Серегиной. №17. 2009. С.243-258.

Тереса Авильская. Книга жизни / Пер. и коммент. О.И.Варьяш, Ю.П.Зарецкого. №12. 2006. С.313-317, №15. 2008. С.307-318.

Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды / Пер. коммент. и вступ. статья Н. Ю. Бикеевой. №20. 2012. С.183-204.

Дискуссии

Вальднер К. Гендерные исследования в науках о классической древности. №12. 2006. С.318-328.

Ерусалимский К. Ю. Гендерная асимметрия в средневековой Волыни (по поводу исследований Н. Старченко). №13. 2007. С. 261-275.

Обзоры и рецензии

Бикеева Н. Ю. Гендерные аспекты репрезентации святых мервингской Галлии. Рецензия на монографию Дж. Китчена «Жития святых и риторика гендера: мужчина и женщина в мервингской агиографии». Оксфорд, Нью-Йорк, 1998. №11. 2006. С.291-297.

Демидова О. Р. Воспоминания «Серрапионовой сестры». Рец. на кн.: Е.Г. Полонская. Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008. №18. 2010. С.243-250.

Демидова О. Р. Женские образы в прозе А. Толстого. №13. 2007. С.276-279.

Демидова О. Р. О части тела под названием «душа» (новая книга Людмилы Коль). №13. 2007. С.279-282.

Леденёв А. В. Оливковый сад и укусный куст: проза Г. Кузнецовой. №15. 2008. С.327-339.

Мисникевич Т. В. «Грасский дневник» как «пространство» Галины Кузнецовой. №18. 2010. С.250-257.

Павлов А. А. Вторая международная научно-практическая конференция «Гендерная теория и историческое знание»: краткий обзор. №11. 2006. С.282-290.

- Павлов А. А.* Женщина, семья, гендер в Античности: избранная российская библиография (1992-2007). №14. 2007. С. 235-243
- Стогова А. В.* Частность публичной жизни. Рец. на кн.: М.С. Неклюдова. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. №15. 2008. С.319-327.
- Суприянович А. Г.* Рец. на кн.: Две тетради. Дневник Натальи Александровны Миротворской. М., 2010. №18. 2010. С.257-265.
- Фетисова Н. Ю.* Рец. на кн.: В.А. Веремченко. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2004. №13. 2007. С.282-284.
- Хаванова О. В.* Рец. на кн.: Л. Красс. Историческое изменение роли повивальных бабок в Венгрии XVIII века. Будапешт, 2003. №12. 2006. С.329-335.
- Хаванова О. В.* Рец. на кн.: К. Петер. Брак в Венгрии раннего Нового времени, XVII – XVIII вв. Будапешт, 2008. №18. 2010. С.238-243.
- Хаванова О. В.* Рец. на кн.: Жизнь женщин в Инсбруке. Исторический путеводитель по городу. Инсбрук, 2003. №19. 2011. С.308-313.

Bibliography of articles published in the “Adam and Eve”. Issues 1-10 (2006 –2012)

- To Lorina Repina on her 65th anniversary. №20. 2012. P.7-10.
- Repina L. P.* Editorial. №18. 2010. P.7-11.

Articles

- Aizenshtadt M. P.* The Hannover dynasty: power and family relationship. №15. 2008. P.111-129.
- Aizenshtat M. P.* Britain’s uncrowned Queen: the divorce of George IV. №13. 2007. P.18-38.
- Bagdasarov Zh.* Representation of woman by the media during the World War One. №11. 2006. P.209-229.
- Belikov A. P.* «Amor Graecorum» in Rome: problems and discussions. №14. 2007. P.170-177.
- Bikeeva N. Yu.* Later Antiquity and gender: K. Cooper, C. Leyser and J. Smith. №14. 2007. P.72-86.

- Bikeeva N. Yu.** Queen as a nun: the St Radegunde's nunnery as a place of power. №13. 2007. P.7-17.
- Bikeeva N. Yu.** 'A scandal in a noble house': the conflict in the Poitiers nunnery in 589-590. №17. 2009. P.72-88.
- Bikeeva N. Yu.** Private life of a saint woman of the Merovingian epoch: Radegund and her circle. №19. 2011. P.98-118.
- Bordman G.** Miraculous conception and birth in Greek mythology. №15. 2008. P.7-21.
- Brandt G. A.** The concept of motherhood in classical Russian literature of the 19th century: a feminist view. №11. 2006. P.187-198.
- Cherednikova A. Yu.** Emancipation in Weimar Republic (1919-1933): problems and contradictions. №17. 2009. P.131-151.
- Cherkashenina A. I.** Power as woman: Concepts of femininity and power in the late Medieval English culture. №18. 2010. P.101-118.
- Chernova L. N.** Lady Philipot: the matrimonial policy of urban elite in the 14-15th century London. №17. 2009. P.89-104.
- Chikalova I. R.** Creating female political elite in the USA: the policy of gender equality in 1970-90s. №16. 2008. P.127-145.
- Churakova O. V.** Princesses and beggar girls: the Imperial Women's Patriotic Society of 1812. №20. 2012. P.166-182.
- Cucherenko L. P.** Roman family and censors. №14. 2007. P.145-157.
- Ekshut S. A.** Sexual revolution that we had not noticed. №13. 2007. P.55-96.
- Eliseyeva O. I.** 'A girl not stupid...': gender problems in the comedy 'Woe from Wit' by A.S. Griboyedov. №17. 2009. P.105-130.
- Ermakov A. M.** 'A woman is not only a cook and a cleaner': Gender ideology of the Nazi 'feminists'. №16. 2008. P.93-126.
- Ermakov A. M.** The ideal of femininity in the League of German Girls. №15. 2008. P.185-210.
- Ermakov A. M.** Joseph Goebbels and the construction of Nazi model of Manhood. №19. 2011. P.63-97.
- Fetisova N. Yu.** Women's images in French historiography of the between-two-World-War period. №12. 2006. P.48-83.
- Gerstein A. B.** The image of antichrist and gender roles in the conflict between Emperor Frederick II and Pope Gregory IX. №18. 2010. P.12-29.

- Golikova S. B.** 'Be silent, you evil revilers of marriages!': Old believers' marriages as rituals and social practise (the Urals in the 19th – early 20th cc.). №15. 2008. P.130-138.
- Hänninen M-L.** Finnish scholarship on women of Antiquity. №14. 2007. P.37-49.
- Il'icheva M. B.** Changing models of marriage in Great Britain, 1950-80s: main tendencies. №17. 2009. P.152-161.
- Ionov I. N.** Women's power in the 'Snail on the Slope' by A. and B. Strugatski and its reminiscent in Russian culture. №15. 2008. P.243-265.
- Ivashchenko V. Yu.** Challenges of Europeanization in Private Life: Family and Household in Professorial Circles of Kharkov in the early 19th century. №19. 2011. P.223-241.
- Karnachuk N. V.** 'Breeches and ruffs': costume symbolism and gender tension in the late 16th – early 17th century England. №15. 2008. P.159-184.
- Karnarchuk N. V.** A case of Agnes Bowker: gender troubles of the late Tudor society. №11. 2006. P.141-160.
- Kiril'lova E. N.** *Tailleurs d'habit* and *couturières* in the 18th c. Rheims. №18. 2010. P.157-176.
- Kiril'lova E.N., Soupryanovitch A.G.** On the tracks of gender stereotypes, or "matokherat" of Max Fray. №12. 2006. P.84-117.
- Korolenkov A. V.** Women in the political affairs of Quintus Sertorius. №14. 2007. P.158-169.
- Koroleva T. V.** Reform of secondary female education in France in 1900-1924: a state policy and a liberal women's movement. №11. 2006. P.230-257.
- Korotkova S. A.** Russian late 19th–century journals on the status of women in the USA. №11. 2006. P. 199-208.
- Kovtunova O. V.** 'Women's question' in "Crymsky vestnik" in the late 19th – early 20th cc. 13. P. 163-188
- Kradetskaya S. V.** Woman and family in the discourse of the Russian feminists in the early 20th c. №19. 2011. P.293-307.
- Krylova Yu. P.** "Lydia Mizinova: in search of self. An unmarried young woman in the late 19th -century Russia. №19. 2011. P.267-292.

Kuturzhenko L. A. British-Russian relations of the late 19th c. and a human tragedy: in search of Olga Novikova. №16. 2008. P.71-92.

Kvashnin V. A. Roman women in political life of the middle Republic. №14. 2007. P.50-71.

Laboutina T. L. Women in the pre-Petrine Russia: ethnic stereotypes of Englishmen. №17. 2009. P.189-201.

Lisovich I. I. Representation of the theory of magnetism in the seventeenth-century English culture: 'De magnete' by W. Gilbert and 'The Magnetic Lady' by Ben Jonson. №19. 2011. P.171-198.

Lyakh E. E. Religious conflict in the family (as it appears in the New Testament apocrypha). №11. 2006. P.42-55.

Makarova O. "If it were not for Aniuta... who had a great influence on me...": A sketch of Aleksei Suvorin's family portrait against the background of liberalization of women. №12. 2006. P.145-170.

Makarova O. «The woman question is not an integral part of the public consciousness yet...»: Feminist issues in the early A.S. Suvorin's journalism. №19. 2011. P.242-266.

Milano A. On woman and misogyny in the Bible. №13. 2007. P.97-136.

Nekluidova M. S. Women re-writing history: Gallant stories and the political imagination of the late 17th early 18th cc. №20. 2012. P.52-64.

Osipovich T. E. '...She was not a woman': Zinaida Gippius and the problem of 'feminime' in fin de siècle Russian culture. №12. 2006. P.219-241.

Panteleev A. D. Marriage and family in Valentinian's Gnosis. №14. 2007. P.178-191.

Petrov F. V. The 'male' and 'female' natures in St. Augustine's teaching of the human soul. №16. 2008. 3.7-14.

Petrova M. S. Einhard and power: life at Prince's court. №17. 2009. P.40-51.

Petrova M. S. State and power: Private life of Charlemagne and his family members. №20. 2012. P.65-82.

Posokhova L. Yu. "Found the place to get marries" (Priests' marriage strategies in the social and cultural conflict in the 18th century Ukraine. №13. 2007. 3.39-54.

- Romanova M. I.** Ladies against slavery: women's abolitionist societies in the early 19th c. England. №16. 2008. P.46-70.
- Salnikova A. A.** "Children's Writing" as Experience, as Fact, and as Knowledge. №15. 2008. P.266-290.
- Savitskiy E. E.** Perspectives of the feminist political practice and gender history as exemplified in the "Butler/Žižek Debate". №13. 2007. P.137-162.
- Saynakov N. A.** The 'demoralization' of the Russian society in the 16th c.: gender aspect. №16. 2008. P.15-37.
- Scvortsov A., Lubchansky I.** The tendencies in change woman's position in the Athenian society of the late 5th – early 4th cc BC. №14. 2007. P.113-120.
- Selivanova L. L.** A shot by an Amazon queen. №18. 2010. P.177-206.
- Selivanova L. L.** Gender studies and ancient studies. №14. 2007. P.7-36.
- Selivanova L. L.** Incestuous marriage: joining evidence from myths with historical evidence. №11. 2006. P.7-41.
- Selivanova L. L.** Self-castration in glory of the goddess. №19. 2011. P.7-36.
- Selivanova L. L.** The «white doves» of Russia and the Galloi, eunuch priests of Cybele. №20. 2012. P.116-165.
- Seregina A. Yu.** 'Humility and obedience': models of female behaviour in English Catholic community (late 16th – early 17th cc.). №12. 2006. P.118-144.
- Seregina A. Yu.** A noble at the period of confessional conflicts: the transformation of gender roles. №18. 2010. P.119-138.
- Seregina A. Yu.** Catholic women in England in the 16-17th cc.: public role in private sphere? №20. 2012. P.83-115.
- Seregina A. Yu.** Gender and confessional aspects of English demonology of the 16-17th cc.: the witches of Lancashire (1612). №18. 2010. P.84-100.
- Seregina A. Yu.** Nuns and history writing: the Chronicle of the Convent of St Monica, 17th c. №19. 2011. P.119-147.
- Seregina A. Yu.** Religious controversies and models of female behaviour in the 16-17th centuries England. №15. 2008. P.53-99.
- Sergejeva E. V.** 'Non filiam nominabat sed Dominam...': The story of a family conflict. №15. 2008. P.22-52.

Solodyankina O. Yu. A foreign governess in the system of relations: the pupils, other members of family, relatives, neighbors, tutors, and servants. №11. 2006. P.76-113.

Solodyankina O. Yu. Governesses in fiction. №15. 2008. P.211-242.

Soupryanovich A. G. The curse of Melusine: Gender, crime and punishment. №18. 2010. P.30-60.

Soupryanovitch A. G. Representation of history of gender in teaching literature (on example of universities textbooks on medieval history). №15. 2008. P.291-306.

Soupryanovich A. G. William and the werewolf: representation of dominant masculinities in medieval romance. №19. 2011. P.37-62.

Stogova A. V. Epistolary practices of the 17th century: between the private and the public spheres. №20. 2012. P.37-51.

Stogova A. V. "Femmes d'esprit" in the late 17th-century France: Madeleine de Scuderie and a problem of identity. №12. 2006. P.171-218.

Stogova A. V. Gender anatomy of melancholy: sex and gender in the text by Robert Burton. №17. 2009. P.162-188.

Stogova A. V. The history of a misunderstanding: Catherine Philips and Jeremy Taylor. №19. 2011. P.199-222.

Surikov I. E. Adam and... Adam (On the specific character of gender roles in the conditions of the ancient Greek polis). №12. 2006. P.23-47.

Surikov I. E. Retreating Amazons (Gender mythology and gender geography in Ancient Greek images of power). №17. 2009. P.7-39.

Surikov I. E. The dynamics of gender in aristocratic and democratic Athens. №14. 2007. P.87-112.

Svanidze A. A. Children and childhood in sagas. №12. 2006. P.7-22.

Svanidze A. A. Marriage in the world of Icelandic sagas. №11. 2006. P.56-75.

Tel'menko E. A. 'If you, a woman, ... desire to live a good life, you are not a woman any more, ... but a man and have a soul of a man': Savonarola on the 'simplicity of Christian life' among women. №15. 2008. P.139-158.

Tiainen T. V. The specific of feminist movement in Sweden in the later 19th – 20th cc. №13. 2007. P.189-222.

Togoeva O. I. A Shepherdess turned an Amazon: the image of Jeanne d'Arc in the French lives of illustrious people of the 16-17th centuries. №20. 2012. P.11-36.

Togoeva O. I. How Joan of Arc has become an angel: contemporary debate and the opinions of descendants (15-19th cc.). №18. 2010. P.61-83.

Togoeva O. I. Jeanne d'Arc in the 17th-century France: between Catholics and Protestants. №19. 2011. P.148-170.

Trofimova V. S. 'A learned lady' Batshua Makin and English family of the 17th- century England. №16. 2008. P.100-110.

Trofimova V. S. Politics in the life and works by Aphra Behn. №15. 2008. P.38-45.

Veremenko V. A. A noble family in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: one of the spouses keeping the other one. №11. 2006. P.114-140.

Vishlenkova E. A. Gender codes in visual language of Russian nationalism, 18-19th century. №11. 2006. P.161-186.

Volchkov A. V. Prophetess, virgin, whore... Woman and Femininity in the Early Christianity. №14. 2007. P.121-144.

Wilde L. W. Did the Amazons really exist? №17. 2009. P.52-71.

Zhelobetskaya A. Women on the paths of war: comparative analysis of female identity. №12. 2006. P.242-263.

Zvereva V. V. Feminine and masculine in the early Modern 'natural histories'. №18. 2010. P.139-156.

Texts and translations

Vespasiano da Bisticci Notes on some illustrious women of the 15th c. / Intr., trans. and comm. by I. A. Krasnova. №18. 2010. P.207-237.

Margherita Datini. Le lettere di Margherita Datini / Intr., trans. and comm. by I.A. Krasnova and I.A. Anupienko. №12. 2006. P. 264-312

Venantius Fortunatus The Life of St Radegund / Intr., trans. and comm. By N.Yu. Bikeeva. №20. 2012. P.183-204.

Aulus Gellius. Attic nights / Trans. And comm. by A.A. Pavlov. №13. 2007. P.223-260.

Valerius Maximus Nine books of memorable deeds and sayings / Transl. and comm. by A. A. Pavlov. №16. 2008. P.146-181.

Francesco Petrarca To the Empress Anna a congratulation on her having given birth to a daughter, and an eulogy to women / Intr., transl. and comm. by N.I. Devyataykina. №11. 2006. P.258-281.

Plinius the Elder Natural history / Intr., transl. and comm. by A. A. Pavlov. №17. 2009. P.202-242.

Sextus Pompeius Festus «De significatu verborum» / Intr., transl. and comm. by A.A. Pavlov. №14. 2007. P.192-234.

Francois Poullain de La Barre Of the equality of both sexes / Intr., transl. and comm. by A. V. Stogova. №16. 2008. P.182-230.

Teresa of Avilla A Book of My Life / Transl. by O.Variash, U.Zaretskiy. №12. 2006. P.313-317, №15. 2008. P.307-318.

Mary Wriothesley, the Countess of Southampton. Letter to her father, the Viscount of Montague / Intr., trans. and comm. by A. Yu. Seregina. №17. 2009. P.243-258.

Discussion club

Yerusalimsky K. Yu. Gender assimetry in Medieval Volyn' (on the study by N. Starchenko). №13. 2007. P. 261-275.

Waldner K. Διορίμα: Materials for the study of women and gender in the Ancient World. №12. 2006. P.318-328.

Reviews

Bikeeva N. Yu. Gender aspects of the representations of saints in Merovingian Gaul. №11. 2006. P.291-297.

Demidova O. R. Memoirs by a 'Serapion sister': review: Polonskaya E. G. Cities and meetings. The Book of memoirs. 2008. №18. 2010. P.243-250.

Demidova O. P. Images of women in the prose by A. Tolstoy. №13. 2007. P.276-279.

Demidova O. P. On the part of body called 'soul' (a new book by Lyudmila Kol'). №13. 2007. P.279-282.

Fetisova N. Yu. Review: V.A. Veremenko. Women in Russian universities (the second half of the 19th century - early 20th century). St Petersburg, 2004. №13. 2007. P.282-284.

Khavanova O. V. Frauenleben in Innsbruck. Ein historisches Stadt- und Reisebuch / Hrsg. von E. Forster, U. Stanek, A. von Schlachta. Innsbruck, 2003, 212 S. №19. 2011. P.308-313.

O.I. Togoeva

A Shepherdess turned an Amazon: the image of Jeanne d'Arc in the French lives of illustrious people of the 16–17th centuries.

The author analyses the image of Jeanne d'Arc in the French historical writings of the 16–17th cc. It has been suggested that the French historians of the period lost interest in Jeanne d'Arc. O.I. Togoeva argues that although the story of Jeanne was rarely told in *Annales* or histories of the period, it was often included into the collections of the biographies of illustrious people. Jeanne d'Arc was presented there as a warrior, and Amazon, and not a pious and obedient shepherdess of the previous century. Thus the memory of Jeanne d'Arc acquired new forms in the 16–17th cc.

A.V. Stogova

Epistolary practices of the 17th century: between the private and the public spheres

The article is dedicated to the changes in epistolary culture that took place in the 17th-century France. The author discusses private and public characteristics of 'private correspondence' and also addresses the questions of how and why the changes of the style of correspondence – from the high-flown language of courteous amiability to that of natural friendliness are thought to be connected with female influence.

M.S. Neklyudova

Women re-writing history: Gallant stories and the political imagination of the late 17th early 18th cc.

The article addresses the question of why the late seventeenth-century French pamphlets were often written as gallant stories, and why it was the love affairs of the French Kings that were chosen as the main object of criticism. The reasons for it were not only moral but rather linked to the views of the nature of political power as it was thought to be surrounded by mystery (*acraua imperii*). The audience's imagination connected this mystery with the private life of a monarch, i.e., his love affairs. Thus the figure of a favourite was turned into a symbol of power contaminated and politically impotent.